

НАША РОДИНА СССР

Андрей Норкин

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ КАК Я ОТДАВАЛ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Армия, описываемая Норкиным, – это своего рода солдатское братство, в котором неважно, какой ты национальности или культурного уровня, где ты родился и кто твои родители.

Карен Георгиевич Шахназаров

Annotation

Андрей Норкин – российский журналист, медиаменеджер, телеведущий, радиоведущий. Член Академии Российского телевидения. Обладатель премий ТЭФИ и «Радиомания». Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации.

Книга российского журналиста Андрея Норкина – основанный на реальных событиях откровенный рассказ о необыкновенных армейских приключениях молодого жителя Москвы в последние годы существования СССР. Рассказ, действие которого происходит в самых глухих местах Горьковской области и во втором по величине городе Грузии – Кутаиси, в высокогорной Сванетии и пустынной Караязской степи, в трескучие морозы и при удушающей жаре. Почему хлястик – самый важный элемент обмундирования и как сделать из паука фаланги изысканное украшение? Как меняла армейский уклад горбачевская перестройка и правда ли, что на смену «дедовщине» пришла национальная вражда? Чем умение писать стихи может помочь армейской службе и как добиться от командования официального разрешения нарушать Устав? При каких обстоятельствах русская водка превосходит грузинский коньяк и почему короля поп-музыки следует называть «Мишель Джексон»? Изменилась ли Советская армия после кровавых событий в Сумгаите и где громче всего слышалось эхо Спитакского землетрясения? Как правильно организовать испытание новобранцев слезоточивым газом, где лучше всего прятаться от наблюдателей НАТО?..

-
- [Андрей Норкин](#)
    -
    -
    - [От автора](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Андрей Норкин

Армейские байки. Как я отдавал Священный долг в Советской армии

© Норкин А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Автобиографическая книга известного российского журналиста Андрея Норкина «Священный долг и почетная обязанность» читается легко – автор весело и непринужденно рассказывает о своей армейской службе, проходившей четверть века назад.

Сразу оговорюсь, единственное нарекание с моей стороны – это ненормативная лексика, которую автор порой использует для воссоздания достоверности и полнокровности армейского быта. Я прекрасно понимаю, что в советских казармах не изъяснялись на изысканном французском, но моя позиция в этом вопросе хорошо известна: я – противник употребления любой нецензурной риторики и в первую очередь в художественных произведениях.

Итак, Закавказский военный округ, обычная, ничем не примечательная воинская часть под Кутаиси, 80-е годы прошлого столетия – последние годы существования Советского Союза. И молодой москвич, неожиданно заброшенный сюда по какой-то прихоти судьбы.

Норкин не скупится на резко ироничные штрихи армейской действительности. Однако несмотря на сатирические картины, которые, безусловно, преобладают в книге, – тематика ее значительно шире. Даже в эпизодах, полных юмора, вдруг проскальзывают пронзительные душевные нотки... Вдруг с удивлением замечаешь, что, по сути, в книге нет ни одного по-настоящему отрицательного персонажа. Да, порой офицеры бывают строгими и – даже грубыми и жестокими, а солдаты – разгильдяями или, скажем, хамами. Но в какой-то момент автор показывает их простыми людьми, в которых отчетливо видна их человеческая суть, их душа.

В книге заметна ностальгия автора по юности – по молодому, задорному, иногда даже брызжущему через край лихачеству, по

бесшабашности и удали. Так что порой кажется, что его армейская служба больше напоминает веселые приключения или затянувшийся бесконечный праздник. И действительно, нам вместе с автором становится непонятно – зачем Господь выхватил его из московской размеренной жизни и окунул на два года в этот театр абсурда... И Норкин находит ответ, являющейся по сути главной темой книги: «Возможно, все это было для того, чтобы я встретил за короткий промежуток времени столько разных, отличных друг от друга людей... Узнал цену искренней дружбы, не отягощенной меркантильными, карьерными или какими бы то ни было другими интересами, из которых состоит жизнь взрослого человека...»

Ведь армия, описываемая Норкиным, – это своего рода солдатское братство, в котором неважно, какой ты национальности или культурного уровня, где ты родился и кто твои родители. Именно поэтому автор книги задерживает свой «дембель» и служит в армии лишний месяц, чтобы уехать домой вместе со своими друзьями-однополчанами. Именно поэтому с такой трогательной теплотой он и описывает свой армейский быт.

Заканчивается срок службы, и вместе с ним заканчивается юность автора книги, начинается взрослая жизнь. Еще чуть-чуть, и не станет страны, в которой он вырос, и армии, в которой он служил. Великая держава начинает понемногу расходиться по швам, и вот уже первые трещины будущих великих межнациональных конфликтов – националистические беспорядки в Тбилиси... Реальная жизнь всегда пишет свою драматургию – порой гораздо более фантастичную и уж, во всяком случае, куда драматичнее придуманной писателями.

К. Г. Шахназаров

От автора

Когда я писал эту книгу, я, конечно, и представить не мог, насколько изменятся наши Вооруженные силы. Впрочем, у меня и не было такой задачи. Я просто хотел вспомнить два года своей жизни, которые я провел в не самых комфортных бытовых условиях, поделиться смешными и драматическими подробностями собственной молодости, рассказать о людях, которых я встретил на этом жизненном отрезке.

Конец восьмидесятых еще ждет своего осмысления. Сейчас больше говорят и чаще стараются анализировать девяностые годы, время зарождения новой России. Я же служил в Советской армии в последние годы существования той, прежней страны. Было бы странным, если бы всеобщее ощущение приближающейся катастрофы обошло стороной такой внушительный государственный институт, как армия. Поэтому моя военная служба была именно такой, какой я ее описал: бестолковой, показушной, трагически бессмысленной, но в то же время искренней и, как это ни покажется странным, доброй.

Фамилии большинства действующих лиц я немного изменил, чтобы ненароком не обидеть кого-нибудь. (Хотя считается, что на правду обижаться нельзя.) Но все без исключения события, описанные в книге, произошли на самом деле! С моим непосредственным участием. На мой взгляд, это добавляет интриги. Потому что мне до сих пор непонятно, каким образом этот «театр абсурда» под названием «Советская армия», спустя тридцать лет подготовил и выпустил на авансцену... «вежливых людей»! Которыми может гордиться каждый российский гражданин, принимающий близко к сердцу такие понятия, как «священный долг» и «почетная обязанность». Я, по крайней мере, горжусь!

Андрей Норкин

***Моей маме. Которая сохранила все мои письма.
Моей жене. Которая надоумила меня их
перечитать.
В этой жизни они не встречались. Не успели.***

«Здравствуйте, папа, мама и дядя Илья! Я живу хорошо, просто замечательно! У меня есть шинель, она теплая. А здоровье мое – очень

хорошее, «то лапы ломит, то хвост отваливается». (Это я – для Илюхи, который спрашивает про мозоли. Мозоли есть, Кролик, не волнуйся!) А лохматость у меня явно повисилась, правда, на снегу спать не могу, но увидите, наверно, на моей фотографии. 09.12.1986 г.»

Ну, «долг» – это я понимаю. «Священный» – тоже. Все-таки в середине восьмидесятых пробелов в патриотическом воспитании молодежи старались не допускать, хотя Афганистан, несомненно, общую картину портил. Но вот почему «обязанность» была «почетной»? Это я понимать отказывался. Точно так думало и подавляющее большинство молодых людей призывного возраста. Никто этой «обязанности» не хотел, и все ее боялись.

Про армию рассказывали жуткие вещи, так что мне было страшно вдвойне. Я уходил почти раньше всех. Провожать меня собралась куча народу. К стадиону «Локомотив» приехали все: Борька с Наташкой, Дядька с Теткой, Пахомака, Дзюба, Фолома Пепла, Гарик, Губаевы, Ирка с Ленкой, мой младший брат Илюха... Странно, но я совсем не помню родителей. Это, впрочем, обычная история. В восемнадцать лет родители являются далеко не самыми главными людьми в вашей жизни. До тех пор, пока вы вдруг не оказываетесь без их поддержки и заботы...

Военкомат Москвы, сборный призывной пункт, Угрешская улица, д. 8

В общем, меня обрили наголо, отобрали документы и оставили сидеть на сборном пункте на Угрешской улице.

Начался хаотический процесс братания. Каждый старался как можно точнее и быстрее понять, какая судьба его ждет. Понятно, что больше всего боялись двух вещей: Афгана и флота. И если для отправки в первый еще находились добровольцы (хотя их было на порядки меньше, чем в начале войны), то во второй – народ идти решительно не желал.

Меня вроде бы должны были отправить в войска связи. В старших классах на УПК я получил профессию «намотчик катушек», и это считалось достаточным для того, чтобы сделать из меня еще и военного специалиста схожего профиля. Никакой «связной» команды, однако, на ГСП так и не появилось, и вечером меня выгнали домой. Лысого. Без паспорта.

Неделю я болтался с друзьями по улицам. Бритый череп успешно заменял документы. Милиционеры почему-то охотно верили в то, что я не просто так прикидываюсь, а действительно жду отправки «на фронт». После второй торжественной церемонии проводов я опять оказался на

сборочном пункте, провел там двое суток, уничтожил все домашние пищевые запасы, потому что кормили нас за это время всего два раза, и когда вероятность голодной смерти уже не казалась чем-то невозможным, все-таки уехал служить. В артиллерийскую сержантскую учебку.

Моим новым домом на ближайшие шесть месяцев должен был стать Гороховецкий учебный центр. В/ч 63309 приветствовала нас колонной старослужащих, как потом выяснилось, из батареи управления, радостно оглушившей нас криком: «Духи, вешайтесь!», что, конечно, прибавило дрожи в коленках. «Братства», появившиеся на Угрешке, уже неоднократно распались и были созданы заново, но все шло к тому, что придется рассчитывать на собственные силы и ориентироваться на местности.

Гости с «большой земли». Отец и брат приехали!

Когда нас раздели в очередной раз (уже и не помню в какой по счету), теперь для того, чтобы сделать прививку сразу от всех болезней, я почему-то решил нарушить все рекомендации, которые давали мне на гражданке более осведомленные в жизненных реалиях друзья. Рекомендации были такими: «Никогда и никому не рассказывай о своих увлечениях на гражданке! Особенно творческих! Сразу зачморят!»

В толпе обступивших его призывников прапорщика из строевой части было практически не видно, но слышно. «Гармонисты есть?» – спросил он. Конечно, гармонисты были, причем несколько. «А конференсье не нужны?» – в свою очередь зачем-то спросил я. «Разберемся», – ответил прапорщик, и как показала моя дальнейшая жизнь, мой порыв был явно инициирован высшими силами. Или это были последствия прививки. Ее

недаром делали сразу от всех болезней, потому что некоторые ухитрились моментально терять сознание.

«Страшные рассказы пока не подтверждаются, так что мама может своих подружек успокоить, потому что у меня ничего не украли, никто меня не бил и по ночам деньги не стреляли. 23.11.1986 г.»

На самом деле все, конечно, выглядело не совсем так. В первый же день была выявлена ужасная проблема – отсутствие хлястика на шинели!

Хлястик прикреплялся к спине двумя кругленькими пуговицами. Несмотря на явную принадлежность к Вооруженным силам (это демонстрировали «звездочки»), пуговицы не отличались хорошей дисциплиной, поэтому хлястики все время терялись. Довольно быстро все мы поняли, что обороноспособность страны напрямую зависит от внешнего вида будущего сержантского состава, потому как дрючили нас на построениях исключительно за соответствие внешнего вида требованиям устава. Это привело к тому, что я постарался как можно скорее и как можно основательнее забыть внушавшиеся мне все эти годы моральные принципы, и, в случае необходимости, выходил на «охотничью тропу». Отцепить хлястик от чужой шинели не представляло труда. Гораздо хуже обстояли дела, когда куда-то пропадала сама шинель. Здесь уже приходилось подбирать себе обмундирование по размеру, да еще и переделывать идентификационные знаки, которые могли бы выдать настоящего хозяина. «Солдат без бирки – как пизда без дырки!» – это было первое, что я запомнил.

Семейная традиция. И мой отец, и братья мамы обязательно фотографировались в армии со снежком в руках

Не могу сказать, что я не был знаком с ненормативной лексикой до того, но оказалось забавным, потому как в армии мат, очевидно, выступал в роли государственного языка! Матом не ругались, а на самом деле – разговаривали. Офицеры и прапорщики, сержанты и рядовые, русские и нерусские. Не стоит, наверное, даже упоминать, что все друг друга отлично понимали! Хотя и преувеличивать влияние этого своеобразного «эсперанто» на армейскую действительность я бы тоже не стал.

Сама же эта действительность очень быстро приобрела вид конвейерного производства. Хотя – довольно разнообразного.

«Три дня жили в поле. Две ночи ночевали в палатках, а днем работали по насыщенной программе. В первый день мы сначала нюхали

хлорпикринчик, а потом ходили по азимуту. Было очень весело, потому что мы заблудились, но все равно вышли. Потом – тактическая подготовка. В последнем письме мама обратила внимание на тактику. Да, да. Так и ползаем в шинелях прямо по снегу, а потом, мокрые и грязные, идем на занятия. Или на работу, или еще куда.

Милая мамочка, когда я прочитал об «обсушке», я очень долго и весело смеялся. Разве же у нас есть время?! Это письмо я пишу в перерыве политзанятия. А подшиваюсь – ночью. В четыре утра встану, подошьюсь и опять спать.

PS. Чуть не забыл. На полевом выходе я потерял очки! То-то весело. Ну, все. Новый год на носу! 25.12.1986 г.»

Конечно, в первую очередь скучать не давали занятия и наряды. Со вторыми у меня сразу как-то не задалось, чему я, конечно, был только рад. Из общих обязанностей меня касались только караулы и полевые выходы, которые рассматривались как своеобразные приключения. Вернее, это я сам придумал так к ним относиться. В противном случае, развертывание ППЛС (пункта приема личного состава) зимой, в ночное время, после продолжительного марш-броска на машинах, могло быстро вогнать в тоску. Бросать гранаты в БТР было весело, а лежать под ними – не настолько страшно, как можно было подумать. Гораздо опаснее, кстати, оказался сам «полевой быт». Если вам, не дай Бог, попадался не очень внимательный дневальный, отвечавший за поддержание тепла в палатке, все могло кончиться печально. Пару раз мы просыпались едва ли не в последний момент, потому что бедолага дежурный сам засыпал, не заметив, как чей-то валенок привалился к раскаленной буржуйке и начал активно тлеть, источая сладостный, но удушающий аромат.

На улице греться приходилось по-другому. Сначала выкапывалась яма (при морозах под тридцать процесс, сам по себе, разогревающий), потом в яму заливалась солярка, сверху помещалась автомобильная крышка, после чего все это поджигалось. С точки зрения экологии и охраны здоровья это вряд ли было полезно, зато никто не замерзал.

Честно говоря, я так и не понял, почему на полевых выходах мы все время разворачивали эти ППЛС. Видимо, на тот момент в нашей оборонной стратегии превалировала концепция необходимости всеобщей мобилизации в военное время. Палатки, скамейки, бирки, ящики с противогазами, столы, кухни, обмундирование и все такое прочее, многократно упакованное и распакованное, на мой взгляд, уже давно превратилось в совершенно непригодный хлам. Но, понятное дело, об этом

никто никого не спрашивал.

Приблизительно так же дело обстояло и с караулами. Предотвратить преступление можно было бы лишь в том случае, если злоумышленник оказывался трусом. При ночной температуре минус 39 градусов (я тогда очень гордился тем, что отморозил себе кончик носа, и у меня пару недель с него слезала кожа) в караул мы снаряжались следующим образом: теплое белье, п/ш (полушерстяное обмундирование), шинель, бушлат, тулуп, ватные штаны, валенки. В результате такой караульный приобретал совершенно некондиционный шарообразный вид, и снять автомат с плеча, чтобы открыть предупредительный огонь, он никак не мог. Я предполагал, что если к такому часовому подойти сзади и толкнуть его в сторону, например, собственного дома, он радостно докатится до самых дверей.

«Отправление естественных надобностей» попадало в разряд неосуществимых мечтаний в силу тех же причин, а вовсе не дисциплинарных требований. Как все довольно логично считали, «скорее лопнет твой мочевого пузырь, чем ночью к тебе подкрадется какой-нибудь проверяющий». О «проклятых расхитителях социалистической собственности» мы как-то не думали. Возможно, потому, что на охраняемых нами объектах в нижегородских лесах уже не особенно что и оставалось нерасхищенным. Но я отвлекся.

Бегать «по-маленькому» приходилось в перерывах, когда с тебя снимали всю эту «противозамерзательную» сбрую. А вот с физиологическими проблемами более крупного масштаба было труднее. Особенно для тех, кто жил в современных городских квартирах и был, так сказать, развращен буржуазным бытом. Деревенских, думаю, это не очень пугало! Но все равно караульный туалет, в точности соответствовавший описанию из фильма «Бриллиантовая рука», на меня произвел совершенно неизгладимое впечатление. Ничего подобного я не видел ни до, ни после! Последняя уборка там проходила, видимо, еще в доперестроечные времена, поэтому «очки» (кстати, вот это как раз – совершенно официальный термин) были безнадежно погребены под центнерами отработанных продуктов человеческого организма. Это были даже не сталактиты, это были настоящие горные хребты! Каким-то удивительным образом они продолжали свое стремление к небу, хотя я так и не понял – каким. Впрочем, я старался об этом не думать, как и о том, какие ароматы разносятся над нашим гарнизонным караулом в теплое время года...

«Тут, в армии, все как-то по-другому. Я сейчас стал страшным фанатом всяких ирисок, карамелек, печенья, вафель и прочей ерунды,

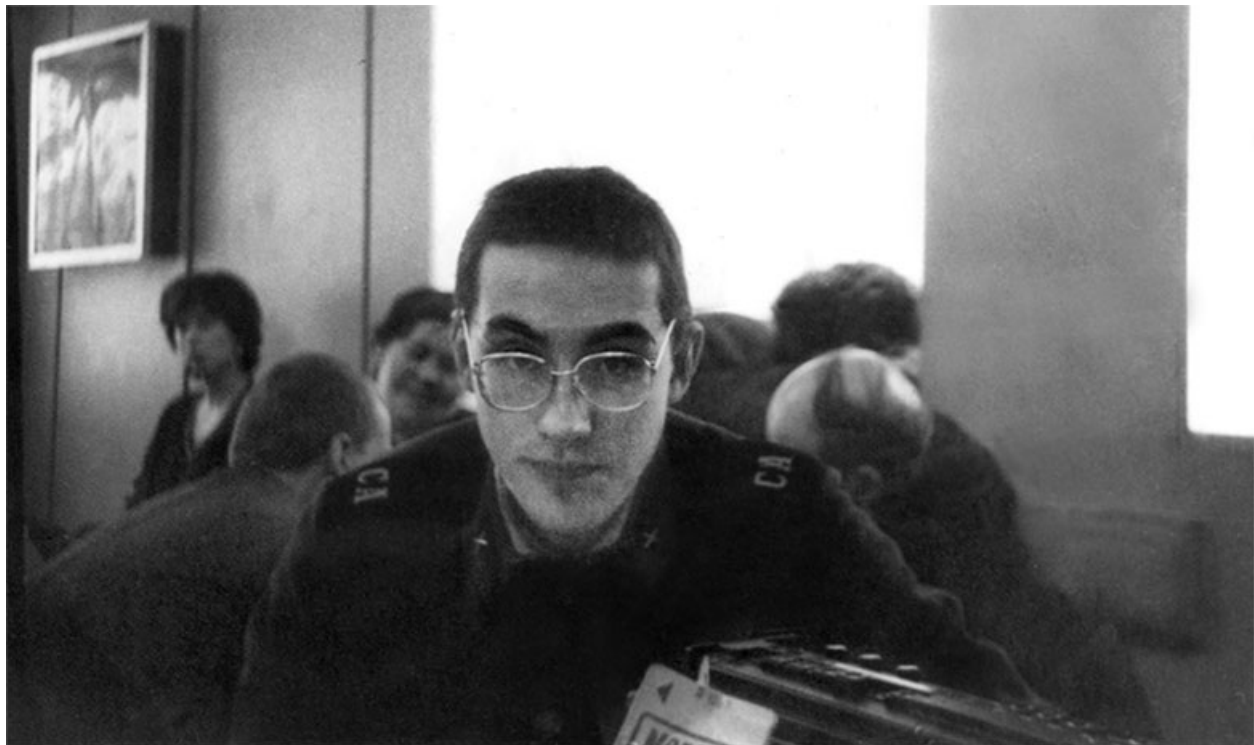

которой дома не ел. Даже халву тут уписывал за обе щеки. Да, армия меняет человека! 15.12.1986 г.»

Я, очевидным образом, нарушил причинно-следственную связь, и про процессы, предшествующие финальной части работы пищеварительной системы надо было бы рассказывать раньше. Но лучше поздно, чем никогда, тем более что про еду и разговор будет более приятным. Краткий вывод такой – есть хотелось все время!

И что самое удивительное, хотелось того, что дома никакого интереса не вызывало: конфет, печенья и тортов. Потребность удовлетворялась двумя способами – походом в чайную и посылками из дома.

В чайную можно было ходить хоть каждый день, были бы деньги. А вот посылки – это совсем другая история. Присланные из дома гостинцы приобретали совершенно иной вкус, я бы сказал – метафизический. Это была не только материальная пища, но и духовная! К тому же процесс получения посылки, ее вскрытия и употребления содержимого быстро превращался в обязательный элемент социалистического сосуществования. Что, кстати, почти всеми воспринималось как само собой разумеющееся. Когда один из рядовых нашего шестого взвода был замечен за углом казармы, жуящим вафли, присланные ему из дома, справедливое наказание оказалось скорым и довольно чувствительным.

Процесс поглощения вкусных подарков, которые привезли друзья с гражданки

В полковую столовую почти ползими приходилось ходить в шинелях. Из-за ужасного холода решено было не раздевать личный состав в казармах и не гонять нас по улицам «голышом». Так в шинелях и ели... Несмотря на питание по жесткому распорядку, «в коня корм не шел» – первые недели службы все стремительно худели. Процесс начинался сразу после того, как новобранцы переставали «срать бабушкиными пирожками». (Это была любимая фраза старшины батареи, сержанта Федуна.) За полгода в учебке посылки мне приходили неоднократно, благо Москва находилась совсем рядом, но как показывала практика – потеря веса являлась временным явлением. В конце концов организм перестраивался и, как правило, все начинали прибавлять. «Что ни день – сто грамм! Что ни день – сто грамм!»

Если же говорить о настоящих ста граммах, то для курсантов учебного центра они оставались непозволительной роскошью. Мы еще были слишком неопытными в тонкостях армейского неуставного быта, поэтому подобное удовольствие позволяли себе только сержанты-деды и то по большим праздникам, самым большим из которых был, конечно, Новый год.

«У нас было семь тортов, каждый килограммов на шесть, очень большие и плоские, но вкусные. Шесть ящичков конфет, три ящичка пряников, ящичек печенья, два ящичка яблок, ящичек мандаринов и четыреста бутылок лимонада! Съели в первый день, конечно, не все, хотя мы и старались. Так старались, что на следующий день у меня заболел живот, и я не смог идти на ужин. 02.01.1987 г.»

Главным украшением стола, несмотря на приведенный выше список, был телевизор. Об этом очень правильно в свое время говорил почтальон Печкин. Я ухитрился посмотреть все: «Огонек», «Ритмы планеты» и «Ну, погоди!» Это было поощрением за то, что я трудился официантом во время праздничного ужина, которому предшествовала большая развлекательная программа. Мы (наш взвод) выиграли в игру «Что? Где? Когда?». Тогда все викторины всегда называли «Что? Где? Когда?», хотя со знаменитой телеигрой они имели весьма отдаленное сходство. Тем не менее было приятно правильно ответить на поставленные вопросы. Например, как переводится слово «камикадзе» или кто из советских клоунов является обладателем циркового «Оскара». Нашими соперниками оказались

«заезжие профессионалы» из второй батареи, которые покинули место интеллектуальной схватки пристыженными и мрачными.

В повседневности телевизор выполнял в основном патриотически-воспитательные функции. Ежедневно личный состав ровно в девять вечера усаживался на табуретки для просмотра программы «Время». То, что на самом деле ее никто не смотрел, никого не волновало. Главное, чтобы все сидели на своих табуретках и смотрели в телевизор.

Такая же история происходила в выходные, когда в таком же обязательном порядке все смотрели передачу «Служу Советскому Союзу!», по понятным причинам именовавшуюся не иначе, как «В гостях у сказки». Развлекаться с помощью телевизора было сложно, но оставался еще проигрыватель, стоявший в ленинской комнате.

Обычно здесь писали письма, хотя изначально это помещение предназначалось для проведения политинформаций и других важных мероприятий «разъяснительного характера». Наша «ленинская комната» запомнилась мне бесконечным прокручиванием двух пластинок. Первой была «Песни на стихи Леонида Дербенева», главным хитом которой являлась композиция в исполнении Михаила Боярского со словами «Уеду срочно я из этих мест».

Вообще-то в ней речь шла о свадьбе друга, на которой лирический герой влюбился в чужую невесту, но мы реагировали исключительно на вербальный раздражитель «уеду срочно я». Вторая популярная пластинка, название которой, к сожалению, моя память не сохранила, была сборником узбекской эстрады, с абсолютным хитом – песенкой про цыплят. «Цып-цып-цып, мои цыплятки» – такой перевод текста был мне известен на русском. Не исключаю, что в узбекском варианте пелось о чем-то другом, но, так или иначе, две эти мелодии навечно отпечатались в моем подсознании именно благодаря бесконечной «ротации» в нашей ленинской комнате.

Искусство постоянно присутствовало в нашей повседневности. Начать с того, что строем мы ходили, конечно, с песней. Репертуар был проверенный, одобренный всевозможными инстанциями и потому быстро приевшийся. Но оставалась лазейка – иногда мы маршировали в полях или лесах, куда ухо замполита не проникало. Одним из самых интересных экспериментов оказалось исполнение в маршевой аранжировке песенки Крокодила Гены «Пусть бегут неуклюже». Она идеально подошла для прохождения строем: поднимала настроение, была известна всем без исключения бойцам и оказалась не лишена некоторых изысков. После слов «к сожаленью, день рожденья только раз в году!» правофланговый пел:

«Па-бада-бадам-бада-бадам-бада-бадам!»

Радиотрансляции на территории полка тоже вносили свой вклад в абсурдизацию мира. Тогда большой популярностью у «городской» армейской молодежи пользовалась радиостанция «Юность», время от времени включавшая в свои передачи западную музыку. Причем иногда даже не слишком старую. Например, полы в казарме особенно успешно натирались «машкой» под AC/DC. (Поясню, что «машкой» называлась огромная швабра. Вместо щетки к ней крепилась большущая деревянная чушка с войлочным покрытием. Полы натирались мастикой, а затем с помощью этого инструмента доводились до блестящей кондиции. Что касается названия, то оно объясняется незамысловатым солдатским юмором. Сам процесс натирания полов именовался словом «ебаться», а так как делать это в одиночку было, согласитесь, странно, то и происходило это – «с «машкой»)

Процесс уборки помещений в армии превращался в подобие религиозного ритуала. Прошу понять меня правильно, я не имею в виду ничего такого, что могло бы оскорбить чувства верующих. Лишь хочу подчеркнуть его важность. Как говорил нам старшина Федун, в армии все должно быть «пусть хуеобразно, но однообразно!» Это удивительно, как быстро молодые ребята, несколько месяцев назад получившие сержантские погоны, а вместе с ними – полномочия руководителей, перенимали язык и манеру поведения старших командиров. Видимо, это общее такое человеческое качество. Наблюдая за стремительными метаморфозами многих известных людей, ставших, например, депутатами Государственной думы, я сейчас думаю, что именно в армии впервые заметил эту особенность – власть меняет человека. И не в лучшую сторону.

Что касается «однообразности», то она достигалась за счет многократных повторений, почти дрессуры. Одеяла на койках выравнивались по трем полосам, нанесенным на один из краев. Иногда через весь ряд кроватей натягивалась ниточка. Это помогало удостовериться в том, что все койки заправлены одинаково аккуратно. Впрочем, чаще обходились без ниточки, хотя, справедливости ради, надо сказать, что если бы в казарме не существовало таких драконовских бытовых правил, помещение быстро превратилось бы в помойку.

До армии, Впрочем, и после нее – тоже, я часто слышал популярную «страшилку» о другой армейской процедуре: чистке унитазов с помощью зубных щеток. Как правило, с такими рассказами выступали люди, сами в армии не служившие. Просто потому, что в армии унитазов не было. Но «очки» в нашей батарее действительно пару раз натирали щетками. Этот

процесс носил ярко выраженный экзекуционный характер, поскольку подчеркивал абсолютную бессмысленность самого занятия. То есть, если надо было наказать кого-то за некий ужасный проступок, ему придумывали такой наряд, бытовой пользы от которого не было никакой, но зато все становилось понятно: человек наказан и отработывает это наказание в поте лица своего.

ОЗК – общевойсковой защитный комплект

Утренние построения периодически также приобретали чудную (с ударением на первый слог) окраску. Достаточно представить такую картину. Личный состав полка стоит на плацу в ОЗК.

ОЗК – это «Общевойсковой защитный комплект», средство индивидуальной защиты от отравляющих веществ, биологического оружия и радиационной пыли. Вещь, совершенно необходимая для любителей зимней рыбалки или чего-то подобного, связанного с экстремальным копанием в грязи, но вряд ли способная спасти жизнь в условиях химической войны. ОЗК закрывает фигуру одетого в него человека полностью. Практически – это резиновый комбинезон, дополнительно снабженный резиновыми же сапогами. Финальной точкой служит

противогаз. Так вот, когда наряженные в костюмчики веселого зеленого цвета солдаты стоят на плацу после команды «вольно», стоят довольно долго, а новых распоряжений все не поступает – возникает желание как-то разнообразить свое времяпрепровождение. В этот момент через громкоговорители начинает звучать песня «Симона» в исполнении Владимира Кузьмина. И весь полк пускается в пляс! Если бы фильм «Письма мертвого человека» не был бы столь серьезным и трагическим, эту картину вполне можно было бы в него включить – сотни человек в противогазах весело скачут под рассказ о том, что «на рижском взморье воздух свеж»!..

В полковом клубе нам бесплатно показывали кино. Хотя при наличии свободного времени и необходимой суммы по выходным можно было ходить и на платные сеансы, которые организовывали для офицеров и членов их семей. Этой возможностью я пользовался при каждом удобном случае. Я уже хорошо знал дорогу в клуб, поскольку мой вопрос про конференсье, заданный прапорщику из строевой в первый же мой день в учебке, упал на подготовленную почву. Меня довольно быстро «взяли в оборот» и творческие процессы в полковой художественной самодеятельности проходили при самом активном моем участии.

«Дивизионный смотр самодеятельности нагрянул внезапно и неожиданно. Замполит полка бросил все силы (то бишь – нас) на разгром врага (то бишь – комиссии). В общем, я получил наглядный пример армейской жизни и организации. Судите сами: за один день нужно было сделать часовой концерт с разными номерами, песнями, стихами, танцами, оригинальным жанром и хором! Хора у нас, конечно же, не было, но, так или иначе, его нужно было создать. Кроме того, нужно было одеть всех участников концерта в «парадку». Вроде не сложно, если два дня назад весь полк был в «парадке». Но теперь нужны были фуражки и ботинки. Фуражки – ерунда, но самые большие ботинки в батарее были 42 размера! Вот вам и концерт!

В результате наших действий, умноженных на солдатскую смекалку, мы выдали концерт на два с лишним часа, а я работал его в ботинках 46 размера! Хор был такой, что не умещался на сцене и, выучив две песни за несколько десятков минут, спел их с большим энтузиазмом, прикрепив слова к спинам впереди стоящих. Были и авторские песни, и выступления офицеров, и художественный свист, и даже – самый настоящий йог, который ходил по битым бутылкам, прыгал на них, лежал и к тому же – ел! 27.02.1987 г.»

После этого триумфа я едва не загремел в наряд вне очереди. Наивно решив воспользоваться своим «довоенным» опытом, во время концерта я допустил существенное нарушение формы одежды – снял ремень. Замполит полка сделал мне весьма внятное замечание, но от более сурового наказания меня спасла благожелательная реакция вышестоящего начальства. Наш полк отметили с положительной стороны, а как я уже знал, в армии – это очень важный аргумент: если командование довольно, допустимо абсолютно все!

Наряды вне очереди широко практиковались в качестве наказания проштрафившихся, но и без них проблемы нехватки кадров не существовало. Самым тяжелым считался наряд по кочегарке. В этом небольшом помещении, почти до самого потолка заполненном углем, два человека безостановочно подбрасывали топливо лопатами в печь. В такие наряды, как правило, попадали «чморики», те, кто по каким-то причинам быстро терял способность сопротивляться внешнему давлению. А давление это порой приобретало весьма агрессивные формы. Через неделю после моего появления в полку, в нашу батарею привезли еще одну группу «молодых», в числе которых был высокий парень с громким, хорошо поставленным голосом. Он уверенно зашел в ленинскую комнату, заполненную пишущими письма курсантами, и произнес текст, смысл которого сводился к тому, что скоро он наведет тут надлежащий порядок. Не знаю, что произошло в дальнейшем (он попал не в мой взвод), но судьба его оказалась печальной.

Вообще в учебке дедовщины не существовало. Ее и не могло быть, потому как почти все проходящие службу были одного призыва. Исключение представляли сержанты: командиры отделений, отслужившие полгода и год, и заместители командиров взводов, «дедушки», через полгода уходившие на дембель. Конечно, сержанты гоняли молодых, но без экстремального усердия. Другое дело, что если младший командирский состав этого хотел, – национальные противоречия в солдатской среде быстро брали свое, и тот или иной курсант становился жертвой какой-нибудь группировки.

Мой взвод. Я – второй справа в верхнем ряду

Русские не слишком защищали своих, в отличие от кавказцев и представителей Средней Азии. Те всегда держались сплоченными группами и при необходимости вставали за земляков горой. А вот братья-славяне запрягали очень долго и весьма выборочно. Таким образом, в каждой из батарей через пару месяцев выделялось небольшое количество совершенно безропотных «тварей дрожащих», с которыми было позволительно делать все что угодно. В буквальном смысле. Упомянутому мною громкоголосому новобранцу, обещавшему навести в батарею собственный порядок, в конце концов прямо на плацу рот заткнули членом. После этого он уже не вылезал из наряда по кочегарке. По-моему, он даже ел и спал там. Мы встречали его только в бане, куда он приходил совершенно черным от угольной пыли.

Конечно, сержанты (кстати, все они были исключительно славянами – русскими, белорусами и украинцами) могли бы пресечь подобную практику. Но они ее не пресекали. Так же, как и офицеры. В каком-то смысле это диктовалось правилами жизни. Не закон джунглей, конечно, но, дескать, если ты сам не в состоянии при необходимости себя защитить, то делать это за тебя никто не будет.

Мне, безусловно, повезло и с командиром взвода, и с сержантами. Мои

командиры отделений были старше меня чисто символически: одному – 19, второму – 22. Они отслужили лишь по полгода к тому моменту, когда я пришел в армию. И Сергей, и Валера были по-настоящему хорошими ребятами. Не придирались по пустякам, не разыгрывали из себя «дедов», охотно помогали. Мы подружились, как это могло бы произойти «на гражданке», очень скоро перешли на «ты» и именно ребята первыми предложили мне постараться сдать выпускные экзамены так, чтобы остаться в учебке. Стоит ли говорить, что эта идея мне очень понравилась.

Замкомандира взвода, сержант Замолин Дима, уже всеми своими мыслями был дома. Он активно готовился к дембелю, работал над своим альбомом и специально украшенной парадкой, так что обязанности работы с личным составом он с удовольствием перекладывал на своих помощников, справедливо решив, что воспитал уже достаточное количество сержантов Советской армии и теперь имеет полное право заняться своими проблемами.

Командир взвода, капитан Столяров, оказался человеком небольшого роста, худощавым и болезненным. Возможно, именно не слишком крепким здоровьем объяснялся и его характер – он был очень мягким и интеллигентным человеком, совсем не военным. Капитан оказался единственным офицером за всю мою службу, который ни разу при мне не выругался матом. В эти полгода он несколько раз надолго пропадал из расположения полка, оказываясь на больничной койке, у него были какие-то проблемы с легкими. Офицеры вместе со своими семьями жили рядом с полком, в нескольких многоквартирных домиках-бараках в поселке, почему-то носившем название «Инженер». Никакими инженерами там не пахло, только нашими офицерами... Жизнь была, мягко говоря, не сахар – кругом лес, до ближайших населенных пунктов долго добирались на автобусах, да и сами эти населенные пункты не производили впечатления центров цивилизации. Досуг расцвечивали практически так же, как и у солдат: кино в клубе да офицерская столовая. Так или иначе, первая армейская смерть, свидетелем которой я стал, была самоубийством именно офицера, командира одного из взводов нашей батареи. Как нам потом рассказали сержанты, у него были какие-то проблемы в семье, вроде бы бытовые.

«У меня дела нормально. Занятие мне доверяют вести все чаще и чаще, так что меня стали дразнить «сержант Норкин». Валера построит взвод и говорит: «Сейчас вам сержант Норкин расскажет устройство КТД, потом сдадите ему зачет» или «Сейчас сержант

Норкин расскажет о топопривязке по карте с помощью засечек». Так и приклеился ко мне этот «сержант Норкин». 21.03.1987 г.»

Учебный процесс тем временем шел своей чередой. Политические занятия, честно говоря, самые скучные («Перестройка и кадровая политика партии») чередовались с практическими, по геодезии. Я уже даже самостоятельно проводил такие занятия, правда, только с буссолью.

Буссоль артиллерийская

А любимым нашим инструментом был лазерный дальномер. Через видоискатель вы выбирали какой-нибудь отдаленный предмет, нажимали на кнопку и на небольшом экранчике загорались цифры, показывавшие расстояние до данной точки. Подразумевалось, что лазерный сигнал ни в коем случае нельзя было посылать в человека. Конечно, это требование игнорировалось. Особенно «везло» начальнику штаба дивизиона, майору Буднику. Он почему-то всегда (всегда!) считал своим долгом произнести перед нами следующую фразу: «Ну, что? Родине нужны герои, но пизда рождает мудаков!» Если майор Будник оказывался в зоне досягаемости нашего дальномера, лазерный сигнал тут же отправлялся в его садилицную область. Подразумевалось, что это негативно скажется на его потенции и он, хотя бы на время, оставит нас в покое от своих умозаключений. Возможно, такое солдатское единодушие в отношении майора объяснялось

его кармой. Не исключено, что в момент его появления на свет Родина нуждалась не просто в герое, а в супергерое, но произошло все в полном соответствии с его любимой мантрой...

Другие приборы оказались не настолько интересными, как дальномер. Не настолько высокотехнологичными, по крайней мере. Тем не менее и они имели свои плюсы. Так, наш каракалпак Жумабай Байданов, по прозвищу Пятница, заглянув в окуляр теодолита и направив его на какую-то соседнюю елку, удивленно сообщил: «Товарищ сержанта! Теодолита сломалась!» Последовав ерническому совету перевернуть трубу, он, естественно, снова увидел зеркальную картинку и повторил, что «теодолита», несомненно, сломан!

Теодолит

Единственное, что вызывало у меня активное неприятие, это «спортивные праздники». Дома мы с ребятами постоянно играли в футбол и в хоккей, но кроссы я ненавидел искренне и люто. В армейском варианте

эта радость досталась мне еще и в лыжном варианте. Апофеоз такого олимпизма пришелся на десятикилометровый марш-бросок в ОЗК. Сначала я решил, что моя служба и моя жизнь закончатся прямо на этой лыжне, но инстинкт самосохранения быстро пришел на помощь. Я объяснил командирам, что не могу надеть очки на противогаз – они падают. Точно так же я не могу надеть противогаз на очки – он не налезает. Без противогаза я бежать не могу, ибо нарушаю условия выполнения задания, но и без очков я тоже бежать не могу, потому что через стекла противогаза я не вижу, куда, собственно, бежать. Внимательно выслушав меня, комбат посоветовал мне «идти на хуй и не мешать остальным участникам спортивного праздника». Больше на лыжные кроссы меня не вызывали.

«В ту же субботу, только до обеда, я был на артиллерийском полигоне. Встав на лыжи и растянувшись цепью, мы отправились в глубь полей на поиски неразорвавшихся мин и снарядов. Нашли два снаряда. Хорошо, что погода была очень хорошая, потому что эти полигоны таких размеров, что ветром нас могло просто унести в безвоздушное пространство. Потом было еще испытание на стойкость и крепость организма, ибо после лыжной прогулки по полигону (километров шесть, туда и обратно), а прогулка была в шинелях и валенках, мы ехали домой (18 км) на открытой машине! Кстати, у меня кончился пластырь. Если есть возможность, пришлите, пожалуйста. 10.03.1987 г.»

Бытовые неурядицы уже казались чем-то само собой разумеющимся. Хотя не могу сказать, что все было идеально. Неумение наматывать портянки, конечно, сказалось, хотя с мозолями удалось справиться довольно быстро. А вот в конце зимы, когда стояла самая мерзкая погода – уже не морозы, но еще и не оттепель, – пришлось помучиться. В письмах домой я про это не писал, не хотел никого расстраивать, но язвы, образовавшиеся на ногах, на задней поверхности голени, доставали ужасно. Ходить в сапогах стало больно, даже не столько ходить, сколько снимать и надевать обувь. В санчасти применялись радикальные методы лечения: язвы, в которые уже целиком входила фаланга указательного пальца, замазывались «зеленкой», после чего я заклеивал их принесенным с собой пластырем. Удивительно, но ничего серьезного не случилось! Видимо, молодой здоровый организм взял свое, и когда наступила теплая погода, от моей проблемы остались только здоровенные черные синяки, которые, кстати, красовались на своих местах еще лет пятнадцать, если не дольше.

Мама приехала! А брат заметно вырос за несколько месяцев

Вообще, конечно, лучше было не болеть. Тяжелей всего приходилось тем, кого и нельзя было призывать по состоянию здоровья. Но никого не волновало, почему в казарме вдруг оказывались совершеннейшие доходяги. Как правило, в конце концов их все-таки отправляли домой, но некоторые успевали стать частью грубоватого батарейного фольклора. Так, один боец, москвич, прославился тем, что не успел добежать до туалета и потом прилюдно вытаскивал руками содержимое прямой кишки, оказавшееся в штанах. Позднее выяснилось, что парень обладал целым букетом заболеваний, и его на пушечный выстрел нельзя было подпускать к нашей артиллерийской части, как, впрочем, и к любой другой. Но это – позднее, а в тот момент он стал безусловной звездой. Еще одна пара, уже из Средней Азии, прогремела на весь полк после того как шокировала едва не до полусмерти сержанта по фамилии Сало. Он отвечал за хоздвор, был совершенно взрослым мужчиной и являлся едва ли не единственным на весь полк обладателем погон с красными лычками, поскольку был сверхсрочником. Взволновавшая его история произошла в тот момент, когда наша батарея заступила в полковой наряд, и двое бойцов, вконец истосковавшихся по любви и ласке, пытались вступить с кобылой сержанта Сало в предосудительные с точки зрения законодательства отношения! Им,

конечно, влетело, но признаков опасного психического заболевания в их поведении не обнаружили, поэтому и служба их продолжилась.

«О том, что нужно участвовать в проводах зимы, мне, разумеется, сообщили в самый последний момент. Хорошо, что меня приучили к экспромтам, поэтому я успел подготовиться. В общем, я был Петрушкой, и моей главной задачей было развлечение малышни, поскольку взрослые смотрели концерт художественной самодеятельности. Мне помогли еще два парня из нашей батареи – они были Фомой и Еремой. Мы организовали разные конкурсы, игры и т. д. То есть – настоящий праздник проводов зимы с сжиганием чучела, катанием на санях, лазанием на дерево за подарком... Мне понравилось, хотя немножко устал. Вот такие у меня дела. Все. Андрей. 10.03.1987 г.»

К весне я уже почти свикся с мыслью, что останусь в полку еще на полтора года. Теперь я занимался уже не вместе со взводом, а в составе специальной группы, в которую собрали кандидатов на «постоянное место жительства». Правда, первый командирский блин вышел комом. Меня поставили отвечать за доставку обедов на посты в гарнизонном карауле. Я мотался туда-сюда на традиционном «ГАЗ-66», уставленном бидонами и канистрами с горячим обедом. В кабине постоянно играл магнитофон. Водитель оказался фанатом группы «Форум», которую с тех пор я мог слушать с большим трудом. «Белая ночь», «Улетели листья» и «Островок» прокрутились за эти сутки несчетное количество раз. Думаю, этим и объяснялась причина моего конфуза. Уже на первой точке я потерял ориентацию в пространстве и способность считать в уме, в результате чего часть моих сослуживцев остались без обеда. Пришлось совершать дополнительные поездки. Поскольку голодный солдат – существо просто ужасное, я боялся, что «темной» по возвращении в казарму мне не избежать. Но обошлось. В качестве наказания или же в воспитательных целях меня через пару дней поставили в тот же наряд.

Я и мои наставники-сержанты

Надо отдать должное моим старшим товарищам – сержанты проявили недюжинные педагогические способности! В этот раз все получилось как нельзя лучше, так что я даже заслужил поощрение – в виде увольнительной в город Володарск.

По дороге в увольнительную

Наш районный центр назывался городом, хотя (да простят меня местные жители) смотреть в этом городе было решительно нечего. Но мне все равно понравилось! Понравилась сама атмосфера неармейского быта; люди, одетые в гражданку, а не форму; просто дома, а не казармы. Понравилось даже то, что пришлось долго-долго идти пешком, чтобы вовремя успеть вернуться. Автобусы в этих краях ходили, как я уже говорил, нечасто...

«Распределение уже началось. Сегодня, например, уже напечатаны списки отправляемых в Афганистан. По естественным причинам они держались в секрете от курсантов. Что же касается остальных, то и они потихоньку начинают рассортировываться по группам. С завтрашнего дня начинается отправка в войска. Самыми первыми отправятся афганцы. А вчера уже поехали за новым призывом. У нас во взводе четыре сержанта, остальные младшие. Как-нибудь сфотографируюсь, пришлю вам свою новую физиономию. Сегодня я первый день хожу в новых погонах... 03.05.1987 г.»

Поскольку отправка дембелей по домам задерживалась, мой

замкомвзвода, сержант Замолин, решил воспользоваться паузой и довести до ума свой дембельский альбом. Для этого он привлек меня, поручив дорисовывать так называемые «кальки». Пока сам он клеил фотографии и раскрашивал страницы всевозможными цветами и узорами, я перерисовывал на калечную бумагу одну за другой картинки с голыми тетками. Такие картинки считались особым шиком, ведь на дворе стояли как раз те времена, когда в Советском Союзе «секса не было». В данном случае речь, конечно, шла не о фотографиях, а именно о рисунках, как правило, эротических карикатурах. Перерисовывал я их с разных вырезок из журналов, которыми меня снабдил мой командир. А для работы использовались карандаши и фломастеры из ленинской комнаты. Работа шла быстро, всем все нравилось, все было хорошо...

«Здравствуйте, все! Извините, что сейчас такое маленькое письмо. У нас тут большие изменения. Больше мне не пишите. Я буду стараться посылать вам весточки, но вы на них не отвечайте, потому что, скорее всего, я скоро поменяю место службы. Передайте это, пожалуйста, ребятам, потому что и писать некогда, да и нет настроения, честно говоря. Вся наша компания теперь под вопросом. Ждите моих писем и не волнуйтесь! 06.05.1987 г.»

Все планы рухнули одним погожим субботним днем. В полку объявили очередной спортивный праздник, от участия в котором меня освободил заместитель командира взвода, и я вместе с ним заперся в одной из многочисленных батарейных «каптерок». Потом Димке понадобилось выйти, он закрыл за собой дверь, которая через несколько минут вдруг начала подозрительно дергаться. В дверь ломился комбат, затеявший проверку помещений. Я услышал, как он зовет старшину с ключами и понял, что сейчас будет что-то не очень приятное.

Когда дверь открылась, я увидел нашего комбата, капитана Пискарева, из-за спины которого выглядывали старшина Федун и мой замкомвзвода, сержант Замолин. Воспроизводить весь состоявшийся затем диалог довольно затруднительно, потому как, в отличие от капитана Столярова, капитан Пискарев выражался с помощью идиоматических выражений с любовью и активностью. Положение мое усугублялось тем, что я, разумеется, не мог назвать ему истинную причину моего пребывания в каптерке, в то время как весь личный состав полка в это время болтался на турниках в ходе спортивного праздника. Компромат в виде картинок с обнаженными прелестницами я успел спрятать, пока комбат ломился в

дверь, так что оставалась надежда, что он не найдет Димкин альбом и все как-нибудь рассосется.

Тут необходимо отметить, что дембельские альбомы официально находились под запретом. Они считались, и, честно говоря, не совсем уж обосновательно, проявлением дурновкусия и результатом тлетворного влияния западной массовой культуры. Хотя основная причина была чисто дисциплинарная. Работа над этими иллюстрированными книжками отнимала много времени, которое полагалось тратить на военную учебу. В общем, допустить, чтобы мой «дед» за какие-то считанные дни перед возвращением домой остался без дембельского альбома, я никак не мог. К тому же совершенно невозможным было бы расколоться и настучать. Поэтому я честно взвалил вину на себя, признавшись командиру батареи, что решил прогулять спортивные занятия и «притопил на массу». Это выражение означало, что я просто спал в каптерке.

Капитан Пискарев в тот день, по каким-то причинам, пребывал в дурном расположении духа. Поорав на меня, а заодно и на сержантов, минут пять, он объявил, что я получу хуй, а не продолжение службы в учебке рядом с домом, и что завтра же я должен буду уехать в войска. С первой же партией. В Забайкалье. Причем он потребовал, чтобы уже к завтрашнему вечеру ему предъявили факт моего отсутствия в полку.

Мои сержанты почесали полуотросшие затылки и пошли к капитану Столярову. Командир взвода выслушал их и предложил следующий вариант решения проблемы. Отменить распоряжение комбата он, естественно, не мог, а уговаривать рассерженного Пискарева было делом бессмысленным. Поэтому Столяров предоставил сержантам нашей батареи полную свободу действий, подкрепив его гарантиями своего нейтралитета. Деды пошли в строевую часть, в которой проходило формирование отправляемых по распределению в войска команд. Я же остался ждать решения моей судьбы.

В строевой части выяснилось, что завтра действительно отправляется команда в Забайкальский военный округ. Но точно так же группу наших курсантов должны были отправить и в Закавказский военный округ. Мои сержанты настоятельно попросили какого-то неизвестного мне «молодого», заполнявшего бланки, внести исправление в списки, вписав мою фамилию не в забайкальскую, а в закавказскую партию. Возражений, по понятным причинам, не последовало. Вернувшись в расположение батареи, они сообщили мне эту новость, дополнив ее следующей аргументацией: на Кавказе хоть тепло, да и фруктов поешь... И я уехал на Кавказ. Где понял, что все происходившее со мной эти полгода было только присказкой. Сказка ждала меня впереди, моя служба только начиналась...

Я – сержант Советской армии

«На завтрак и т. д. всякие разводы ходим человек по шесть-семь. Подъем происходит так. В 7 часов дежурный по дивизиону кричит: «Эй, вставай! Давай, давай, вставай! Быстрей, эй!» Так продолжается минут пять. Короче, половина убегает на зарядку, половина спит. 22.05.1987 г.»

Посмотреть на Баку толком не удалось. Так, из окна автобуса, по дороге с городского вокзала в Баладжары, где находился распределительный пункт Закавказского военного округа... Сразу же «прозвенел первый звонок». Контингент, ожидавший своей участи,

разительно отличался по национальному составу от того, что остался в тепер уже далекой Горьковской области. Оказалось, что на Кавказе не работало правило, согласно которому прохождение службы относительно недалеко от своего дома считалось нежелательным. Процентом семьдесят новобранцев и закончивших учебки сержантов, собравшихся в Баладжарах, представляли грузины, армяне, азербайджанцы и узбеки. По убывающей. Потом шли украинцы, молдаване, таджики и все остальные. РСФСР была представлена почему-то большим мордовским отрядом. Москвичей не наблюдалось вообще, что меня, конечно, озадачило. Правда, забирать мою команду приехал как раз москвич, лейтенант Кузьмин.

Он был классическим «ненастоящим офицером». Закончил вуз с военной кафедрой, поэтому служил в офицерском звании, и не два года. Лейтенант Кузьмин был худым, даже худющим, довольно нескладным парнем, у которого высшее образование и интеллигентское происхождение сияли прямо на лбу. В последующее время я с ним почти не пересекался. В ранге «ненастоящего» он постоянно пребывал в нарядах, в основном в качестве начальника патруля, чему откровенно радовался. Несмотря на то что жил он не в казарме, а в предоставленной ему квартирке в военном городке, Олег Кузьмин явно тяготился всей этой армейской жизнью и был весьма доволен тем, что она по большому счету проходила мимо него.

Собрав маленькую группу в восемь человек, в которой шесть ребят представляли Узбекистан, в том числе один сержант, который приехал из моего полка, лейтенант Кузьмин погрузил нас в поезд до Кутаиси, сопроводив необходимыми инструкциями по поиску места нашей дальнейшей службы. Как это ни удивительно, но сам он с нами не поехал, оставшись в Баладжарах дожидаться следующей партии. («Не маленькие! Сами доедете!») Это был второй звонок. Еще пару недель назад я такого и представить себе не мог. Что и обсуждал всю дорогу с единственным в нашей группе, помимо меня самого, «русскоязычным» сержантом. Его звали Толя Ерошенко, и он был из Житомира.

Толик оказался смешливым мальчишкой, довольно задиристым, несмотря на свое, как казалось, тщедушное телосложение. Это впечатление оказалось обманчивым, потому что на гражданке он серьезно занимался боксом и дозанимался до кандидата в мастера. Впрочем, как мне кажется, он выбрал бокс именно из-за «вихрастости» своего характера: никогда не упускал возможности кого-нибудь как-нибудь поддеть, так что умение правильно дать сдачи являлось просто необходимым жизненным требованием.

Мы приехали к КПП нашей новой части на окраине Кутаиси, на улице

Никея.

Прямо перед нами находился КПП с закрытыми воротами, за забором располагался сам полк, слева, в деревьях, военный городок, в котором жили офицеры и их семьи, справа уже почти ничего не было. Кутаиси практически здесь заканчивался, а сзади оставался обычный жилой район с автобусной остановкой и продуктовым магазином. Как-то так получилось, что за старшего в нашей команде оказался тот узбек, что приехал вместе со мной из Гороховца. Он действительно был самым старшим из нас и даже с высшим образованием, хорошо говорил по-русски, так что вел нас вперед именно он. Ну а мы с Толяном и не обижались. С какой стати, собственно?

Крыши города Кутаиси

КПП встретил нас открытыми дверями. В коридоре, в комнате дежурного, комнате отдыха для наряда и в комнате для посетителей никого не было.

– Это что? – спросил меня Толик, все еще не привыкший к тому, что здешние порядки отличаются от тех, в которых мы жили предыдущие полгода, как жизнь австралийского аборигена отличается от жизни рядового баварского бюргера.

– Это я не знаю что, – пробормотал я, удивленно озираясь по

сторонам. Мы прошли через КПП и направились по длинной аллейке к главному зданию части. Было очень жарко, и шинели в скатку, которые мы таскали на себе вместе с вещмешками, безумно раздражали. Дойдя до входа в здание (это, как выяснилось, был вход в штаб полка), мы выстроились в корявую шеренгу и стали ждать. Никого. То есть – вообще! Время стояло послеобеденное, и личный состав, видимо, пребывал на сиесте.

Наконец из дверей вышел человек. Маленький, кривоногий до карикатурности, с фуражкой, сдвинутой одновременно и в сторону, и на затылок. Он подошел к нам и начал прохаживаться вдоль строя, внимательно вглядываясь в наши лица. У него самого лицо напоминало физиономию... такой среднестатистической любимой бабушки, чуть сморщенное и очень доброе.

– Откуда? – спросил он Толика, остановившись напротив него.

– Из Житомира, – ответил Толик, нагло уставившись на офицера. Он оказался майором.

– А ты откуда? – спросил майор, подойдя ко мне.

– Из Москвы.

Он посмотрел на меня, потом еще больше сдвинул на затылок фуражку и, почесав лоб, опять задал вопрос.

– Пером писать умеешь?

– Плакатным? – уточнил я. – Не знаю. Ни разу не пробовал.

– Значит, попробуешь, – буркнул тот и потопал обратно в штаб, откуда к нам уже шел другой офицер, тоже майор, но более представительной внешности. Они о чем-то пошептались на ступеньках, маленький скрылся внутри, а большой подошел к нам.

– Я – начальник строевой части, майор Строев!

Тимошенко тут же толкнул меня локтем под ребро, что очевидно означало: «Вот уж, блин, подходящая у мужика фамилия!» Майор Строев был почему-то не в сапогах, а в туфлях и производил несколько чужеродное Вооруженным силам впечатление. Он как-то не подходил к военной форме. Или форма – к нему. Собрав наши данные, он внес их в свои бумаги и объяснил, кому куда направляться. Меня он забрал с собой. Мы вошли в штаб, прошли мимо первого поста, где у полкового знамени стоял какой-то скучавший кавказец, и поднялись на второй этаж. Я увидел табличку с надписью: «Командир полка. Подполковник Сидоренко Н. Н.» Майор Строев свернул в коридор, провел меня мимо нескольких дверей, таблички на которых я не стал читать, чтобы не показаться невоспитанным – идет, мол, и озирается по сторонам, как баран, – и остановился у двери с надписью: «Заместитель начальника штаба полка. Майор Ларцев И. Д.»

– Иван! – крикнул Строев в открывшийся за дверью небольшой тамбур. Там стоял здоровенный шкаф, и виднелись две двери в следующие комнаты. – Забирай!

На крик вышел тот самый смешной майор, оказавшийся замначштаба майором Ларцевым. Он толкнул правую дверь, и мы вошли в комнату, главным предметом мебели в которой был огромный не то – пюпитр, не то – бюро, тянувшееся вдоль стены метра на три. К скошенной поверхности был прикреплен лист ватмана, над которым склонился парень с сержантскими погонами.

– Богдан, вот, я тебе сменщика привел, – сказал майор Ларцев, обращаясь к этому сержанту. Тот оторвался от своей работы и смерил меня оценивающим взглядом.

– Москвич? – спросил он неожиданно высоким голосом. Сразу стало понятно, что сам парень откуда-то с Украины, видимо Западной.

– Москвич, – с каким-то странным удовлетворением, как от хорошо проделанной работы, ответил замначштаба. – Объясни ему, что и как, пусть учится.

Сержанту Савушке служить оставалось несколько дней. Он уже мог бы уехать домой, но ему не на кого было оставить его «писарское» хозяйство. Формально должность сержанта Савушки именовалась «командир отделения вычислителей», но в перечень его обязанностей входили не столько задачи по управлению артиллерийским огнем (это была разовая работа, только на время полевых выходов), сколько куча всякой рутинной ерунды, связанной с тушью и плакатными перьями.

Проблема заключалась в том, что занимавшие эту, безусловно, крайне привилегированную должность, очень быстро «бурели» или, как еще говорили, «теряли нюх». То есть начинали считать себя представителем высшего общества, не подчиняющимся общим правилам. В результате заброшенными оказывались прямые служебные обязанности, и такой претендент терял место, поскольку его изгоняли из штабного Олимпа на грешную землю.

Видимо, Иван Дмитриевич Ларцев обладал какими-то скрытыми способностями в области физиогномики, так как разглядел во мне предрасположенность к столь ответственной работе и приверженность, хотя бы незначительную, правилам армейской дисциплины. И еще – способность довольно быстро сходиться с людьми.

Через пару минут в кабинет вошел еще один сержант, высокий, худой, с очень недовольным выражением лица.

– Откуда боксер? – спросил он меня прямо с порога. Я не очень понял

вопроса и ответил, что я – из Москвы.

– Да не ты! – отрезал новый парень. – Боксер откуда?

Выяснилось, что Толик попал не в мой взвод (в котором служили и Богдан, и этот незнакомый сержант), а в разведывательный дивизион, что очень расстроило только что пришедшего. Сергей Малов был родом из Днепропетровска, служить ему оставалось еще полгода, и он рассчитывал, что количество земляков в его подразделении увеличится. В общем, пришлось его дополнительно разочаровать сообщением, что боксер – из Житомира. Малов быстро потерял ко мне интерес, что, однако, меня не слишком расстроило. По своему, пусть и небольшому жизненному опыту, я знал, что первая, не слишком дружеская встреча, вовсе не означает нашего дальнейшего конфликтного сосуществования. Забегая вперед, скажу, что оказался целиком и полностью прав и с Сережкой у нас сложились прекрасные отношения.

Секретчик Сергей (справа) и гээсэмщик Игорь (слева)

Но все это было потом, а пока мне предстояло освоиться не только в этом кабинете на втором этаже, но и в самом 130-м артиллерийском полку.

Эта часть гордилась своей историей – полк был боевым, и еще во время Великой Отечественной получил почетное звание «Коростеньского», за бои у украинского города Коростень, недалеко от Житомира. Этим, кстати, и объяснялось то, что в полк присылали так много призывников именно с Украины.

Все здесь было совсем не так, как в учебке. Начать с того, что в одном здании располагалось сразу несколько частей. Помимо нас, артиллеристов, все правое крыло занимали вертолетчики. Причем – без вертолетов! Третий этаж левого крыла был отдан связистам, а всеми остальными помещениями владела артиллерия. Вместе с нашим взводом управления полка, в одном,

как говорили, «расположении», размещался первый дивизион. Мы жили в правой части здания. Зеркально от нас несли службу третий дивизион и взвод материального обеспечения. В левом крыле, на первых двух этажах находились разведывательный дивизион, противотанковый дивизион и ремонтная рота. Наконец, весь третий этаж с фронтальной части здания занимали второй, четвертый и пятый дивизионы, но там солдат никаких не было. Эти подразделения именовались «Кабачком 12 стульев», потому что в каждом из них числились по два рядовых и по двенадцать офицеров: подполковников и майоров. При мобилизации эти три дивизиона разворачивались согласно штатному расписанию за счет рядовых и офицеров запаса. Так что любимые по учебке ППЛС здесь также имели место быть, пусть и гипотетически.

Территория нашей части также разительно отличалась от гигантской площадки Гороховецкого учебного центра. Полк находился в городской черте, с трех сторон прятался за забором, а с тыла прикрывался естественным фортификационным укреплением – рекой Риони. Перед главным входом рос огромный дуб, в тени которого пряталась скамеечка офицерской курилки. Справа размещался стадион, слева – плац. Сзади к полковому зданию было пристроено помещение столовой, а в отдельных маленьких строениях – по разные стороны от главного здания – находились туалет и умывальники, причем по отдельности. На берегу реки стояли полковой клуб, банно-прачечный комплекс, хоздвор и целая россыпь складских помещений.

Также на нашей территории находились солдатская чайная, офицерская столовая и собственно сам военный городок, в котором жили офицеры и члены их семей. В общем, все оказалось довольно компактным и субтропически ярким. Мои «деды» из учебки оказались правы в своих ожиданиях. Прямо на нашей территории росли и плодоносили инжир и гранаты, мандарины и шелковица, а также какое-то совершенно неприличное количество ежевики.

Интересно, что местные (в широком смысле, то есть грузины, армяне и азербайджанцы) ежевику почему-то не ели, так что все эти «ягодные места» оставались вотчиной славянского населения. Сразу покончим с фруктовой темой. Личный состав оказался настолько ленив, что инжир созревал на ветках до крайней стадии. Его уже нельзя было срывать, плоды лопались в руках. Поэтому ели мы его так: залезали на дерево и срывали «инжирины» ртом. Что касается шелковицы, или тута, как ее здесь называли, то эти ягоды мы собирали, сваливали в ведра, засыпали сахаром и перетирали, получая очень сладкую и вкусную смесь. Главное было не

допустить ее брожения, ибо тогда все это просто выбрасывалось, благо никакой потребности в подобных самопальных алкогольных продуктах в Кутаиси, конечно, не существовало.

Но это все были, так сказать, дары матушки-природы. Все остальные прелести, удивительности и невероятности относились к организации военной жизни. Через несколько дней я понял, что наш взвод – это довольно специфическое явление, а я – в своем новом качестве – едва ли не самый специфический персонаж. Когда неразлучные друзья, сержанты Месхидзе и Сахарашвили из первого дивизиона все-таки добивались своими истошными криками пробуждения большей части личного состава, мы с Серегой Маловым вставали, шли умываться, потом в столовую завтракать и, минуя плац с утренним разводом, отправлялись напрямик в свои кабинеты. Сержант Савушка с моим появлением стремительно уволился, кабинет оказался в моем полном распоряжении, а Серега ходил ко мне в гости. Наносить ответные визиты я не мог, хотя его кабинет располагался напротив. Малов служил в секретной части, под командованием женщины-прапорщика, и заведовал секретными картами и другой документацией для служебного пользования. Позднее я тоже получил доступ ко всем этим бумагам, но традиция уже сложилась, поэтому мы больше времени проводили у меня. Тем более что у меня и кабинет был больше, и вид из окна – лучше.

В конце мая в полк привезли очередную партию «духов». Национальный состав призывников оказался традиционным: подавляющее большинство грузины, потом армяне и азербайджанцы, далее все остальные. В казарме в этот момент затеяли покраску полов, поэтому все кровати вынесли прямо на стадион, и мы пытались спать под открытым небом. Пытались, потому что спустя пару часов после отбоя первый дивизион напал на наш взвод и начался бой подушками. Бились часов до трех ночи, пока наконец не пришел дежурный по полку и не разогнал всех по койкам.

В своих письмах домой (то, что я оказался в Закавказье, кстати, стало заметно уже по почтовым конвертам – на них был изображен «армянский советский лингвист, академик АН Армянской ССР Г. А. Капанцян») я много и восторженно описывал местные красоты:

«Горы тут видно из нашей части. Это – Малый Кавказский хребет. Сюда бы слайдовую пленку!.. Только Риони, на берегу которой стоит наша часть, очень уж грязная. Правда, скоро она станет почище, но, все равно, купаться в ней нельзя будет, так как течение сбивает с ног. Купаться можно в озере».

Единственное, что в буквальном смысле отравляло существование, – ветер с противоположного берега реки. Там располагался колбасный завод, поэтому, если ветер дул с Риони, полк затягивал удушающий производственный смрад. Старожилы с удовольствием объясняли, что местную вареную колбасу делают не только из туалетной бумаги, как по всему Союзу, но еще и из местных крыс, водившихся тут в изобилии. Новобранцы охотно верили...

В начале июня майор Ларцев озадачил меня неожиданным поручением.

– Норкин! – он еще называл меня по фамилии, до обращения по имени я еще, понятное дело, не дорос. – Отправляйся в спортроту. Там лейтенант Силкин тебя ждет, будешь отвечать за карантин молодых.

– В смысле, отвечать? – переспросил я.

– Ну, как в учебке. Будешь сержантом у новобранцев до присяги. Недели две поживешь с ними в спортроте.

– А как же здесь?

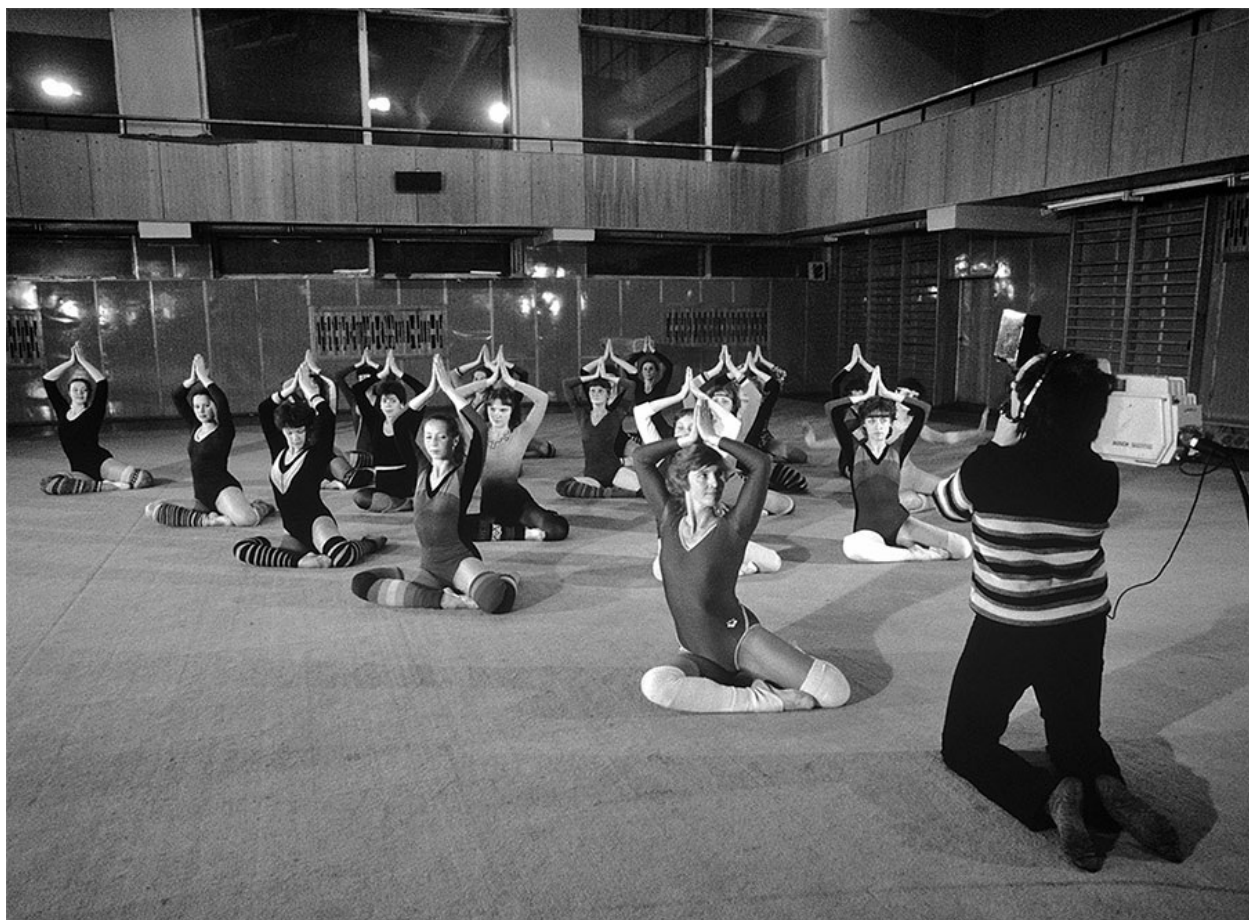
– А здесь мы пока перебьемся, если что, я тебя вызову, – успокоил меня майор Ларцев, и я подумал, что в ближайшее время у меня существенно поубавится свободного времени.

Оказалось, что пугался я напрасно. Карантин больше походил на санаторий. Молодых там оказалось всего двенадцать человек, в роли наставников выступали два сержанта – я и еще один из местных, Реваз, а лейтенант Силкин – начальник спортивной роты и один из совсем немногочисленных лейтенантов полка – осуществлял общее руководство: приходил в расположение один раз, поутру. Мы с Ревазом старались не слишком напрягать молодое пополнение, логично рассудив, что от этого фактора напрямую зависит наше собственное времяпрепровождение. А тратить время было на что.

В спортроте (из постоянного состава в ней числился всего один малопонятный рядовой, который вечно ходил по помещению в белье и практически никогда не появлялся на людях. Не исключено, что командование даже и не подозревало о его существовании) стоял собственный маленький телевизор. Грузинское телевидение разительно отличалось от знакомого мне московского, центрального, телевидения. Например, грузины постоянно показывали, хоть и в записи, матчи европейских футбольных кубков. Не знаю, откуда они брали эти записи, но на следующий день после игры можно было посмотреть и английские, и итальянские, и испанские клубы, а не только те советские команды,

которые участвовали в соревнованиях. Во-вторых, по пятницам и субботам в вечернем эфире шла программа «Иллюзион», в рамках которой демонстрировались относительно старые американские фильмы. Вел ее дядька, удивительно похожий на Эдуарда Шеварднадзе. Перед фильмом он произносил небольшую речь, что-то рассказывая о предстоящем зрелище, а потом показывали само кино. Первым, что я посмотрел, стали «Новые центурионы» Ричарда Флейшера. Фильм был 1972 года и когда-то выходил в советский прокат. Поскольку я всегда интересовался западными фильмами, возможность смотреть пусть проверенные, пусть не новые американские картины я, конечно, упустить никак не мог.

Смотреть телевизор в спортроте было одним удовольствием. Поскольку мы все это время оставались предоставлены сами себе, то никто не мешал нам делать это столько, сколько нам хотелось. У сослуживцев, оставшихся в казарме, такая возможность отсутствовала. Там телевизор традиционно стоял в ленинской комнате, но офицеры первого дивизиона постоянно мешали его смотреть. Особенно свирепствовал капитан Симонов, по прозвищу Чума XX века. Этот сухой, высокий, с землистого цвета лицом и скрипучим голосом офицер обладал удивительной невозмутимостью. Каждое воскресенье он появлялся в ленинской комнате, заполненной рядовыми и сержантами, собравшимися на просмотр новой еженедельной программы центрального телевидения. Это была аэробика.

Телепрограмма «Ритмическая гимнастика»

Передача пользовалась грандиозной популярностью. Начальник штаба, подполковник Дьяконов, называл ее еженедельной эротической программой для личного состава Советской армии. Крики, раздававшиеся из ленинской комнаты во время ее просмотра, по уровню шума могли сравниться с ревом футбольного стадиона. Кричали, правда, в основном междометиями, выражавшими различную степень восхищения. Самым распространенным было такое растянутое «уууф!» с придыханием в начале и мощным звуковым выбросом в конце...

Так вот, капитан Чума XX века заходил в комнату, подкрадывался к телевизору и своим противным голосом скрипел:

– Первый дивизион, построиться на плацу!

Конечно, его никто не слушал. Возможно, даже не замечал. Следовала повторная команда.

– Первый дивизион, построиться на плацу!

Реакция оставалась прежней. Тогда капитан Симонов вытягивал свою длинную, тощую длань и выключал телевизор.

– Первый дивизион, построиться на плацу!

Что тут начиналось! Грузинские «могитхан дедис мутели» и армянские «ворот кунем» обрушивались на голову капитана Симонова мощнейшим горным потоком, который поддерживался вкраплениями азербайджанских «сикимов» и «сычдыров». Перевод, в принципе, не требовался, поскольку все было понятно по одним интонациям. К тому же многонациональный состав нашего дружного армейского коллектива способствовал быстрому изучению нецензурной лексики каждого из существовавших в полку языков.

Капитан Симонов не обращал на это никакого внимания и в конце концов добивался своего. Дежурный по дивизиону, которому, понятное дело, не нужно было выходить строиться на плац, принимал сторону занудного офицера и начинал пинками выгонять публику на улицу. Пережившие тяжелейший эротический стресс солдаты и сержанты покидали комнату, сопровождая процесс криками: «Симонов – Чума XX века!», а освободившуюся ленинскую комнату занимал дежурный по дивизиону и каптерчики нашего взвода, ибо хоть и мы жили в одном помещении, наш взвод и первый дивизион являлись разными подразделениями с разными командирами.

Первый дивизион вообще гоняли гораздо больше нас. Они были рабочими лошадками, а мы – блатными, потому что ВУП (взвод управления), как и ВМО (взвод материального обеспечения) отвечали за организацию всего армейского быта – от мирного до боевого. А пока мы все это обеспечивали, дивизионы занимались (или скорее должны были заниматься) боевой подготовкой.

Поэтому дежурными и дневальными по дивизиону заступали только ребята из самого дивизиона. Особенно часто эта роль выпадала упомянутым выше Месхидзе и Сахарашвили. Они все время ходили вместе, а дежурили по очереди – это была такая своеобразная привилегия. Они выступали как бы маленькими дивизионными начальниками. Месхи и Сахар – так их называли – вообще обладали неплохим чувством юмора. Однажды вечером в казарме устроили какой-то безумный бардак – все кричали, визжали, прыгали по койкам, кидались подушками... В общем, вели себя как настоящие обезьяны.

В конце концов этот ад привлек внимание дежурного по полку, майора Гайворонского. Он начал колотить в закрытую стеклянную дверь, которая вела из казармы сразу в помещение штаба.

– Месхидзе! – заорал Гайворонский, едва не расколотивший стекло, потому что дежурный по дивизиону его не слышал. – Месхидзе!

- Слушаю, товарищ майор!
- Что у вас за бардак? Немедленно ко мне!

Месхи убежал в штаб, и на несколько минут воцарилась тишина. Когда Месхи вернулся, он с порога заявил:

– Майор Гайворонский спросил, что у нас происходит? Я сказал: «Свинья забежала в расположение, товарищ майор, ловим ее!»

- И что? – раздался чей-то вопрос.

Месхи выдержал эффектную паузу и сказал:

- Велел продолжать!

Ну, мы и продолжили...

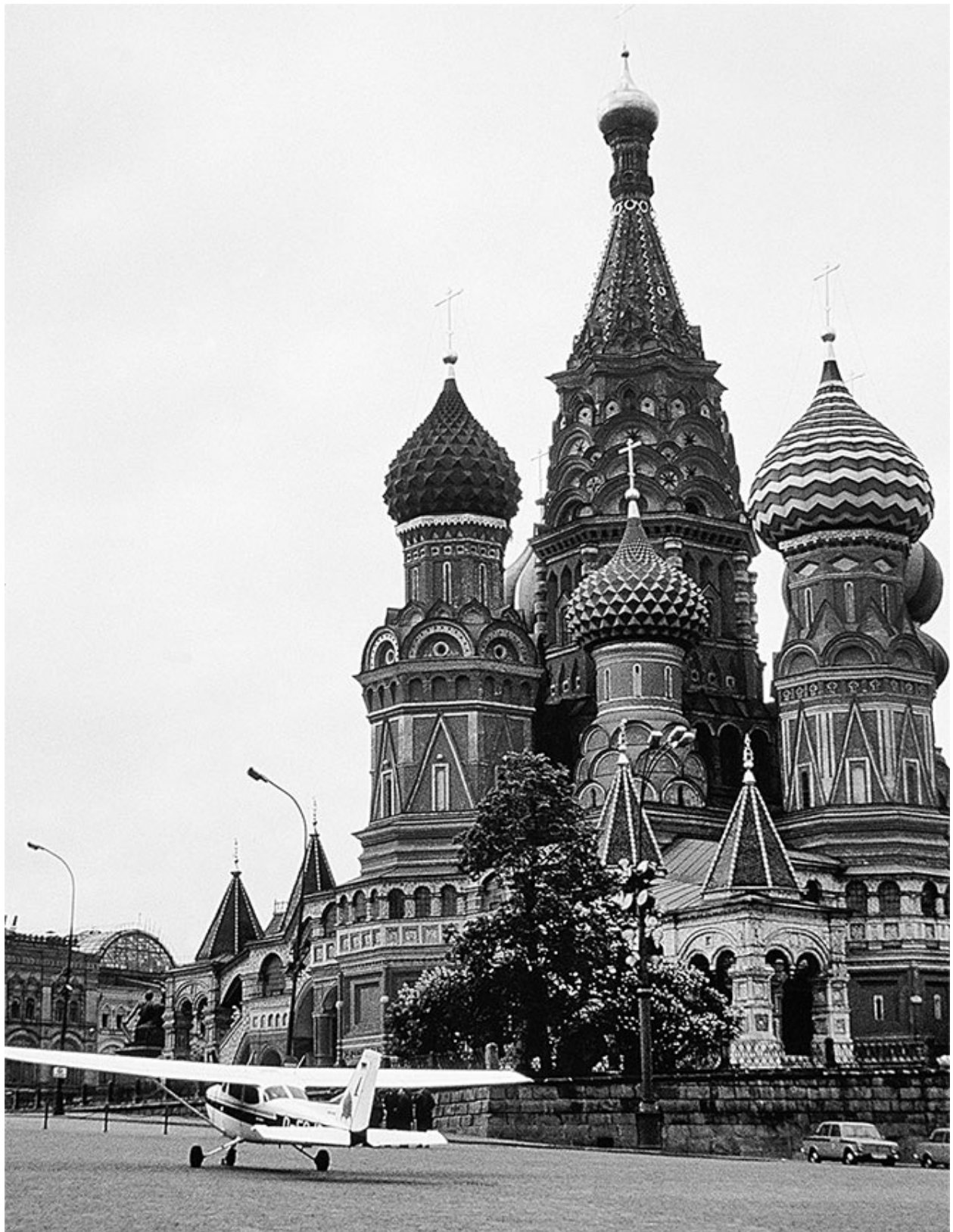
«Карантин, в котором я «воспитывал» молодых солдат, разогнали за полторы недели до присяги, чему я весьма удивился. Последние два дня в нем были очень насыщенными. Сначала был однодневный полевой выход. Сперва – марш-бросок со всякими «атаками», «газами», «нападениями», а потом уже на месте учились стрелять, окапываться, понюхали слезоточивого газа. На следующий день ездили стрелять на полигон. Тут мне удалось «отвести душу», так как мне как командиру отделения и сержанту полагалось 24 патрона вместо трех солдатских. Оказалось, что стрелять в каске страшно неудобно, потому что мешают очки. Но я все равно сбил четыре мишени из шести. Оба раза я промазал по «пулемету», а ростовые мишени за 100 и 200 метров – сбил. 18.06.1987 г.»

Как ни прискорбно, это был предпоследний раз, когда я стрелял. В каждом мальчишке, без сомнения, сидит эта сумасшедшинка – желание что-нибудь поджечь или взорвать и посмотреть, что из этого получится? Например, наш начхим, начальник химической службы, майор Дубченко позднее мне признался, что сам он в армию пошел именно по этой причине: в надежде «навзрывать» вволю всякой всячины. Конечно, было обидно, когда на стрельбище тебе выдавали всего несколько патронов. И еще возникало чувство недоумения. Как же мы, не дай Бог, воевать будем, если не тренируемся стрелять? Ответ в голову приходил только один: в современных условиях использовать автомат на войне вряд ли придется. С точки зрения здравого смысла ответ этот нельзя было не принять, но на уровне эмоций, повторю, где-то в глубине души оставались досада и недоумение.

Что касается карантина, то новость о закрытии нашей полупрофессиональной учебки действительно пришла очень неожиданно. После полевого выхода, когда наши новобранцы в буквальном смысле

понюхали пороху и не только, казалось, что сейчас тренировки развернутся с новой силой. Однако все свернули с какой-то космической скоростью. Как стало понятно позднее, причина заключалась в начавшейся кадровой революции в Вооруженных силах, которая ко второй декаде июня докатилась и до нашего округа.

Началось все, как и должно было начаться, в Москве, причем прямо на Красной площади. 28 мая на Большой Замоскворецкий мост приземлился малюсенький самолетик. Назывался он «Сессна-172Б Скайхоук», а за его штурвалом находился девятнадцатилетний мальчишка из Гамбурга Матиас Руст. Даже восемнадцатилетний. Девятнадцать ему исполнилось первого июня. Он пролетел на своем самолете от Гамбурга до Хельсинки, а потом – до Москвы. Зачем он это сделал, так до конца и не выяснено, но факт остается фактом: прокатившись по мосту, он доехал до храма Василия Блаженного и, выйдя из самолета, начал раздавать гулявшим по Красной площади москвичам автографы. Пока его не скрутили.

Самолет Матиаса Руста на Красной площади

Если причины поступка Матиаса Руста по-прежнему не установлены, то последствия его «призыва к миру» хорошо известны. И речь идет вовсе не о приговоре самому Русту, которого признали виновным в хулиганстве, нарушении авиационного законодательства и незаконном пересечении границы, за что он просидел в общей сложности в советской тюрьме чуть больше года. Потом его амнистировали и отправили домой. Этот полет, подобно тектоническому удару, перетряхнул всю Советскую армию. Со своих должностей полетели не только командующий ПВО и министр обороны. Ими тогда были Александр Колдунов и Сергей Соколов. Началась грандиозная кадровая чистка и сокращение Вооруженных сил. Каждый нижестоящий начальник дожидался поступавшей сверху команды: останется он в своей должности или готовится собирать вещи? В одном случае это означало перевод на новое место службы, в другом – увольнение.

Матиас Руст в суде

Всю боевую подготовку на некоторое время приостановили, рядовые и сержанты по всей стране оказались предоставлены сами себе. Мы исключением не стали, тем более что закипавшая в своем горшке

перестройка плюс резко испортившаяся в Закавказье погода привели к моему первому, по-настоящему большому, армейскому приключению...

«У нас наконец-то прекратились дожди. Риони настолько переполнилась, что в городе перекрыли некоторые мосты, так как была опасность, что их смоем. В горах было еще хуже: сели смыли огромное количество ЛЭП и телеграфных линий. Никакой связи с деревнями не было, так что нас бросили на помощь местному населению, желающему поучаствовать в голосовании. Вся моя работа в командировке заключалась в том, что я периодически выходил на связь (подавая знак, что я живой), а в воскресенье сообщил о результатах выборов. И все. Остальное время я отдыхал от службы, иначе говоря – балдел. Сидел, ел яблоки и землянику. (За которой никто не ухаживает, но ее там – полно. Лежишь – руку протянул – и готово.) Завтраки, обеды и ужины – это были прямо пытки. Потому что у них принято во время еды пить вино. Поэтому мне приходилось отчаянно защищаться... Пришлось попробовать, чтобы не обижались... 27.06.1987 г.»

Как бы далеко от Москвы ни находился город Кутаиси, в котором я пребывал уже чуть больше месяца, политизированное дыхание столицы добралось до нас довольно быстро. Перестройке официально исполнилось почти полгода. 27 января на Пленуме ЦК КПСС Михаил Горбачев выступил с докладом, в точности повторявшим название темы моих политзанятий в учебке: «О перестройке и кадровой политике партии». Начавшиеся в восемьдесят пятом политические изменения в стране формализовали и структурировали. На июнь назначались альтернативные выборы в местные Советы, впервые в истории страны!

Ясно, что этому мероприятию была присвоена наивысшая степень государственной важности. А у нас, в Грузии, как назло, весна оказалась такой бурной и стремительной, что огромная часть населения оказалась почти отрезана от цивилизации и никак не могла выполнить свой гражданский долг.

Таявший в горах снег наполнял реки, которые в считанные часы превращались в бушующие потоки. Мимо нашего полка по Риони проплывали дохлые коровы, вырванные с корнем деревья и фрагменты разрушенных зданий. Сила потока была такова, что какой-то молодец-шофер из ремонтной роты, решивший помыть свой «Урал» в речке, через несколько минут обнаружил, что грузовик его залит водой уже по самую кабину, и выбраться своими силами уже не может. На помощь, естественно,

подогнали БТР. И... К вящей радости десятков собравшихся на берегу реки однополчан, река Риони сначала унесла «Урал», а потом и привязанный к нему БТР! Спустя несколько дней обе машины удалось вытащить, они застряли в нескольких километрах вниз по течению.

Личному составу объявили, что через пару дней специально сформированные группы будут десантированы в горные районы для организации и проведения исторического голосования. Как формировались эти команды, я не знаю, но оказалось, что я попал в один общий десант не только с ребятами из моего взвода, но и с Толиком Ерошенко.

Группы были немногочисленные: четыре человека плюс пятый, офицер. Нашей зоной ответственности стала Сванетия. За несколько суток до дня выборов караван грузовиков выехал за полковые ворота и направился по дороге в сторону Цхалтубо, знаменитого местного курорта, к горам, которыми я мог любоваться ежедневно из окна своего кабинета.

Пунктом назначения моей группы являлся Цагерский район. Говоря откровенно, это – не самое-самое высокогорье, до настоящих вершин еще было ехать и ехать, но нам надлежало остановиться на самых подступах, в Нижней Сванетии, даже не добравшись до административного центра, населенного пункта под названием Лентехи. Впрочем, мне, как человеку неискушенному, и таких гор было более чем достаточно. Голова кружилась от одного только взгляда в окно и от осознания того, что твоя жизнь находится в руках водителя «ГАЗ-66», в общем-то такого же раздолбая, как и ты сам, разве что отслужившего не полгода, а год или полтора.

До Цагери, гордо именовавшегося городом, хотя жили в нем около двух тысяч человек, а может, и того меньше, наш караван добрался изрядно поредевшим. По пути нас по частям пересаживали на аборигенский транспорт, и дальше по горному серпантину наши спецгруппы развозили уже местные жители. Ехали мы долго. Во-первых, расстояние все-таки было приличным. Во-вторых, на горных дорогах особенно не разгонишься, хотя, по-моему, местные водители на это чихать хотели. Так или иначе, в Цагери нам устроили привал. Нам – это мне, Толику, двум азербайджанцам: Кахрамону Мамедову из моего взвода и еще одному парню из противотанкового дивизиона, имени которого я не знал, а также нашему командиру, капитану Кочевникову из разведывательного.

С Кахрамоном, которого, естественно, все называли только «Мамед», у меня сразу сложились теплые отношения. Он был старше, то ли 23, то ли 24 года, обладал высшим образованием и занятной специальностью. Мамед выпустился из вуза технологом винзавода. Говорил он с забавным акцентом, с которым, как потом выяснилось, говорило подавляющее

большинство «городских» азербайджанцев. Сельчане изъяснялись порусски намного хуже. Ярким примером речи Мамеда была перманентная замена буквы «ц» на «ч», и наоборот. Например, Кахрамон всегда говорил только «цай», но, в то же время, «ЧСКА». В этой поездке, на правах более опытного служаки, Кахрамон взял меня под свое шефское крыло.

Мы сидели за накрытым прямо на улице столом, в тенистых зарослях каких-то неведомых мне деревьев, и наслаждались жизнью. На скатерти красовались хлеб, сыр, зелень, мясо, фрукты и стояли графины с вином. Еще перед началом трапезы мудрый Кахрамон, наклонившись ко мне, произнес:

– Андрей, прошу тебя, сделай мне добру! Послушай! Кагда будиш умирает, скажи... Жэнцине какой скажи: «Кала батано, момеци цхали, ра!»

Я напрягся и постарался запомнить.

– А что это значит?

– Сударыня, дайте напиток вады, – с удовольствием пояснил Кахрамон.

– А почему я буду умирать? – наивно поинтересовался я.

– Патаму шта! – классической фразой из анекдота ответил мой наставник и удовлетворенно откинулся на спинку стула.

Обед был чудесным! Я, кстати, на кормежку в полковой столовой не жаловался, она была на порядок лучше, чем в учебке, но с тем изобилием, что сейчас лежало перед моими глазами, ничто сравниться не могло по определению. Больше всего меня поразил сыр. Я всегда очень любил сыр, но такого я, конечно, раньше никогда не ел. Домашнего изготовления сулугуни напоминал свернутую в колечко ленту: можно было взяться за кончик и размотать этот сыр на несколько метров. Конечно, я этого не делал, как-то неловко было, неудобно, но съел я этого сулугуни, наверное, килограмм или больше.

Выпивали мы в разумном объеме. Капитан Кочевников, возглавлявший наш отряд, дал официальное разрешение на употребление алкогольных напитков. Сам он пил коньяк, а мы – красное и белое вино.

Тут, пожалуй, необходимо еще одно небольшое отступление... В старших классах школы я, как и многие мои сверстники, начал эксперименты с «излишествами разными нехорошими». Периодически я делал вид, что курю, периодически, что употребляю спиртное. Пили мы нечто, именовавшееся в те времена «бормотухой», а водку я попробовал уже в 10-м классе, опять же на проводах в армию одного моего приятеля. Этот эпизод я помню в основном по рассказам очевидцев. Но то, что я выпил три рюмки, – это я помню сам. После третьей, как гласят летописи, я

залез в ванну, выбросил очки и заявил, что они мне больше не нужны, потому что я вижу лучше всех. Вот, собственно, и все. Из этого краткого рассказа следует вывод, что мое знакомство с алкоголем находилось на самой ранней стадии. Теперь возвращаемся в Цагери...

Привал закончился для всех, кроме капитана Кочевникова. Он уже находился в месте своей дислокации, поэтому мог спокойно продолжать пир. А нас с ребятами посадил в свой «газик» Юра, начальник Цагерского почтового отделения, и повез выше в горы. Мы проехали Догураши, Чхутели, Ласхану и наконец добрались до деревни Дехвери. Вернее, добрался я один, все остальные высадились раньше. Юра по дороге объяснил мне, что ближайшие дни я буду жить в доме его родителей.

– Мать тебя накормит и отправит спать, так что не волнуйся, – сказал он на прощание и укатил к себе домой.

Было уже совсем темно, потому что поездка от Цагери до Дехвери тоже заняла какое-то время. В ожидании Юриной мамы я бродил по фруктовому саду, окружавшему дом густыми-густыми зарослями. И вот на пороге появилась крошечная женская фигурка, едва различимая в ночи из-за своей черной одежды.

– Бичо, моди! Моди, – поманила она меня.

Бабулька была вполне карикатурной внешности – сгорбленная, с густыми усами и общим печальным выражением лица. Можно было сказать, что она очень напоминала Бабу-ягу в каноническом исполнении Георгия Милляра.

Она привела меня в какую-то комнату наподобие закрытой веранды и указала рукой на стул, стоявший у конечно же накрытого стола. Меню столь же впечатляло, как и днем, в Цагери. За одним исключением. Бабулька поставила передо мной точно такой же графин, с точно такой же прозрачной жидкостью чуть желтого цвета и маленькую рюмочку. «Жадничает старушка!» – подумал я, потому что несколько часов назад пил вино из больших граненых стаканов. И конечно, я ошибся. Меня подвела моя неопытность, потому что даже заподозрить местное население в недостаточном гостеприимстве было бы настоящим преступлением. Просто Юрина мама решила угостить меня чачей...

Я почувствовал, что пью не вино сразу же, с первым прикосновением губ к этой ароматной обжигающей влаге. Выдержав неожиданный удар, я внутренне сгруппировался и довольно быстро дошел до той степени опьянения, когда продолжение банкета стало весьма проблематичным. Бабушка отвела меня на второй этаж, показала комнату, в которой стояла кровать, утопавшая в немислимом количестве перин, и оставила спать. Я

нырнул в эти перины и практически сразу же отрубился.

На следующий день, проснувшись без каких бы то ни было признаков похмелья, я все же решил больше не злоупотреблять местным гостеприимством, потому что в середине дня мне нужно было выходить на связь с капитаном Кочевниковым (позывной: «Центральный») и докладывать ему обстановку. И конечно, я опять ошибся в своих прогнозах.

К завтраку, который накрыли в помещении чем-то напоминающем кухню, вышел глава семейства, отец Юры. Это был тот истинный грузин, которого представляют себе те, кто по какой-то надобности вдруг решает представить себе грузина. Большой, с румяным лицом, заросшим по самые глаза седой короткой бородой, с огромными руками, не огромным, но тем не менее отчетливо заметным животом, в замызганной фуфайке невнятно красного цвета, штанах, наподобие тренировочных, и в шапке – «сванке». Она была чуть надорвана с краю и отлично завершала весь его образ. Передо мной стоял истинный Хозяин гор! Он повел своей ладонью-лопатой в сторону стола, приглашая меня сесть, что-то сказал своей жене, которая в ту же секунду засеменила выполнять полученное указание, и спросил:

– Что будем пить? Вино или водку?

А было утро, напомним, хотя и выходной день, суббота. Помня данное самому себе обещание, я быстро пробормотал: «Вино».

Сван кивнул, опять что-то крикнул жене, и на столе перед нами появилось два глиняных кувшина. Он взял мой стакан, наклонил кувшин и быстро наполнил стакан жидкостью неожиданного для меня цвета и прозрачности. Вино было чуть мутное и розоватое, чем-то напоминало кисель, хотя, конечно, не такое густое. Не успел я про себя удивиться увиденному, как из кувшина в мой стакан вместе с вином перелилась весьма крупная дохлая муха. Без малейшего смущения мой хозяин сунул в стакан могучий указательный палец и стремительно, мне даже показалось – с громким хлопком, выкинул муху из стакана, поставив его передо мной.

– Как зовут тебя? – спросил меня старик.

– Андрей, – робко ответил я, ибо сван, безусловно, подавлял меня своим аутентичным величием.

– Давай выпьем за тебя, Андрей, за нашего гостя!

Мы выпили.

– У тебя отец есть? – задал он свой следующий вопрос.

– Есть.

– Как его имя?

– Владимир.

– Давай выпьем за твоего отца, Владимирович!

Мы опять выпили. Потом выпили за маму, Татьяну. Потом за брата, Илюху. Потом за покойных дедушек. Потом за покойных бабушек. Потом за здравствующих родственников по папиной линии. Потом – по маминой. Потом перешли к принимающей стороне. (Мне хватило ума предложить это самому, что старику, по-моему, понравилось.) Мы выпили за Грузию, за кавказские горы, за кавказские реки, за кавказское небо, за местных жителей, еще за что-то... Время текло, как вино, я уже давно ничего не соображал, лишь кивая моему собеседнику, состояние которого совершенно не изменилось по сравнению с началом нашего пиршества. Помню, были тосты за Советскую армию, за Советский Союз, за перестройку, за завтрашние выборы...

– А теперь, Владимирович, давай выпьем за мир во всем мире!

– Мир за мир, это, батя, обязательно!

Я уже, очевидно, опустился до недопустимых фамильярностей, но мне уже было не до этикета.

В общем, я проснулся почему-то на огороде, на заднем дворе... Перед глазами у меня колыхались какие-то травинки, с какими-то стрекозами, внимательно наблюдавшими за мной своими выпученными глазами. Они, наверное, очень удивлялись тому, что видели.

Я и сам удивлялся. И тому, что в меня, оказывается, можно столько влить, и тому, что у меня не болят ни голова, ни желудок. Впрочем, почти сразу я почувствовал, простите за вульгаризм, что совсем скоро у меня заболит жопа!

Я пропустил четыре назначенных сеанса связи! Но делать было нечего. Внутренне сжавшись, я развернул радиостанцию и обратился к эфирным волнам с вопросительной интонацией:

– Центральный? Я – Четвертый, я – Четвертый! Прием!

Капитан Кочевников ответил сразу же, как будто ждал. Правда, ответил немного не так, как я надеялся.

– Норкин, блядь, ты что там, охуел совсем? Ты там, блядь, живой?

– Так точно, товарищ капитан! – Я тоже почему-то забыл про позывные. – Что-то с рацией случилось, никак не мог настроить!

– Ага, попизди мне, рация виновата, – миролюбиво проворчал «Центральный». – Ну, ладно, хорошо, что живой... Я и сам тут, честно говоря, совсем в жопу наебенился...

Я понял, что все хорошо и никакое наказание мне не грозит!

«Видел, как пекут хлеб, плоский и длинный, видел и «станки» для приготовления вина и даже кувшины, в которых вино хранят. А еще там

бегают столько свиней и поросят, что кажется, будто это – единственные жители деревни. Они лазают, где попало, убегают, прибегают, воруют прямо, как в кино. А места там!.. Жалко, что у меня не было слайдовой пленки. Горы – сверху снег, потом лес, потом сады и домики, домики. И старинные крепости я тоже видел. 27.06.1987 г.»

Два следующих дня я провел в деревне Дехвери, наблюдая за незамысловатой жизнью ее обитателей. Пользуясь весьма непродолжительными моментами относительной трезвости, я круглыми глазами рассматривал то, чего никогда бы не увидел дома, в Москве. Не знаю почему, но самое сильное впечатление производило все, связанное с приготовлением пищи. Наверно, дело было в том, что дома я продукты видел уже в магазине. А сейчас я мог заглянуть в тандыр, чтобы удивиться, почему прилепившийся к стенке печи хлеб не отваливается и не падает туда, в самый низ? Я получил подробное представление о том, как делают чачу, столь поразившую меня совсем недавно, как отжимают сок, куда попадают виноградные кожица и косточки, что с ними происходит потом. Я даже своими руками трогал настоящие кевври, гигантские кувшины, в которых я мог уместиться целиком! Часть из них были закопаны в землю, выглядывая на поверхность только своими горлышками, вино из них доставали черпаками на длиннющих ручках. Часть – просто лежали во дворе, ожидая своей очереди наполниться вином нового урожая. В это трудно поверить, но за эти часы – половину субботы и половину воскресенья – я побывал и на свадьбе, и на похоронах. Причем у меня создалось такое впечатление, что вся деревня вместе со мной перемещалась от одного стола к другому. Поразило, что сидели одни мужчины, даже маленькие мальчики, которым тоже наливали вино. Совсем чуть-чуть, но наливали. А женщины и девушки ухаживали за гостями.

Утром, в воскресенье, я отправился на избирательный участок, и впервые в своей жизни принял участие в голосовании. Мне выдали бюллетень, заполненный полностью на грузинском языке, и я торжественно опустил его в урну. За кого я проголосовал, этого я так никогда и не узнал. Впрочем, это казалось неважным. Вне всякого сомнения, депутат от Цагерского района был исключительный, замечательный человек!

Поскольку население деревни Дехвери отличалось высокой дисциплинированностью, то жители, имевшие право голоса, выполнили свой гражданский долг в течение часа. Мне дали листочек с цифрами, я связался с моим «Центральным» и снова окунулся в удивительный и незнакомый для меня мир горной сванской деревушки...

Ближе к вечеру приехал Юра, я распрощался с его родителями, и мы поехали за Ерошенко (позывной Третий). Впереди нас ждал торжественный ужин в Цагери, знаменующий успешное окончание исторических выборов. Толик, дежуривший в деревне Ласхана в условиях практически идентичных дехверским, встретил нас в столь изрядном подпитии, что по дороге в Цагери дважды блевал из «газика» прямо на ходу. Он открывал дверь, я держал его за ремень, а Юра весело гнал своего «козла» по горной дороге, даже не снижая скорости!

В Цагери мы приехали уже поздним вечером. Юра подкатил к месту банкета – районному Дому культуры, милому зданию с колоннами и небольшим балкончиком. Окна Дома культуры были ярко освещены, гремела музыка, а на балконе стоял толстый дядька, оказавшийся председателем местного колхоза. Как только я вылез из «газика», он радостно закричал:

– Товарищ! Товарищ! Вы, наверное, Третий?

– Нет, я Четвертый.

– Тогда поднимайтесь скорей к нам! Тут у нас Первый и Второй уже совсем пьяные лежат!..

Грузия меня явно приняла...

«Сейчас опять гоняют коров от КПП, чтобы не загрязняли дорогу. С этой скотиной прямо беда. Лезут откуда-то на плац, на стадион. Особенно свирепствуют свиньи. Некоторые ухитряются даже в городок пробираться. До часу дня никого нет, а потом только и слышишь: «Му-у-у!», «Хрю-хрю-хрю!» 03.07.1987 г.»

Служба моя шла своим чередом, о чем я, как теперь хорошо понятно, в режиме конспекта информировал моих домашних. Надеюсь, у них сложилось впечатление, что я живу в санаторных условиях, ни на что и ни на кого не жалуясь. Хотя по большому счету так оно и было. Каждый день я отправлялся в свой штабной кабинет, чтобы работать над поручениями моих непосредственных начальников – начштаба подполковника Дьяконова и его заместителя майора Ларцева.

К этому времени я уже почти со всеми старшими офицерами познакомился. Они, конечно, казались мне, почти девятнадцатилетнему, ужасно взрослыми. Шутка ли, большинству из них было за тридцать пять, за сорок лет, а некоторым даже под сорок пять! Другое дело, что эта кажущаяся взрослость противоречила их совершенно мальчишескому поведению. Однажды я услышал, как заместитель командира полка по

тылу, подполковник Бейнатов, в коридоре спорил с какой-то женщиной по поводу протекающих потолков. Оказалось, это была заведующая полковым детским садиком, и она предъявляла претензии, связанные с плохим ремонтом. И вот она говорит: «Я – женщина, и я этого не позволю!» Тут начальник штаба, Дьяконов, который, как и я подслушивал этот разговор, высунулся из кабинета и говорит: «Ну, какая вы женщина, вы же заведующая!» Как я писал домой, «интересно, когда перед тобой стоят замы начальника штаба или он сам, все майоры, подполковники, и начинают вдруг толкаться, пихаться и называть друг друга «чурками глупыми»».

Периодически я, как и все остальные мои сослуживцы по взводу, попадал под горячую руку формального командира нашего подразделения, старшего лейтенанта Фаридова. Вообще-то ему можно было только посочувствовать. Больше половины личного состава взвода ему практически не подчинялось. Кто-то работал в штабе, кто-то – в клубе, кто-то – на пульте связи, кто-то – водителем руководства и т. д. Время от времени наш командир «входил в штопор» и пытался добиться от нас хоть какого-то соблюдения субординации. В повседневной жизни старший лейтенант говорил по-русски без акцента, но, когда злился или напивался, начинал коверкать слова на «кавказский» манер. В этом состоянии Рустам Фаридов начинал сыпать фразами: «Что? Динэвальный Тумбочка? Тубаретка? Пиль и пепель? Миру – мир, армянам – деньги! Карабах наш!» Полковые армяне его недолюбливали. И за эти постоянные подначки по поводу карабахского конфликта, который хоть и не достиг еще своей точки кипения, но тлел довольно ярким огоньком. И за то, что основное свое время он проводил с нашими каптерщиками – азербайджанцами. Это были Кахрамон Мамедов, «Мамед», и более молодой – Али Мусаев, «Муса».

Выглядели они довольно потешно. Мамед был маленький, коренастый, с квадратной головой, а Муса, наоборот, – длинный, тощий, в своей круглой высокой панаме напоминавший какого-то муравья.

Панамы, кстати, играли особенную роль в создании индивидуального образа каждого военнослужащего, причем с ярко выраженным национальным оттенком. Если русские, украинцы и грузины пытались придать своим панамам вид настоящего ковбойского «стетсона», вытаскивая внутренние вставки, продавливая внутрь тулью и загибая к небу поля, то азербайджанцы, напротив, снабжали панамы настолько жесткими вставками, что тулья едва выдерживала давление, а сам головной убор начинал напоминать пробковые шлемы британских колонизаторов.

Но не будем отвлекаться... Как я понял, такое немного странное

поведение старшего лейтенанта Фаридова объяснялось банально – жизненной неустроенностью. Ему уже перевалило за сорок. Несколько лет назад, за какую-то провинность его лишили одной звездочки, и он прекрасно осознавал, что нынешние звание и должность скорее всего были высшей точкой его карьеры. Существовала и дополнительная проблема. В конце восьмидесятых, которые стояли на дворе, перевестись из Закавказского округа куда-то в другое место офицерам было практически невозможно. Нет, один вариант оставался всегда: Афган. Но желающих ехать туда уже не хватало, даже несмотря на повышенную зарплату в валюте. Поэтому, после того как я сделал для себя этот вывод, я старался снисходительно относиться к человеческим слабостям моего комвзвода.

Я вообще по мере сил старался помогать нуждающимся. Я ведь был единственным москвичом в полку. Женщины, жены офицеров, которые служили в части и в звании прапорщиков, и как вольнонаемные специалисты – в секретке, в строевой, у связистов и т. д., – узнав, что я из Москвы, первым делом попросили меня организовать грузовые поставки. Они сдавали мне деньги, я переводил их на почте домой, а мама, в Москве, шла в магазин и покупала на эти деньги конфеты. Любые московские конфеты: ириски, карамельки, сосульки. Местные, грузинские конфеты популярностью не пользовались. У солдат, кстати, тоже.

Исключение представляли конфеты, которые привозили ребята из Армении. Но я так и не решился их попробовать. Исключительность этих конфет заключалась в их крайне оригинальном названии: «Смерть мышонка».

Насколько я понял, это название отсылало к детской сказке какого-то популярного армянского писателя! Фантик выглядел так: лежащий на спине длинный и худой мышонок, одетый в какую-то курточку и короткие штанишки. Он, видимо, действительно был мертвый, потому что изобразили его с закрытыми глазами, а у изголовья стоял печальный, по моему, лисенок. Если не ошибаюсь, это были карамельки...

Так что спустя пару месяцев с момента моего появления в Кутаиси заработал бесперебойный канал доставки посылок со сладостями. Мы их называли «грузовиками «Прогресс», как космические корабли.

Вообще женщинам нашим приходилось несладко. Тут я уже говорю не о недостатке конфет. Гарнизонная жизнь – сами понимаете... Тем более что для большинства из них Грузия совсем не являлась «малой родиной», а жить тут приходилось годами. Приспосабливались, конечно, кто как мог, хотя бывали и забавные моменты, к которым приспособиться было, пожалуй, невозможно.

Помимо коров и свиней, периодически гулявших по территории, в нашем полку благоденствовала еще куча всякой живности: гуси, утки, куры. Рыбы – в специальном водоеме, куда офицеры ходили на рыбалку. Само собой, собаки. Заведовал всем этим скотным двором Игорь Ярмолук, очередной представитель Житомира, ставший затем одним из самых близких моих армейских друзей.

Но главной звездой полковой фауны, безусловно, был козел по кличке Генерал. И вот этот козел (во всех смыслах!) очень любил терроризировать наших старших боевых подруг. Генерал пользовался полной свободой перемещения и вечером, когда женщины возвращались со службы домой, в военный городок, устраивал засаду. Посмотреть на это зрелище собирался едва ли не весь личный состав нашего взвода и первого дивизиона. Во-первых, потому что кавказские юноши очень любили смотреть на славянских женщин, во-вторых, потому что славянские женщины домой шли именно мимо наших дверей, у которых располагались амфитеатром кавказские юноши, любившие смотреть на славянских женщин, и, в-третьих, потому что козел Генерал сидел в засаде. Все об этом знали: и солдаты, и несчастные женщины. Если стоял теплый вечер – почти со стопроцентной уверенностью можно было говорить, что Генерал прячется в кустах в ожидании очередной жертвы. Дальше все происходило по одному и тому же сценарию: Генерал выскакивал из кустов, опускал рога к земле и мчался на визжащих теток, которые начинали отбиваться от него сумками или заранее припасенными палками. Публика взрывалась восторженными криками и аплодисментами, Генерал получал чем-нибудь по рогам, женщины переходили на бег и находили свое спасение за калиткой.

Впрочем, солдаты любили Генерала не только за его шоу-способности. Он еще и выступал в качестве весьма полезного помощника. Козел обладал совершенно неумным аппетитом. Он жрал все! В том числе бытовой мусор. У входных дверей в казарму стояли урны, в которые бросали всякие бумажки, очистки от мандаринов, огрызки, но, главное, – окурки. Каждая такая урна представляла собой ведро, закрепленное посередине таким образом, что урну можно было повернуть по вертикали и вытряхнуть все содержимое в мешок, чтобы потом отнести на свалку. Не Бог весть какой труд, но любой дневальный старался использовать каждый подходящий случай, чтобы от этой обязанности увильнуть. Генерал, в этом смысле, был очень удобен: его приводили к урне, засовывали мордой внутрь и давали возможность съесть все содержимое. Судя по всему, козлу такое угощение очень нравилось, потому что он никогда не артачился, не сопротивлялся и,

казалось, даже ждал добавки.

Этот симбиоз – и урны чисты, и козел сыт – служил очень хорошей иллюстрацией, возможно, самой популярной армейской присказки: «Солдат спит, служба идет!» Спать каждый из нас старался побольше и почаше. Понятно, что чем меньший срок службы был за плечами, тем меньше оснований для дневного сна имел рядовой или сержант. Другим немаловажным фактором являлось наличие спального места. В выигрыше оказывались владельцы «собственной» жилплощади, в перечень которой входили каптерки, служебные кабинеты или, например, «кунги».

Что такое КУНГ, я узнал уже только после армии, да и то разобрался не до конца. КУНГ – аббревиатура, расшифровывающаяся как «кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита». Что такое «нулевой» габарит и почему именно он является «нормальным», мне неизвестно до сих пор. В нашем полку кунгами оборудовались шестьдесят шестые «ГАЗы», едва ли не самые популярные армейские грузовички. Это были передвижные радиостанции, медпункты, кинобудки и т. п. Впрочем, существовали и другие варианты. Например, работала у нас такая «колбаса» – передвижной штаб полка, оборудованный в длинном закрытом кузове-вагоне, установленном на грузовой «Урал-4320». В этом настоящем доме на колесах спалось особенно удобно.

Лично я спал у себя в кабинете, прямо на столе, благо он был и широкий и длинный. Жесткая поверхность, как выяснилось, не имела никакого значения. Наоборот, повышенная комфортность спального места иногда играла негативную роль. В каптерках можно было забраться спать в шкаф, закопавшись в обмундирование, но там помимо мышей еще водились и крысы. Одного такого «соню» довольно долго потом лечили. Он завалился спать пьяным и ему здорово погрызли нос, хорошо еще, что все обошлось без осложнений. Ну, и конечно, если «притопивший на массу» попадался на глаза кому-нибудь из офицеров, дополнительный наряд он получал моментально.

Иногда, впрочем, офицеры сами поддерживали пристрастие личного состава к дополнительному сну. Впервые я столкнулся с этим на учениях «Кавказ-87», широко разрекламированной акции международного масштаба. Большая политика, диктовавшая свои правила всем без исключения областям жизни, никак не могла пройти мимо военной доктрины. Было решено, что отныне мы уже не собираемся воевать с НАТО, а начинаем с ним сотрудничать. На «Кавказ-87», простите за каламбур, на Кавказ приезжали войсковые подразделения Североатлантического альянса. Не много, в основном офицеры, но какие-то

небольшие группы бойцов тоже ожидалось. Для отработки совместных действий.

Само собой, значение это мероприятие имело архиважное. Ударить в грязь лицом перед империалистами было просто невозможно, поэтому, когда я в составе штаба полка отправился на эти учения, то внутренне подготовился к самому жесткому режиму несения службы. Мы промчались на автомобилях поближе к Тбилиси и остановились в каком-то гигантском складе длительного хранения. Оттуда мы должны были выдвинуться дальше. В этот момент произошли какие-то изменения в тактике, «концепция изменилась». По причинам, так и оставшимся неизвестными, нас от участия в совместных учениях отстранили. Логичное предположение, что в таком случае нас отправят домой, в полк, также не подтвердилось. По все тем же таинственным причинам. Командир полка, подполковник Сидоренко, на общем построении объявил поставленную нам задачу: оставаться на месте и постараться не попадать на глаза иностранным военным наблюдателям, которые, видимо, наводнили Грузию на время этих учений.

Наиболее популярная версия всего этого абсурда, кстати, напрямую вытекала из обозначенной задачи. Кто-то предположил, что в порыве служебного рвения организаторы учений из штаба округа привлекли к маневрам слишком крупные силы. И это якобы нарушало какие-то международные договоренности, согласно которым мы – Советская армия – не могли иметь в конкретном месте больше войск и вооружений, чем разрешалось. А у нас как раз получилось больше. Поэтому для меня и моих сослуживцев учения «Кавказ-87» превратились в игру в прятки.

Проблема заключалась в том, что прятаться-то особо и негде было. И тогда кто-то из офицеров дал команду: «Всем залечь под машины и спать!» Ну, мы и спали: днем под машиной, ночью – на машине. Особенно хорошо спалось на обтянутых тентами «КамАЗах». Получалось что-то вроде гигантского коллективного гамака: лежишь себе, любишь звездным небом и наслаждаешься жизнью. Потом я с чистой совестью говорил, что не знаю, чем и как завершились международные учения «Кавказ-87». Лично я их проспал...

«Когда в Москве появятся бананы, то, после того как вы будете их покупать, не выбрасывайте шкурки. Положите их на солнце, на окно, и засушите, а потом вышлите мне, вместе с какой-нибудь посылкой. Это нужно для развода мальков. Один мой знакомый капитан – большой любитель аквариумных рыбок, и он из шкурок бананов делает какой-то

настой, которым выкармливает мальков. А в Кутаиси бананов, оказывается, не продают. 13.07.1987 г.»

Вернувшись в полк, я вернулся и к выполнению своих обязанностей, среди которых организация разнообразных «грузовых поставок» стремительно превращалась в одну из самых важных. Иногда складывалось впечатление, что в Кутаиси не было вообще ничего, хотя история с банановой кожурой – это, конечно, экзотика. Любителем аквариумных рыбок оказался капитан Андрюшкин, начальник топографической службы, которого я называл Мишель Джексон. Капитан Андрюшкин «проживал» через два кабинета от моего, поэтому он, когда ему надоедало разглядывать свои топографические карты, заходил ко мне в гости. Такое странное прозвище объяснялось тем, что он считал себя перфекционистом и всегда и во всем стремился поступать сообразно своим принципам. Спорить с ним было делом абсолютно бессмысленным. Однажды на полном серьезе капитан объявил мне, что Майкла Джексона правильнее называть Мишель, потому что у него – французские корни. Так это прозвище к нему и приклеилось.

Помимо конфет и банановых корок мне (не мне лично, а для кого-то) присылали детскую одежду, обувь, духи, пластинки, книги. Один раз даже поступил заказ на какой-то электрогенератор, но позднее его отменили. Так что благодаря бесконечной любви ко мне моих родителей я зарабатывал дополнительные очки в копилку своего авторитета.

В повседневности я снабжал офицеров канцелярскими принадлежностями. Практически каждый день кто-нибудь из них приходил за карандашом или ластиком. Иногда складывалось впечатление, что офицеры в нашей части заняты исключительно какой-то писаниной. Впрочем, это предположение было и не так уж далеко от истины. Однажды ко мне зашел командир одного из «Кабачков», подполковник Никитин.

– А дай-ка мне, брат Андрюха, бумажки! – добродушно пророкотал он своим раскатистым басом.

– Сколько вам, товарищ полковник? – спросил я, не отрываясь от карты, над которой работал.

– Ну, дай листочков пятнадцать.

Я, не глядя, вытащил из пачки, лежавшей на подоконнике, несколько листков, передал ему и продолжил свою работу.

Послышалось какое-то сосредоточенное сопение, потом фырканье и подполковник Никитин обиженно произнес:

– Слушай, ну, ты и жмот, оказывается!

Вид из окна моего кабинета. Еще какая-то делегация прибыла

Я непонимающе посмотрел на него.

– Ровно пятнадцать! – пояснил Никитин.

– Как заказывали, – довольно сказал я, радуясь, что так впечатляюще продемонстрировал собственную эффективность и радение за полковое имущество. Полковник, качая головой и что-то бормоча под нос, отправился восвояси, а я подумал: «Все-таки смешные они мужики, эти офицеры!»

Солдаты, впрочем, были не менее забавными. Иногда в полку происходили вещи, в реальность которых я бы никогда не поверил. Перед самым дембелем один из сержантов ВМО загремел в госпиталь по весьма экстравагантным причинам. ВМО – напомним еще раз – был вторым полковым подразделением, занимавшимся оргвопросами. В ведение взвода материального обеспечения входили, как понятно из его названия, все материальные вопросы. Столовая, продовольственные склады, склады обмундирования НЗ, ДХ и все остальные – кроме тех, где хранилась техника, банно-прачечный комплекс: все это было империей ВМО. ВМО жил богато! Венцом в его короне выступала служба ГСМ – горюче-

смазочных материалов, неисчерпаемые запасы всеобщего благосостояния. На бензин и солярку менялось и продавалось все, хотя самым популярным видом этих товарно-денежных отношений, конечно, оставался алкоголь.

Взвод материального обеспечения на 99 процентов состоял из кавказцев. Начальниками складов выступали прапорщики грузины, все как на подбор кругленькие и толстенькие, а баней и прачечной заведовали сержанты армяне. Эти так и ходили круглый год в одном белье, разве что летом выбирались из своей бани на крыльцо, а зимой так и сидели внутри, в клубах пара. Не соответствовало такому принципу формирования подразделения по национальному признаку лишь то, что командовал ВМО совершеннейший славянин, русский капитан Водяной, повара почему-то всегда набирались из таджиков, а все трое гэсэмщиков были с Украины.

Один из них под конец службы решил получше подготовиться к неумолимо приближавшемуся возвращению домой. Как все говорили: «Дембель неизбежен, как крах капитализма», – в точности этой формулировки тогда никто даже и не сомневался! Видимо, решив предстать перед заскучавшим без ласки женским населением своего хутора, где-то в карпатских горах, во всей боевой красе, наш герой вознамерился модернизировать собственный детородный орган. Говоря языком компьютеризированного двадцать первого века, «провести апгрейд». Тогда еще про «Enlarge Your Penis!» никто и не слышал по причине отсутствия Интернета и электронной почты. Но горячее желание усовершенствовать свои физические данные многих молодых людей не покидало ни на секунду! «Будущий мачо» взял молоток, гвоздь и несколько металлических шариков от подшипника. Всем солдатам без исключения было известно, что если металлические шарики изнутри вращаются в головку полового члена, это будет приносить потенциальным сексуальным партнерам невыразимые наслаждения во время соития! Никто никогда ничего подобного по вполне понятным причинам не видел, но все об этом слышали и все этому верили. Ну, может, почти все... В общем, как потом рассказывали многочисленные очевидцы, процесс «модернизации» оказался скоротечным. Первый же удар молотком привел к тому, что секс-гигант прибил собственный член к деревянной скамейке, которая выступала в роли операционной. «Кровищи былоооо!» – так обычно это описывали... Совместными усилиями гвоздь из доски удалось вытащить, после чего, обмотанный какими-то тряпками, с гвоздем в причинном месте, незадачливый Казанова побежал со всех ног в санчасть, откуда позднее был эвакуирован в госпиталь. Так что свой дембель он задержал на пару недель.

«25 числа у меня был выходной день. Меня поздравили друзья и начальство. А начальник штаба полка на разводе сказал: «Почему это все такие грустные? У Норкина – день рождения, а никто не улыбается». Из-за него у меня теперь новое прозвище. Наташка и Борька прислали открытку «Крошка Енот», на которой переправили «енот» на «Норкин». Я как раз в тот день получил девять писем. Стою, читаю, а начштаба увидел и как закричит: «Они что, офонарели, что ли?» И тут увидел «Крошку Норкина». Так что теперь меня тут так и зовут. 02.08.1987 г.»

Свой первый день рождения в армии я встречал на учениях. Многодневный полевой выход в Караязы, несомненно, считался главным событием в жизни полка. Это была самая яркая, самая насыщенная страничка в нашей летописи, к «караязам» готовились загодя, их не любили и в то же время ждали с каким-то необъяснимо приятным замиранием сердца.

Вообще-то Караязами назывался населенный пункт в Турции, где-то на северо-востоке страны. В нашем случае Караязами именовалась огромная сухая степь, почти пустыня, на границе Грузии и Азербайджана.

Караязская степь

Там находился наш артиллерийский полигон, гигантское по территории стрельбище, на котором полк отрабатывал точность стрельбы из штатного вооружения. Путешествие на учения начиналось с погрузки эшелона. Полк выезжал едва ли не в полном составе, оставляя в Кутаиси лишь минимум личного состава, необходимого для поддержания бытового существования части.

Погрузка происходила на безымянном полустанке недалеко от города. Туда техника добиралась своим ходом, после чего начиналась сложная и муторная процедура размещения грузовиков и артиллерийских орудий на железнодорожных платформах. Нашу основную ударную силу представляли 122-мм гаубицы, стрелявшие как фугасными, так и кумулятивными снарядами. Орудия буксировались «Уралами», потому как шестьдесят шестые газики с ними справиться, конечно, не могли. На их долю оставались полевые кухни и другая мелочовка. Процесс погрузки отнимал у командования полка огромное количество сил и нервов: водительское мастерство личного состава, как правило, оставляло желать лучшего, а в этом случае нужно было не только загнать тяжелый грузовик на железнодорожную платформу, но потом еще и несколько раз дергаться вперед-назад, постепенно выравнивая тяжеленное, почти трехтонное, орудие. После того как гаубицы вставали ровно, начинался сам крепеж. В деревянный настил платформы вбивалось огромное количество деревянных башмаков плюс к этому колеса гаубицы намертво приматывались к платформе толстой железной проволокой. С остальной техникой, включая БТРы, справлялись быстрее.

Как правило, на полное завершение этой операции уходила пара дней. После чего к эшелону подвозили весь остальной личный состав, мы забирались в теплушки, которые, похоже, так и добрались до нашего времени из фильмов о Великой Отечественной войне, а офицеры занимали места в обычных плацкартных вагонах. И состав отправлялся в долгий путь.

Путешествие могло занимать от двух дней до недели. Все зависело от каких-то неизвестных нам высших железнодорожных сил. Периодически мы останавливались на каком-нибудь перегоне, и сутки напролет пропускали следовавшие в противоположных направлениях пассажирские и грузовые составы. Вынужденные паузы заполнялись традиционно: солдаты спали, офицеры пили. Отправление поезда всегда происходило неожиданно, поэтому периодически мы с увлечением наблюдали, как тот или иной наш командир, теряя на ходу тапки, пытается догнать уходящий

состав. Самое удивительное, что ни разу никто не отстал! Наконец, оставив позади Зестафони, Гори, Тбилиси и Рустави, практически уничтожив все запасы сухого пайка, мы доползли до необъятного желто-песочного пространства Караязской степи и останавливались на станции Гардабани.

Наш лагерь в Караязах

Разгрузка происходила гораздо энергичнее погрузки. Полк выстраивался в колонну и углублялся на запад, в глубь степи, оставляя железнодорожную станцию за спиной. Достигнув нужной точки, которую я так и не научился определять, мы приступали к обустройству лагеря. Каждый занимался своим конкретным делом, так что получалось, что больше одной-двух палаток ставить не приходилось. Я с ребятами ставил маленькую палатку, собственно, для нас самих, и вторую – побольше, – которой предстояло играть роль штаба полка. Спальные палатки крепились на невысокие деревянные каркасы, выполнявшие функцию и фундамента, и стен одновременно. Внутри же размещались деревянные нары, на которых мы и спали. На матрасах, конечно. Все это мы, естественно, привозили с собой, как и раскладушки для офицерских палаток. Палатка-штаб, как и палатка-столовая, были значительно больших размеров, с подпорками, растяжками и прочей арматурой, дополнительно укреплявшей эти

сооружения внутри и снаружи.

Таким образом, в лагере формировались спальная зона, штаб, укрытый по всей площади маскировочной сеткой, и зона приема пищи. Все вооружение уходило еще дальше в степь, и из нашего лагеря гаубицы были не то что не видны, их даже слышно не было, когда они стреляли.

Радуга в Караязах

А стреляли мы «огурцами», именно так назывались снаряды к нашим гаубицам. Кстати, вне зависимости от военной специальности, погрузка-разгрузка «огурцов» являлась общей солдатско-сержантской обязанностью. Дело это было противное, ибо тяжелое. Один кумулятивный «огурец» «тянул» на 14 килограммов, а осколочно-фугасный – на 21. Снаряды хранились и транспортировались в ящиках по две штуки, так что

дополнительными занятиями по физической подготовке личный состав полка на учениях обеспечивался по полной программе.

Улетали наши «огурцы» в светлую многокилометровую даль за местную достопримечательность. Не знаю, в чью светлую голову и когда именно пришла эта идея, но учебные цели находились в нескольких километрах позади знаменитого монастырского комплекса Давида Гареджи. На самом деле это были несколько пещерных храмов, обустроенных в Гареджийском кряже еще в VI веке. Причем главным объектом комплекса была лавра Святого Давида, никакая не пещерная, а очень даже «надземная» и расположенная прямо на границе с Азербайджаном. Вот через эту лавру мы и стреляли.

То есть практически обстреливали Азербайджан с территории Грузии, благо страна тогда была общая. Конечно, и в то время периодически раздавались призывы прекратить наши артиллерийские экзерсисы. Защитники истории опасались, что рано или поздно мы попадем точно в Святого Давида, а если не попадем, то вибрация от взрывов все равно разрушительно подействует на уникальное архитектурное сооружение. Однако прекращение деятельности полигона произошло уже после распада СССР и вывода российских войск с территории Грузии.

Лавра преподобного Давида Гереджийского

На огневой рубеж уезжали только дивизиончики. Я, естественно, никуда не ездил. Штаб, по условиям учений, находился в отдалении от линии фронта, поэтому мы руководили боевыми действиями по рации. Кстати, учения в Караязах были единственным поводом для того, чтобы я выполнял свои непосредственные обязанности. Я ведь числился

командиром отделения вычислителей, то есть рассчитывал все данные, необходимые для управления огнем! Именно исключительной важностью должности и объяснялось то, что моя фамилия в штатном расписании полка значилась под номером «пять»: после командира, заместителя командира, начальника штаба и заместителя начальника штаба полка. Но, так как учебные стрельбы тоже происходили далеко не каждый день, времени для отдыха хватало.

Офицеры предпочитали купаться в самодельном бассейне, сделанном из какой-то немислимой надувной фигни. Давление в ней постоянно поддерживалось с помощью генератора, воду наливали из обычной водовозки, специально отправлявшейся для этого в Гардабани, а за комфортную атмосферу отвечала та самая маскировочная сеть над штабом, которой частично удавалось закрывать резервуар от всепроникающей степной пыли.

Вид из штаба, скрытого под маскировкой

Поскольку бассейн был маленьким, одновременно в него помещались всего два человека, даже мне и моим друзьям – штабному рядовому составу – залезать в него категорически не разрешалось. Поэтому мы спасались от

жары другим способом: залезали под БТР и спали. Как всегда, ничего оригинального. Однажды с утра я так удачно задремал рядом с бэтээром, что к моменту моего пробуждения световой день практически закончился, в результате чего я приобрел приятный красноватый оттенок и побежал в санчасть за средством от ожогов. Обошлось без осложнений, и я с удовлетворением отметил, что за время службы в армии успел не только обморозиться, но и сгореть!

Демонстрация загара

Однако главную опасность для организма представляла вовсе не температура воздуха, а местная фауна.

«Здесь никого, кроме ящериц, пауков и змей не поймает. Прыгает и скачет всякая саранча, но самое «замечательное» – это фаланги, ядовитые пауки. Особенно большие достигают размеров с ладонь, а в общей, так сказать, массе, они не превышают в длину моего среднего пальца. Днем их нет, а ближе к вечеру они выползают, поэтому, прежде

чем засыпать, мы осматриваем все стены палаток. Наш «комсомолец» (секретарь комитета ВЛКСМ) лейтенант Голубков их ужасно боится. Его тут все пугают пауками, и даже прозвище дали – «Фалангист». 02.08.1987 г.»

Не стоит и сомневаться, что мне довелось близко познакомиться с этими милыми созданиями. Началось с того, что на тренировке по управлению огнем командир разведдивизиона полковник Сафонов нашел странного паука, большого и блестящего.

– Какой интересный паучок! – озадаченно пробормотал Сафонов, шевеля своими густыми усами. Он явно впервые в жизни столкнулся с живой фалангой. Маленький Дьяконов, выглянувший из-под сафроновского локтя, пошевелил уже своими усами и уверенно заявил:

– Интересный, интересный! За попку укусит, так интересно будет, что лучше не бывает!

Какая-то степная жительница

Надо сказать, что начальник штаба был абсолютно прав, как и в большинстве других случаев. Кусались фаланги ужасно больно.

Смертельной опасности, конечно, они не представляли, но поднималась температура, начинался озноб, а место укуса распухало и очень, очень сильно болело. Короче говоря, лучше с ними было не встречаться, хотя избежать подобного практически не получалось. Как-то ночью, когда я стоял в наряде, мне за шиворот свалились сразу две фаланги! Одна спереди, другая сзади. Они были еще маленькими, и я так быстро их выкинул, что даже не успел как следует испугаться... Тем временем мои более смелые сослуживцы объявили фалангам настоящую войну. Выяснилось, что из этих пауков получались очень оригинальные сувениры. Пойманную фалангу умертвляли каким-нибудь аккуратным способом: как правило, заливали какой-нибудь жидкостью. После того, как паук прекращал бороться за жизнь, его обильно поливали эпоксидной смолой и давали высохнуть.

Фаланга

Потом начинался самый сложный этап обработки: бархатным надфилем и мелкой шкуркой все потеки смолы снимались. Особенно

аккуратно нужно было обращаться с лапками фаланги, очень длинными и очень тонкими. В итоге паук превращался в маленькую скульптурку, которую можно было, например, поставить на книжную полку или снабдить цепочкой и носить как брелок. Впрочем, в этом случае лапки быстро отламывались...

«Однажды к нам в палатку зашел начальник штаба. И что-то они со старшим лейтенантом Дмитриенко не поделили, и тогда он сказал: «Дмитриенко, не нуди! Ты и так мне по ночам в кошмарах снишься! И Норкин последнее время тоже, почему-то!.. 15.08.1987 г.»

Евгений Петрович Дьяконов, мой командир штаба, был очень интересным персонажем. Его главными отличительными чертами являлись оптимизм, энтузиазм и внутренняя энергетика. Подполковника Дьяконова невозможно было застать без движения. Думаю, он даже спал, постоянно размахивая руками и ногами. Именно на первых моих Караязах наши с ним отношения стали быстро крепнуть. Поскольку майор Ларцев остался в Кутаиси, как исполняющий обязанности начальника штаба полка, с Дьяконовым я теперь общался каждый день. Общение это ничем не походило на формализованные армейские правила «начальник – подчиненный». Не знаю, чем я ему приглянулся, а он мне – чувством юмора, отсутствием заносчивости, открытостью и готовностью помочь. Единственным из всех моих офицеров-сослуживцев, кто познакомил меня со своей семьей, оказался именно Евгений Петрович. Его жена списывалась с моей мамой, обмениваясь рецептами: из Москвы шли письма с разъяснениями как правильно использовать молочную смесь «Малютка» при изготовлении конфет «Трюфель», а из Кутаиси в Москву отправлялись точные пропорции ингредиентов настоящих хачапури. Периодически я приходил к Дьяконовым в гости, пил чай, играл с их маленькими дочками и смотрел видеозапись свадьбы кого-то из их родственников, проживавших в Израиле.

Общение начальника штаба с личным составом всегда превращалось в маленький спектакль. Однажды, когда наш командир взвода пребывал в уже упоминавшемся состоянии повышенной нервной активности, он решил привлечь Дьяконова к воспитательному процессу. После завершения учений рядовым и сержантам предоставили возможность съездить домой в отпуск. Из нашего взвода домой ездил рядовой Менько, на которого старший лейтенант Фаридов за что-то обиделся. Взвод управления стоял на плацу и слушал нотации командира. Внезапно из кустов появился

начальник штаба.

– Смирно! – скомандовал Фаридов.

– Вольно! – эхом отозвался Дьяконов и подошел поближе, вопросительно глядя и на старшего лейтенанта, и на нас.

– Вот, товарищ полковник, совсем потеряли нюх! Забурели совсем! – начал жаловаться наш командир. – Один пиль и пепель!

– Взвод, в чем дело? – заинтересовавшись, спросил Евгений Петрович.

Мы, разумеется, молчали. Тем более что и сами не очень представляли, в чем заключалась наша провинность.

– Рядовой Менько вернулся из отпуска и привез алкогольные напитки! – неожиданно заявил Фаридов. Неожиданно, потому что это было истинной правдой.

Дьяконов сделал суровую гримасу.

– Взвод, вы охуели? – не повышая голоса, спросил он. – Вы что, привозите из дома алкоголь? Вы больше не хотите в отпуска? Значит, с сегодняшнего дня все отпуска и увольнительные отменяются, взвод заступает в бессрочный наряд!

Он развернулся и пошел к штабу. Старший лейтенант Фаридов, видимо, сообразив, что бессрочный наряд означает определенные неудобства и для него лично, быстро сменил тактику.

– Товарищ полковник! Прошу прощения, это была шутка! Не все так ужасно, просто немного развинтились.

Начальник штаба вернулся обратно и с тем же выражением лица и той же интонацией спросил:

– Взвод, вы охуели? Вы что, не привозите из дома алкоголь? Вы больше не хотите в отпуска? Значит, с сегодняшнего дня все отпуска и увольнительные отменяются, взвод заступает в бессрочный наряд.

И ушел. Старший лейтенант Фаридов немного помолчал, потом выругался и дал команду разойтись. Как показали дальнейшие события, начальник штаба тоже решил пошутить.

А рядовой Менько действительно привез из дома спиртное. Такие весточки с родины в полку ценились особенно высоко. Грузинское алкогольное изобилие приводило к тому, что военнослужащие-славяне начинали тосковать по родной продукции. Вино, коньяк и чача уже не лезли в луженые солдатские глотки, и организм начинал усиленно требовать водки или самогонки. Рядовой Менько как раз и должен был заполнить этот пробел.

Его официальное прозвище было Иван Иванович. Фамилию свою он сам произносил то ли через «э», то ли через «ы», на западноукраинский

манер, так что повторить это не представлялось возможным. Он и говорил так, что его мало кто понимал: быстро, проглатывая буквы и целые слова, с ужасающим акцентом, да еще и постоянно прыская со смеху. Так, он мог ворваться ко мне в кабинет с криком: «Андрей, я тебя зошит забув!» «Зошит» по-украински, это – тетрадь. Но поскольку я этого слова не знал, я никак не мог понять, что именно он у меня забыл, а он никак не мог объяснить. В конце концов он залез в шкаф, достал оттуда тетрадь и радостно закричал, что вот такой зошит он где-то тут и оставил. Еще от него я запомнил слово «гумка», с таким глухим «г». Оно означало «резинка», «ластик». Иван Иванович отличался удивительной бытовой неустроенностью. Он постоянно терял вещи, причем не только маленькие «гумки», но и, например, куда большие по размерам части обмундирования. Однажды на зимних командно-штабных учениях в Ахалцихе он ухитрился посеять портянки. Ахалцихе располагался к югу от Кутаиси, но располагался гораздо выше, и зимой там было по-настоящему холодно. Как Иван Иванович сумел не отморозить ноги, одному Богу известно. В другой раз, перед тем самым отпуском, он обнаружил, что не может найти брюки от парадной формы. Поскольку ехать домой в обычной форме было недопустимо, рядовой Менько одолжил парадные брюки у одного из сослуживцев, Витьки Хорьковского, по прозвищу Хорек. Вернувшись в полк, он живописно рассказал нам о грандиозном эротическом приключении, которое ему довелось пережить в поезде. Как и любой молодой солдат, Иван Иванович страдал от перманентного спермотоксикоза, усугубленного категорическим неприятием – с эстетической точки зрения – местных представительниц прекрасного пола. Грузинских девушек рядовой Менько называл не иначе, как «грифы». Или «грыфы», в его исполнении.

Иван Иванович – в белом

Со слов Ивана Ивановича, вместе с ним в поезде ехала девушка такой неземной красоты, что он не удержался, и, пребывая на верхней полке, выплеснул столь долго копившиеся запасы семенной жидкости прямо в штаны. Хорек, как владелец парадных брюк, однако, восторгов Ивана Ивановича не разделил, и сначала заставил его раза три их перестирывать, а потом пошел к армянам на склад обмундирования и поменял их на новые.

Из отпуска рядовой Менько привез нам невообразимую самогонку, изготовленную из кормовой свеклы. «Бурачиха», как он говорил, представляла собой жидкость пронзительно-голубого цвета и отчетливо напоминала медный купорос. Запах у нее был тоже – соответствующий. Тем не менее странный цвет и ужасающая вонь напитка никак не могли помешать изголодавшимся по алкогольной экзотике сослуживцам употребить его по назначению.

Отбив уже упомянутую атаку старшего лейтенанта Фаридова, группа потенциальных нарушителей устава решила устроить ночной пир на одном из полковых КПП. Дежурным по КПП как раз заступал кто-то из нашей компании.

В качестве закуски планировалось употребление консервов «Ставрида с рисом». Это было грузинское продовольственное «ноу-хау», потому что более нигде и никогда я подобных консервов не встречал. А в Кутаиси их продавали в продуктовом магазине напротив нашего полка, куда мы бегали постоянно, и это даже не считалось самоволкой. Однако в стройный план вмешались непредвиденные обстоятельства. Дежурным по полку заступил капитан Андрюшкин, тот самый Мишель Джексон. Его перфекционизм, известный не только мне, означал, что выпить в комфортных условиях КПП нам не удастся: капитан обязательно припрется ночью с проверкой. Но и бросать товарищей было не в наших правилах – раз есть самогонка, надо ее выпить! Поэтому решили пить просто в кустах.

Тот самый капитан Мишель Джексон

Забравшись в заросли, густо зеленевшие вокруг инжирных деревьев, образовывавших подобие второй – живой – изгороди вокруг нашего полка, мы с чувством непередаваемой досады обнаружили, что забыли стаканы. Пришлось быстро съесть одну из припасенных «ставрид с рисом» и разливать наш «медный купорос» прямо в банку. В темноте разливали традиционно, по пальцу, то есть опускали палец в емкость и ориентировались по ощущениям от уровня наливаемой жидкости.

«Бурачиха» оказалась ужасной гадостью, но общая атмосфера романтики была настолько сильной, а радость прикосновения к чему-то далекому, родному, славянскому – такой неподдельной, что эти ночные посиделки в кустах навечно остались в памяти нашей компании как одно из незабываемых приключений армейской молодости.

«29 сентября вышел в свет Приказ министра обороны СССР № 261. Итак, ровно половина моего положенного срока службы позади! 04.10.1987 г.»

В начале октября в полку началась очередная кадровая лихорадка. Дембеля паковали чемоданы и считали дни до отправки, а на их место уже начало приезжать молодое пополнение.

Сергея радуется своему дембельскому приказу

Засобиравшись домой и Серега Малов, к этому времени уже почти переставший реагировать даже на такие обязательные раздражители, как, например, вечерняя поверка. К этому ритуалу в полку вообще относились спустя рукава, и отсутствие большей части личного состава на вечернем построении перед отбоем мало кого удивляло. Достаточно сказать, что сама

поверка проходила не на плацу, а на маленькой площадке перед штабом. Дежурный по полку лениво вел переключку, а за прогульщиков отвечал какой-нибудь специально уполномоченный боец.

Постановочность вечерней поверки особенно бросалась в глаза перед учебными тревогами. Выглядело это так. Дежурный по полку объявлял, что завтра, в 6.45 утра будет объявлена – внезапная! – учебная тревога. В связи с этим подъем планируется в 6.30. Какой смысл был в таких тревогах – бог его знает. Я, по своим штатным обязанностям, являлся еще и посыльным: в момент объявления тревоги я получал оружие и со всех ног бежал в военный городок будить офицеров штаба, потому что домашних телефонов никому, кроме командира полка и начальника штаба, не полагалось. Но бегать мне не пришлось ни разу. Офицеры, конечно же, тоже узнавали о внезапной тревожной побудке заранее, и поэтому, когда я брел по утреннему городку по указанным адресам, я встречал то одного, то другого из своих начальников, которые на ходу предупреждали: «Моих – не буди!»

Безусловно, бывали и исключения. Но они объяснялись не какими-то учебными спецмероприятиями, а бытовыми и семейными проблемами вышестоящего начальства. Периодически кто-либо из представителей командования корпуса, а то и самого округа, ругался с женами и решал выместить раздражение. Спрашивается, на ком? Естественно, на подчиненных. В таком случае разъяренный начальник поднимал своего водителя и приезжал в полк с ночной проверкой. Степень жесткости таких проверок напрямую зависела от эмоционального состояния проверяющего. Однажды утром Игорь Ярмлюк, выглядевший на редкость невыспавшимся, но в то же время каким-то умиротворенным, рассказал нам, что ночью в полк, оказывается, приезжал генерал Полевой из штаба округа. Видимо, генерал был чем-то очень расстроен, потому что, въехав на территорию полка, он сразу направился на хоздвор. Уже на месте он стал требовать дежурного по полку, который в этот момент, естественно, спал.

Дежурил в те сутки майор Зленко, которому в силу его телосложения бегать было тяжело. Особенно тяжело было бегать быстро. (Помимо живота внушительных размеров, майор Зленко завоевал известность своей столь же внушительной фуражкой. Форменный головной убор майора имел такую высокую тулью, что напоминал фуражки офицеров гитлеровской армии. В полку ходило такое выражение: «У Зленко под фуражкой». Означало оно то же самое, что и «У Мюллера под колпаком»). Вытирая на бегу пот, дежурный по полку ворвался во владения Игоря, где, злобно переминаясь с ноги на ногу, его уже ждал проверяющий, распространивший вокруг себя запах, напрочь перебивавший все другие

ароматы скотного двора. Выслушав доклад дежурного, генерал Полевой даже не спросил его, почему он не встречал инспектора в положенном месте, а сразу повел его в птичник. Игорь, тихонько пробравшийся следом, стал свидетелем удивительного разговора. Генерал Полевой в самой жесткой форме отчитывал майора Зленко за то, что гуси мешают личному составу спать своим шумным поведением. Гусей, естественно, всех перебудили, когда зажгли свет. Гуси начали галдеть, к ним присоединились куры, потом свиньи... Майор Зленко так и не смог дать генералу внятные объяснения, но, на его счастье, тот вдруг начал стремительно уставать. Поставив дежурному по полку задачу немедленно организовать отбой у гусей, генерал Полевой неуверенной походкой вышел из птичника на улицу, сел в машину и под громкий собачий лай покинул территорию полка. Впоследствии майора Зленко еще долго дразнили, всячески припоминая ему непослушных гусей.

Кстати, генерал Полевой приезжал к нам еще один раз. При не менее драматических обстоятельствах. Молодое пополнение уже всюду несло службу, и в наряды по КПП, в качестве дневальных, стали часто поступать мордовские новобранцы нашего взвода. Вообще наряд по КПП был почти вотчиной взвода управления, и с осени дневальными заступали Ивановы, Петровы, Николаевы, Федоровы – удивительным образом, но весь наш мордовский отряд обладал именно такими расхожими фамилиями.

Один из этих «рядовых Николаевых» на разводе огорчил своим внешним видом дежурного по полку. Майор Шебарин, из третьего дивизиона, попенял бойцу на грязный воротничок парадной рубашки и потребовал, чтобы тот немедленно привел себя в порядок. Проблема заключалась в том, что рядовой Николаев практически после развода остался на КПП один. Дежурный сержант свалил куда-то по своим делам, строго-настроено запретив молодому бойцу покидать ответственный пост. Однако рядовой Николаев не забыл и распоряжение майора Шебарина, поэтому он снял парадку, выстирал рубашку и повесил ее на кустик сушиться.

Как назло, ночь выдалась прохладная, и к утру рубашка не только не высохла, но и еще больше промокла из-за небольшого дождя. Сразу после подъема в полк вдруг приехал генерал Полевой. Увидев приближающийся автомобиль начальства, дневальный по КПП рядовой Николаев накинул китель прямо без рубашки, прицепил галстук (благо, он был с фиксированным узлом и не завязывался, а закрывался на замочек) и вышел встречать проверяющего. Увидев это чудо с галстуком на голое тело, которое невозмутимо отдавало ему честь, генерал Полевой устроил через

минуту такой разнос, что в штабе дрожали не только стекла, но и стены. Хуже всего пришлось, конечно, дежурному, майору Шебарину, который и дал сверхисполнительному и архидисциплинированному рядовому приказ постирать рубашку. Впрочем, подобные свидетельства вопиющей несправедливости встречались в нашей армейской жизни так часто, что быстро и навсегда исчезали из памяти. В самом деле, стоит ли переживать из-за, например, дождя, который неожиданно начался летним вечером?

«На учениях наш химик (начальник химической службы) показал нам хитрый, но простой способ печь картошку. Мы разрезали картошку пополам, клали в середину маленькие кусочки сала и лука, потом солили и заворачивали в фольгу, предварительно положив в нее еще сало. Получалось, что сало превращалось в шкварки, а картошка пеклась, как обычно, плюс пропитывалась жиром и солью, ну, и жареный лук. Попробуйте, не пожалеете! 04.10.1987 г.»

Гастрономическая составляющая в той палитре впечатлений, которые я вынес из армии, занимала очень большое место. Мне, как человеку неизбалованному, почти каждый день приносил новые ощущения. Причем это было справедливо даже по отношению к тому, что продовольственной экзотикой считаться никак не могло. Например, к винограду.

Я приехал в Мухатверди

Одни из очередных КШУ, на которые мы отправились в облегченном составе, проходили в удивительном месте со смешным названием Мухатверди. Этот маленький населенный пункт находился совсем рядом с Тбилиси, грузинская столица располагалась чуть правее. А с левой стороны от нас виднелась знаменитая Мцхета и храм Светицховели.

Нам, конечно, было не до архитектурных красот, зато красоты природные так и притягивали взор. Особенно выделялись грандиозные виноградники, находившиеся прямо под нами. Полковые машины стояли на вершине холма, а у его подножия размещалось опытное сельскохозяйственное производство: каждая делянка отводилась под новый сорт винограда.

Храм Светицховели в Мухете

Естественно, такие дары природы не могли остаться незамеченными, тем более что наши офицеры бывали в Мухатверди неоднократно и прекрасно знали: что, где и почему. В первый же вечер я получил важное указание от начальника штаба.

– Норкин! – Дьяконов подошел к штабной палатке и вертел головой в разные стороны. – Ты где?

– Я тут. – Я только что закончил раскладывать свои рабочие принадлежности, поэтому откликнулся сразу же.

– О, прекрасно! Давай, бери с собой кого-нибудь шустрого – и вперед! За виноградом!

– За каким виноградом?

– Вон за тем. Видишь внизу зеленые заросли? Это виноградник с очень вкусным виноградом. Ты что, можешь допустить, чтобы твои любимые командиры страдали от отсутствия необходимых витаминов? Позор, позор, сержант Норкин!

Допустить такое я, разумеется, не мог. Но вовсе не горел желанием отправиться на столь рискованное задание. Особенно когда выяснилось, что виноградник охраняет злобный местный сторож, вооруженный двустволкой. Этот несчастный работник сельского хозяйства Грузинской ССР вел непрерывную борьбу с мародерами в форме, которые из года в год

пытались унести с его любимых делянок хотя бы одну кисть винограда. На всякий случай я и мой вечный товарищ по приключениям Толик Ерошенко надели маскхалаты, самые обычные, «зеленые в крапинку». Натянув на головы капюшоны, мы с Толиком спустились вниз и перебежками, с замиранием сердца и постоянным ожиданием заряда соли в область чуть ниже спины, начали продвижение. Видимо, в этот день высшие силы были на нашей стороне. Сторож или покинул свой пост, или занялся чем-то на дальнем конце территории. Мы быстро набили вещмешки виноградом, даже успев его попробовать и сделав несколько фотоснимков с места нашего преступления. Виноград действительно оказался очень вкусным.

Я ворую виноград

Обратный путь тоже прошел без происшествий. В штабе уже собралось полно народу, офицеры курили, шумели и явно ждали нашего возвращения. Виноград выступал в роли украшения стола. Собственно, все командно-штабные учения так всегда и проходили. Боевые действия разворачивались с наступлением сумерек, исключительно на картах, которые я предварительно оформлял, подготавливая к этим потешным батальям, а затем и заполнял их, следуя указаниям командиров. Подполковник Дьяконов обычно давал старт процессу фразой: «Наступила

ночь, и в Стране дураков закипела работа!»

Я сдал наш трофей, заручившись гарантией Дьяконова, что часть винограда заберу себе и ребятам, сбегал переодеться и вернулся в штаб, чтобы закончить работу над картой. Мне оставалось дописать пару строчек, чем я и занялся, расчихлив свои тушь и перья. Спустя пару минут в палатку неожиданно ввалился командир полка, подполковник Сидоренко. В отличие от большинства своих подчиненных, командир полка выглядел чрезвычайно солидно, даже вальяжно, и старался всегда и во всем подчеркивать важность своей персоны. Он медленно двигался и медленно говорил. Тем не менее собравшихся он застал врасплох. Работа в Стране дураков если еще и не закипела, то отметку в сорок градусов преодолела давно.

– Это что такое? – пробасил Сидоренко, показывая пальцем на тарелку с горой винограда.

– А это, товарищ полковник, командир отделения вычислителей, сержант Норкин проявил инициативу и доставил вам немного винограда, – не растерялся начальник штаба.

В отличие от него, я даже вздрогнул от неожиданности, и капелька туши шлепнулась на поверхность карты, испортив часть моих трудов. Хитрость и наглость оказались удачными. Сидоренко немножко подумал и, видимо, решил, что свежий виноград стоит того, чтобы закрыть глаза на мелкие шалости подчиненных. Командир полка сгреб фрукты со стола и так же плавно, как и появился, скрылся в ночи.

– И что? – спросил я, потому что вдруг почувствовал, что он унес именно мой виноград.

– Что «что»? – как ни в чем не бывало, переспросил Дьяконов. Он подошел к моему столу и увидел кляксу на карте. – Вот это – что?

– Это... Это – бяка, – ответил я.

– Бяка... Хуяка! – резюмировал Евгений Петрович. – Завтра принесешь себе еще винограда!

Я понял, что спорить бесполезно, и вернулся в «Страну дураков», то есть к работе. Уж не знаю, как и когда Дьяконов все организовал, но на следующий день он сам принес мне в палатку несколько большущих виноградных веток, усыпанных ягодами.

Окончание этих виноградных КШУ в Мухатверди прошло в обстановке полнейшей идиллии. По телевизору в очередной раз начали показывать «Место встречи изменить нельзя», и каждый вечер мы все – и солдаты, и офицеры – усаживались в общую кучу и смотрели маленький телевизор, который специально вытаскивали из передвижной

радиостанции на улицу. Особенно внимательно все следили за заключительными сериями, когда Шарапов уже попадал в банду Горбатого и встречался там с Левченко. Нашего замполита звали Виктор Лепченко, и каждое появление на экране актера Виктора Павлова встречалось бурными аплодисментами и криками: «Вить, тебя показывают!»

«Уже третью неделю не прекращаются ветра. Постоянный холодный ветер силой в 5–6 баллов по 12-и балльной шкале. Это более тридцати метров в секунду. И не перестает ни на минуту! Вчера по улицам вообще ходить было невозможно. Стекла, деревья, я не говорю уже про панамы и фуражки, все это радостно летало по воздуху. А через несколько дней к этому ветру прибавятся такие же затяжные дожди! Кошмар!! Опять пропал свет! Ку-ку? Все! Андрей. 28.10.1987 г.»

С середины осени, несмотря на ухудшение погоды, я стал чаще бывать в городе. Это объяснялось не возросшей частотой увольнительных, а тем, что из-за пересменки личного состава уменьшилось количество тех, кого можно было ставить в патруль. Молодых – еще нельзя, а дембелей – уже неудобно. Вот я и гулял по Кутаиси.

По местным меркам, это был очень большой город, думаю, что тогда в Кутаиси населения числилось тысяч под двести. Конечно, устраивать самому себе продолжительные обзорные экскурсии в патруле не удавалось, да по большому счету и желания такого не возникало. Для того чтобы «глаз отдохнул», достаточно было увидеть оперный театр, на мой вкус – самое красивое здание города, и забраться на смотровую площадку на фуникулере.

Весь остальной маршрут укладывался в список: комендатура – переговорный пункт – кинотеатр – какая-нибудь едальня. Чаще всего я попадал в наряд вместе с Аланом Тедеевым, недавно появившимся в нашем взводе парне из Цхинвали. Тедеша, как мы его сразу стали называть, был похож на медвежонка коалу: косматый, медлительный и какой-то очень домашний. Помню, меня он сразу расположил к себе одной фразой. Сидел грустный у окошка, подперев заросший щетиной подбородок рукой, и жалостливо смотрел куда-то вдаль. На мой немой вопрос он произнес с душераздирающей интонацией: «Все стримятся меня набат!» Уж и не знаю, что у него за печаль такая случилась, но проняло меня не на шутку!

Фуникулер в Кутаиси

Алан

Тедеша показал мне самые клевые места – хачапурную у оперного театра и хинкальную недалеко от гауптвахты. Там мы с ним и подкреплялись. Настоящие хачапури требовали – особенно от меня – много свободного времени. Подавали их такими горячими, что я не только не мог от них и куска откусить, даже в руки взять эти истекающие маслом и расплавленным сыром пироги было невозможно. Мы покупали ледяную газировку и уписывали штуки по три за один присест, вернее, «пристой», потому что ели стоя, за столиками наподобие барных. С хинкали была другая история. Во-первых, в заведении существовало ужасно смешное меню, написанное по-русски с огромным количеством ошибок. Например, предлагались «перашки с картошкой». Во-вторых, там подавали, пожалуй, самый вкусный во всем Кутаиси кофе. По крайней мере, из того, что я пробовал. Варили его на песке, в маленьких турочках, что для меня само по себе было невиданным зрелищем, сразу дающим понять, что находился я все-таки где-то далеко на юге или на востоке. Ну, и сами хинкали были замечательными: с оттопыренной «пупочкой», полные мяса и бульона, не разваливающиеся после первого же укуса, острые и сытные. После таких «перекусов» мы вываливались на улицу с раздувшимися животами и шли в кино.

В конце девяностых в Союзе начали активно прокатывать иностранные фильмы, восполняя прежние пробелы, но не забывая и о новинках. Когда я очутился в кинозале и на экране передо мной появились титры «Дино де Лаурентис представляет «Кинг Конг», я понял, что жизнь в моей стране изменилась. Каждый раз, оказываясь в городе, я обязательно ходил на какой-нибудь фильм, иногда, бывало, что и на два сразу. Отечественный прокат еще готовил свои «перестроечные бомбы» – «Маленькую Веру» и «Меня зовут Арлекино» выпустили в 88-м, но я их, конечно, тоже посмотрел. Дополнением к культурной программе служили походы в магазин за пластинками. С популярной музыкой складывалась аналогичная ситуация. На прилавках появились настоящие диски западных исполнителей. Правда, в основном болгарского производства, но с перепечаткой оригинальных обложек.

Оставалось только позвонить домой с переговорного пункта, и задание на день можно было считать выполненным. Цели поймать кого-то из нарушителей я себе никогда не ставил. Наоборот, дежурство в патруле означало высокую степень безопасности, поскольку означало, что тебя самого никто не задержит. В Кутаиси, помимо нашего артиллерийского полка, дислоцировались еще две крупные части: десантно-штурмовая бригада и мотострелковая, которую называли «голубой». Это может показаться странным, но тому имелось свое объяснение. Ответ заключался вовсе не в цвете погон, а в том, что большая часть техники мотострелков по каким-то причинам стояла на открытых площадках, «под небом голубым». Вот поэтому «голубой бригадой» называли именно их, а не десантников. С последними наш полк вел «патрульную войну»: мы ловили их, они – нас. «Голубая бригада» сохраняла полнейший нейтралитет, я бы даже сказал, индифферентность.

Самым лучшим местом для того, чтобы поймать нарушителя, являлся городской переговорный пункт. Он находился через дорогу от кинотеатра, так что в любое время суток там обязательно ошивалось некоторое количество призывников, желавших позвонить домой, по выкрикам телефонисток можно было изучать географию Советского Союза.

«Вишенкой на торте» в наших городских прогулках выступал ритуал, который, по-моему, являлся исключительно советской особенностью. В центре Кутаиси, у подземного пешеходного перехода, сидела эффектная женщина, эдакая «мадам Стороженко», которая, увидев солдат, начинала кричать: «Ребята, вешаться! Вешаться, ребята!» Она не имела в виду ничего плохого. Она вообще не была «мадам Стороженко» по характеру и руководствовалась исключительно добрыми помыслами. Просто перед ней

стояли весы, и она предлагала всем взвеситься, а не повеситься. Для меня так и осталась загадкой эта страстная любовь советских граждан узнавать массу своего тела, причем узнавать именно на улице, во время выходного дня. Конечно, мы все «вешались», потому что стоило это – даже по нашей зарплате – сущие копейки.

На ноябрьские праздники произошли две забавные истории, связанные с генералами. Причем оба генерала были ненастоящими. Первым отличился уже воспетый мной козел Генерал. Он наконец перешел грань дозволенного. В один относительно теплый и безветренный вечер козел отправился в очередное путешествие по полку. Атмосфера праздника ощущалась физически: офицеры ходили расслабленные, солдаты, разумеется, тоже. Воспользовавшись всеобщим снижением бдительности, Генерал зашел в святая святых – штаб. Раньше дорога сюда была для него заказана, но в этот раз на него никто не обратил внимания. Дежурный по полку смотрел телевизор, дежурный и дневальный по штабу тоже занимались какими-то неотложными делами, и на пути Генерала оставался единственный бастион – пост номер один. Конечно, наивно предполагать, что несущий службу у боевого знамени части часовой стал бы предупреждать козла окриком: «Стой, кто идет! Стрелять буду!» Он и не стал так делать, только проводил Генерала удивленным взглядом и «понес» свою службу дальше. Козел тем временем поднялся по лестнице на второй этаж и углубился в штабные коридоры. Долго ли, коротко ли продолжалась его экскурсия, этого никто не знает. Скорее долго, потому что момент исчезновения козла никто не заметил, а зря.

Крыши города Кутаиси

Утром проверить обстановку в полку «в красный день календаря» пришел подполковник Сидоренко. Как всегда величественно командир проплыл мимо казарм, выслушал доклад дежурного и, для приличия постояв с ним на улице минуту-другую, поднялся в свой кабинет. Впрочем, в кабинет он не попал, потому что аккурат на коврике перед дверью он обнаружил огромную кучу, которую козел навалил во время своей ознакомительной прогулки по штабу. Скотина ухитрилась опорожниться настолько деликатно, что ни один из шариков не выкатился за пределы коврика. Только это почему-то не получило со стороны подполковника Сидоренко положительной оценки. Он орал так громко, что вся его вальяжность исчезла в мгновение ока. Никто даже и предположить не мог, что наш командир способен так разозлиться... В общем, несмотря на то что Генерал окончательно обрел статус живой полковой легенды, он был жестоко наказан. Нет, его не забили, и даже, по-моему, не поколотили. Но, начиная с этого дня, козел стал «невыездным» и до конца своей жизни так ни разу и не вышел за пределы хоздвора. Надеюсь, жизнь его была долгой и счастливой, ибо Генерал заслужил всеобщую любовь и уважение.

Вторая «генеральская» история ноябрьских праздников была более

тонкой. Никакого сортирного юмора! Дежурным по части заступил какой-то молодой капитан, совсем недавно появившийся в полку. Опять же, повторю, дело происходило в праздники, поэтому в наряд и направили «младшего», обычно ни на кого в звании ниже майора эту обязанность не возлагали. Скорее всего офицер волновался, стараясь не ударить в грязь лицом в первые же свои дни в новой части, но, как это всегда и бывает, все вышло ровно наоборот.

Днем поступил звонок. Звонили из Тбилиси, из штаба округа и требовали начальника штаба. Дьяконов в пределах телефонной досягаемости не обнаружился, и звонивший из Тбилиси генерал потребовал связать его с ним при первой же возможности. Дальше дело было так.

Начальник штаба сам позвонил в дежурку, спросил, как дела, не было ли происшествий и звонков. Звонок, как известно, имелся, но капитан, как назло, забыл фамилию звонившего. В его памяти осталась лишь его национальность.

По какому-то недоразумению оказавшийся в тот день дежурным по штабу «противотанковый» дембель сержант Арутюнян, один из немногих, кто попал в армию с законченным высшим образованием, флегматично подпирал спиной стенку, ковыряясь спичкой в зубах.

– Слушай, – обратился к нему дежурный, прикрыв телефонную трубку рукой. – Кто начальнику штаба звонил, не помнишь? Генерал какой-то, из Тбилиси? С армянской фамилией?

– Генерал Гудериан, – невозмутимо ответил тот.

– Да, товарищ полковник, звонили вам. Генерал Гудериан! – четко отрапортовала жертва жестокого розыгрыша. Арутюнян, согнувшийся пополам в приступе беззвучного смеха, выполз за дверь, оставив несчастного выслушивать вопли на другом конце провода. Евгений Петрович тоже имел высшее образование и, как настоящий кадровый советский офицер с трудом мог представить, что генерал Хайнц Вильгельм Гудериан внезапно восстал из могилы, забыл все свои заслуги перед Третьим рейхом и поступил на службу в Советскую армию. От серьезных неприятностей дежурного спасло чувство юмора Дьяконова: отрицать, что в фамилии одного из родоначальников танковых войск слышались армянские нотки, было довольно трудно.

А причина самого звонка из Тбилиси выяснилась через пару дней. Дьяконова переводили в Афганистан. Он сам мне об этом рассказал, спросив, не мог бы он вместе со своими вещами перекантоваться у меня дома некоторое время. Так решился вопрос с моим отпуском, который

«подвисал» уже второй месяц.

За это время я успел к нему как следует подготовиться: раздобыл новую шинель, шапку и офицерские сапоги. Также я изготовил новые погоны, с блестящими лычками и такие жесткие, что на них можно было спокойно ставить рюмку. Дальше я идти не осмелился, хотя традиция требовала гораздо большего эффекта, вплоть до аксельбантов. Но мне казалось, что это уже стало бы перебором!

В первый же вечер дома, за накрытым на нашей маленькой кухне столом, начальник штаба пустился в красочные описания полковой жизни. Мои родители и брат слушали, открыв рот, хотя отец, отслуживший целых три года в танковых войсках, вряд ли узнавал что-то радикально новое. А вот на маму выступление Евгения Петровича производило сильное впечатление.

– Да, вот так, Татьяна Филипповна, – дирижируя вилкой вещал наш грузинский гость. – Все они такие... И водку пьют, и в самоволки бегают!

Мама уже несколько минут мыла посуду в состоянии какого-то ступора, а отец изо всех сил сдерживался, чтобы не засмеяться.

– Ну, то есть, нет! Ваш-то, конечно, молодец, про него ничего такого сказать не могу, – мой командир не пошел, а «побежал» на попятный. Мама робко улыбнулась, как бы соглашаясь, «да, да, разумеется, я понимаю».

Через несколько дней мой начальник штаба, завершив все свои дела в Министерстве обороны, улетел выполнять свой интернациональный долг, а я остался догуливать отпуск, неожиданно растянувшийся во времени. Следуя правилу, что, цитирую, «ебут не за то, что сделал, а за то, что попался», Дьяконов каким-то образом прибавил мне к отпуску несколько дополнительных дней. Когда я в начале декабря вернулся в Кутаиси, выяснилось, что по таинственным причинам я, оказывается, уже приехал в полк 27 ноября, о чем черным по белому извещала запись в строевой части. Командир полка, столкнувшись со мной в коридоре, спросил, хорошо ли я отдохнул?

– Конечно! – ответил я. – Грех жаловаться!

– А работой тебя уже обеспечили? – поинтересовался подполковник Сидоренко.

– Конечно! Грех жаловаться!

На самом деле, жаловаться мне было на что. Воспользовавшись моим отсутствием, по кабинету «прошелся Мамай». Видимо, оставшиеся без моей заботы офицеры «кабачков» самостоятельно восполняли свои запасы канцелярских принадлежностей. В своем первом же письме домой я отправил заказ на несколько коробочек плакатных перьев, простые и

цветные карандаши и кнопки. В Кутаиси этого ничего не было. Так же, как и снега, кстати. Стояла уже середина декабря, но ярко светило солнце, было тепло, офицеры ходили в рубашках, ну, а мы, естественно, в х/б.

Внезапное оскудение запасов моих рабочих принадлежностей вовсе не означало, что я теперь мог бить баклуши. Надо сказать, что две трети моего рабочего времени уходило на чисто бытовую проблему. Можно сказать, оформительскую: в мои обязанности входило изготовление табличек. Для штаба, для складов, для клуба и т. д. Эта технология заслуживает отдельного рассказа.

Сначала из обычного оконного стекла вырезался фрагмент необходимой площади и конфигурации. Таблички бывали или небольшие, прямоугольные, для внутренних помещений, или побольше, почти квадратные, для улицы. После обработки краев – стекло не должно было представлять опасности для рук – поверхность стекла смазывалась яичным белком. Никакой другой клей не шел ни в какое сравнение с этим экологически чистым продуктом. На слой яичного белка к стеклу приклеивалась фольга, опять же в зависимости от требований, серебряная или золотая. Фольга должна была полностью закрывать стекло и плотно прилегать к поверхности, не оставляя пузырьков воздуха. Следующим этапом становилось нанесение зеркального трафарета. Допустим, вам необходима была табличка «Склад ГСМ». Обратная сторона размечалась сеткой из квадратиков необходимой площади, в которые карандашом вписывались буквы в зеркальном отображении. Если по краю таблички требовалась рамка, а так было почти всегда, ее тоже нужно было нарисовать. После этого вся ненужная фольга удалялась. Трафарет вырезался с помощью любого острого инструмента. Я предпочитал скальпель. Его удобнее было держать в руке, и он дольше, чем бритвенное лезвие сохранял свою остроту. Итак, на стекле оставалась надпись из фольги, которую теперь следовало покрыть слоем мебельного лака. Лак обязательно должен был быть прозрачным, чтобы не нарушать цветовую гамму. И, наконец, последний этап работы: обратная поверхность таблички, поверх лака, закрашивалась краской – или красной или бордовой. Все – ваша табличка была готова, и ее можно было вешать туда, куда требовалось.

За эти месяцы я так наострился делать эти таблички, что мог выдать несколько штук за один рабочий день. Все необходимые материалы всегда находились под рукой. Исключение представляли яйца. Кабинет не был приспособлен для длительного хранения продуктов питания. Поэтому за яйцами я ходил к прапорщику Морошко, начальнику продовольственного

склада. Белки шли в дело, а желтки я выпивал, не пропадать же продукту! Прапорщик Морошко был родом из Белоруссии, и свое продовольственное хозяйство всегда содержал в образцовом порядке. На его полках хранилось все, что угодно, даже тушенка, доставленная в СССР во время Второй мировой войны! Иногда, если он пребывал в добром расположении духа, начальник продовольственного склада мог выдать дополнительные деликатесы. Чаще всего он делился с нами сухим пайком. Этого добра всегда было навалом, а в качестве закуски сухпай ничем не уступал другим незамысловатым блюдам нашего неуставного стола. К сожалению, прапорщик Морошко погиб летом следующего года. Разбился на машине по дороге в Тбилиси.

В декабре Дьяконов прислал письмо. Он попал в Герат. Сообщал, что устраивается помаленьку в полученной комнатке, читает, смотрит телевизор и подшивает новую форму. Передавал привет всем друзьям и врагам. Врагов звал к себе. Я и не предполагал, что они у него были! Видимо, сказывалась жизненная неопытность. В моем возрасте – какие бы неприятности ни происходили – все казалось замечательным, прекрасным и добрым, в том числе и люди.

А между тем всю первую декаду месяца разговоры в полку крутились вокруг катастрофы в Гардабани. Это было уже второе крупное ЧП на железной дороге за последние месяцы. 13 июня в Зестафони, который мы проезжали по дороге в Караязы, грузовой состав въехал в бок стоявшему на станции пассажирскому поезду. У товарняка была какая-то неполадка в тормозах. А 29 ноября столкнулись поезда в Гардабани, именно на той станции, где мы всегда разгружались, приезжая на учения. В газетах, как тогда было принято, о случившемся писали без подробностей, ограничиваясь общими фразами о жертвах. Знакомые телефонисты из штаба корпуса, через которых проходила вся информация, в том числе официально закрытая, для служебного пользования, позднее рассказали, что в половине четвертого утра в хвост почтово-товарного «Тбилиси – Баку», который вышел из Гардабани и остановился на красный, влетел товарный поезд. Как потом выяснилось, и машинист, и его помощник спали, проскочив подряд несколько семафоров с желтым и красным сигналами. Жертв было много: в двух последних вагонах, которые товарный состав смял и сбросил с путей, ехали новобранцы и сопровождавшие их офицеры, а также несколько дембелей. Всего погибли 98 человек. Официальное объяснение случившегося я уже не помню, но никто не сомневался, что виной стал полнейший и всеобщий бардак. Наверное, так оно и было, тем более что и сами грузины тоже так считали:

практически все погибшие оказались местными ребятами.

«С увольнением творится что-то ужасное. Всех держат. Дают одну за другой дембельские работы и все откладывают увольнения. Ходят всякие противоречивые слухи. Удивляюсь, как в нашем полку еще не случилось какого-то ужасного происшествия. Но, в общем-то, в воздухе ощутимо попахивает скандалом. Дембельский гнев и местная чача делают свое дело. 15.12.1987 г.»

К концу года обстановка действительно немного накалилась. Местные дембеля уже практически не просыхали, и почему их держали в полку, было решительно непонятно. Их дальнейшее пребывание в части только повышало градус напряженности. Но избавиться от нежелательных элементов командование полка не могло, все ждали соответствующее распоряжение из Тбилиси, а оно все не приходило и не приходило. Так что все потихоньку готовились к встрече Нового года, предвкушая большой праздничный обед.

Вообще наша часть славилась своей столовой. Заслуга в этом была не столько в деятельности ее начальника, прапорщика Чарлишвили, сколько в том, как организовал процесс поставки продовольствия заместитель командира полка по тылу подполковник Бейнатов. Каждый раз, когда мы отправлялись «в гости к Чарли», так именовались походы в столовую, мы могли рассчитывать на полноценное меню. В учебке нас разнообразием не баловали: обед состоял из трех традиционных блюд. Первое – вода с капустой, второе – капуста без воды, третье – вода без капусты. Здесь, в Кутаиси, все обстояло иначе, например котлеты – главная примета т. н. «праздничного обеда» – подавали к столу несколько раз в неделю. По воскресеньям к ним добавляли яйца и какую-нибудь неожиданность вроде дополнительного десерта, выпечки из чайной. Что же касается праздничных обедов в буквальном смысле, то они состояли из шашлыка, яблоч в меду и даже напитка «Салют». Его я помнил еще по Москве, это были «шампанскообразные» бутылки с чем-то слабо-слабо алкогольным. Когда в нашем полку по какой-то надобности оказались два парня из ДШБ, той самой десантно-штурмовой бригады, с которой мы «воевали» в патруле, они едва в обморок не упали от нашего рациона. «А у вас что, сегодня праздничный обед?» – все время спрашивали они. Видимо, одного отрицательного ответа им не хватало. А когда мы подробно рассказали, что нам дают по праздникам, десантникам стало совсем нехорошо. Оказывается, у них праздничный обед заключался в двух карамельках!

Но даже такая забота командиров о наших растущих организмах не устраивала привередливых дедушек и блатных, вроде членов нашей компании. При первой же возможности мы старались либо отправиться в солдатскую чайную, либо в офицерскую столовую, либо, в крайнем случае, организовать какие-нибудь самостоятельные посиделки с продуктами, купленными в магазине или присланными из дома в посылках. Как выяснилось, такие «продуктовые наборы» обладали уникальными национально-религиозными особенностями. Например, уже неоднократно упоминавшийся Кахрамон Мамедов очень любил угощаться украинским салом. Впервые столкнувшись со столь вопиющим нарушением исламских канонов, я поинтересовался у Мамеда, как он может есть сало, ведь Аллах запрещает делать это? «Аллах сейчас спит!» – молниеносно ответил мой бакинский приятель, стараясь подцепить наиболее симпатичный кусочек. На наши подначки он никогда не обижался. Кахрамон слыл большим ценителем вкусной еды, и часто можно было услышать, как он бормочет себе под нос следующую присказку: «Шел Мамед, нес обед, Мамед упал, обед пропал!» Более того, на правах каптерщика он часто одаривал меня разнообразной восточной выпечкой, сопровождая это наставлением: «Чай будешь попить!» Эта фраза со временем трансформировалась в ругательство «Хуй будешь покушать!», которое с большим удовольствием использовалось славянским населением полка.

Вообще стоит отметить несколько занятных с лингвистической точки зрения казусов. Например, никто и никогда не обращался к нашим полковым подполковникам по их званию: «Товарищ подполковник». Почему-то их всегда повышали в звании! Кроме того, проведя в Кутаиси пару недель, русские и украинцы не только начинали говорить с кавказским акцентом, но и с удовольствием перенимали целые языковые построения. Так, тот же Мамедов укрепил в нашем лексиконе выражение «Кому спишь?» Это был вопрос, с которым надлежало обращаться к кому-либо, занятому чем-то праздным и несерьезным с точки зрения боевой учебы. С ругательствами ситуация складывалась вообще уникальная. Матом, по-русски, ругались только офицеры, а солдаты и сержанты формулировали вербальные проклятия на универсальном новоязе. То есть славяне крайне редко ругались непосредственно на кавказских языках, предпочитая модифицированные идиомы, а кавказцы, напротив, сквернословили на русском языке, коверкая всем известные нецензурные выражения. Эталоном такого языкостроения, на мой взгляд, выступала любимая угроза братьев Аракеянов. Пугая кого-нибудь из сырых и убогих, они, тараща глаза и потрясая кулаками перед носом несчастной жертвы, кричали: «Если

ти сейчас этага ни сделаиш, я тибя виебаю, блят!» Этого хватало для того, чтобы их собеседник спешно отправлялся выполнять ту или иную работу, которую самим братьям делать не хотелось.

Очень смешными бывали случаи прямого перевода. Например, безумную популярность приобрела болгарская футбольная команда «Тракия» из Пловдива, которая в сезоне 87/88 годов играла в Кубке УЕФА против белградской «Црвены звезды». Грузины, как известно, серьезно помешаны на футболе. А поскольку в это же время «Динамо» (Тбилиси) встречалось с софийским «Локомотивом», то и другие болгарские клубы оказались в зоне пристального внимания. История с популярностью «Тракии» объяснялась так. Слово это, на болгарском означавшее «Фракия», очень походило на словечко «траки», то есть «жопа», по-грузински. Местные футбольные болельщики, воодушевленные победой «Динамо» над «Локомотивом», молились, чтобы «Тракия» прошла в следующий круг и попала на команду из Тбилиси. Все живо представляли себе надпись на табло стадиона: «Динамо» (Тбилиси, СССР) – «Жопа» (Пловдив, Болгария). Этим надеждам не суждено было сбыться, «Тракия» до «Динамо» не добралась.

Еще эффектней оказалась судьба прапорщика Мутелимова. По происхождению он был табасараном, представителем одной из народностей Дагестана. Не знаю, как переводилась его фамилия на русский язык, но на грузинский она переводилась очень плохо. «Мутели», простите – «пизда», по-грузински, поэтому не иначе, как «прапорщик Пиздюк» его никто не называл! В том числе несчастного дразнили и офицеры! Слава Богу, он ненадолго задержался в полку, ему удалось перевестись куда-то в Россию. Все равно с такой фамилией он просто не мог пользоваться никаким авторитетом у личного состава.

«27 декабря ценой невероятных усилий вышел в город. Время было уже около 19.30 по местному времени, как в патруль заступили brave ребята из десантно-штурмовой бригады. Я уже рассказывал вам, как они несут службу в патруле. Видимо, у них горел план, и они усмотрели у меня нарушение формы одежды. Итак, мой предновогодний звонок канул, так сказать в небытие. Эту ночь я провел в комендатуре, откуда, естественно, позвонить вам не мог. На следующий день за мной заехал мой начальник, майор Ларцев, и мы на его «Москвиче» двинули в полк. Оказалось, что весть о моем аресте произвела на всех большое впечатление. 29.12.1987 г.»

Строго говоря, нарушение формы одежды в тот день действительно имело место. В помещении переговорного пункта было душно и жарко, и в ожидании своей очереди я расстегнул крючок у ворота. Самое обидное, что я уже почти подошел к освободившейся сотруднице и собирался назвать ей номер московского телефона. Но вместо этого мне пришлось объясняться с огромным десантником, выше и шире меня в несколько раз. Собственно, мне и объясняться-то не довелось, потому что дело это выглядело абсолютно бесполезным, с учетом наших традиционных отношений с ДШБ. Решив, что тратить нервные клетки бессмысленно, я с высоко поднятой головой проследовал вместе с моими конвоирами в городскую военную комендатуру.

В комендатуре имелись небольшой плац, на котором проходил ежедневный развод патрулей, а также несколько помещений, в том числе малюсенький изолятор временного содержания. Оттуда потенциальные нарушители правопорядка могли переехать уже на гауптвахту, расположенную в другом месте, подальше от центра города. Ночь я провел в одиночестве, ибо больше никого поймать в тот день патрульным десантникам не удалось. Спать было ужасно неудобно, потому что никаких матрасов в «обезьяннике», конечно, не предусматривалось, и приходилось довольствоваться собственной шинелью, брошенной на деревянные нары. Гораздо хуже оказалось то, что не предусматривалось и никакой кормежки: предполагалось, что пребывание в комендатуре не может быть столь продолжительным, чтобы арестант успел бы за это время проголодаться. Оставалось уповать на врожденный оптимизм, который, к счастью, не подвел и на этот раз.

Часов в десять утра дверь распахнулась, и дежурный сообщил, что меня ждет комендант. Это стало некоторой неожиданностью, потому что полковник Уфимцев, военный комендант города Кутаиси, обладатель густых, если не сказать, густейших, усов, очень редко снисходил до столь незначительных персон, каковой я сам себя считал. Озадачившись тем, что бы это значило, я направился в новый для меня кабинет на встречу с новым начальником.

– А, Норкин, заходи, – с места в карьер взял Уфимцев, – ты же у нас из Москвы будешь?

– Так точно, товарищ полковник.

– Это очень хорошо! Очень хорошо! У тебя с домом связь есть?

– По телефону, с переговорного пункта, – ответил я, недоумевая, с какой стати комендант задает мне такие очевидные вопросы.

– Ну, это само собой, – как бы согласился со мной полковник. – У меня

к тебе вот какое дело, брат. Меня переводят в Чехословакию, и мне нужны билеты на самолет. Можешь ты мне как-то с этим помочь?

В те благословенные времена, когда Советский Союз еще казался незыблемым оплотом спокойствия в бушующем море мировой нестабильности, купить для кого-то билеты на самолет в общем-то особенного труда не составляло. Поэтому я, разумеется, согласился. Выяснилось, что полковник Уфимцев пытался купить билет в Прагу, находясь в Кутаиси, но это оказалось задачей неподъемной по своей сложности. А тут я как раз и подвернулся ему под руку. Вернее, не ему, а патрульному из ДШБ. То, что я – москвич, он узнал этим же утром, чуть ранее. Уфимцеву позвонил подполковник Жилин, один из командиров наших «кабачков», который после отъезда Дьяконова исполнял обязанности начальника штаба. Думаю, что особенно долго уговаривать коменданта ему не пришлось, потому что еще во время нашего с Уфимцевым разговора к дверям подкатил майор Ларцев на своем умопомрачительном «Москвиче». Он приехал забирать меня домой. Мы с комендантом договорились о наших совместных действиях, после чего я сел к Ивану Дмитриевичу в машину. Он рассказывал, что никто сначала не поверил в то, что меня арестовали, а я думал: как же мне все-таки повезло, что я оказался единственным москвичом на весь полк! А еще говорили ведь, что, мол, москвичей не любят... Кстати, земляка мне привезли сразу после праздников...

На Новый год в Кутаиси наконец-то выпал снег, причем еще днем ничего не было, а часам к девяти вечера – навалило сантиметров пятнадцать! Правда, и продержался он всего несколько часов, без следа растаяв уже к вечеру первого января, нам его даже убирать не пришлось. Мой второй армейский Новый год очень сильно отличался от нижегородского. Хотя бы тем, что в Кутаиси не росли елки. Мы наряжали пальмы, которые торчали повсюду: и на улице, и в помещениях, в больших кадучках. Кроме того, в Кутаиси праздник встречали два раза, сначала по местному времени, а потом по московскому, отстававшему на один час. Еще одно отличие заключалось в самой праздничной атмосфере. В Кутаиси наступление Нового года отмечали настоящей канонадой. Интересно, откуда местное население доставало такое немислимое количество ракет? Хотя что-то подсказывало, что без участия нашего «военнослужащего брата» дело не обходилось! Стрельба в небо продолжалась минут тридцать, чтобы потом еще на пару минут возобновиться после московской полуночи.

Но самое главное, в Кутаиси у меня была возможность отмечать

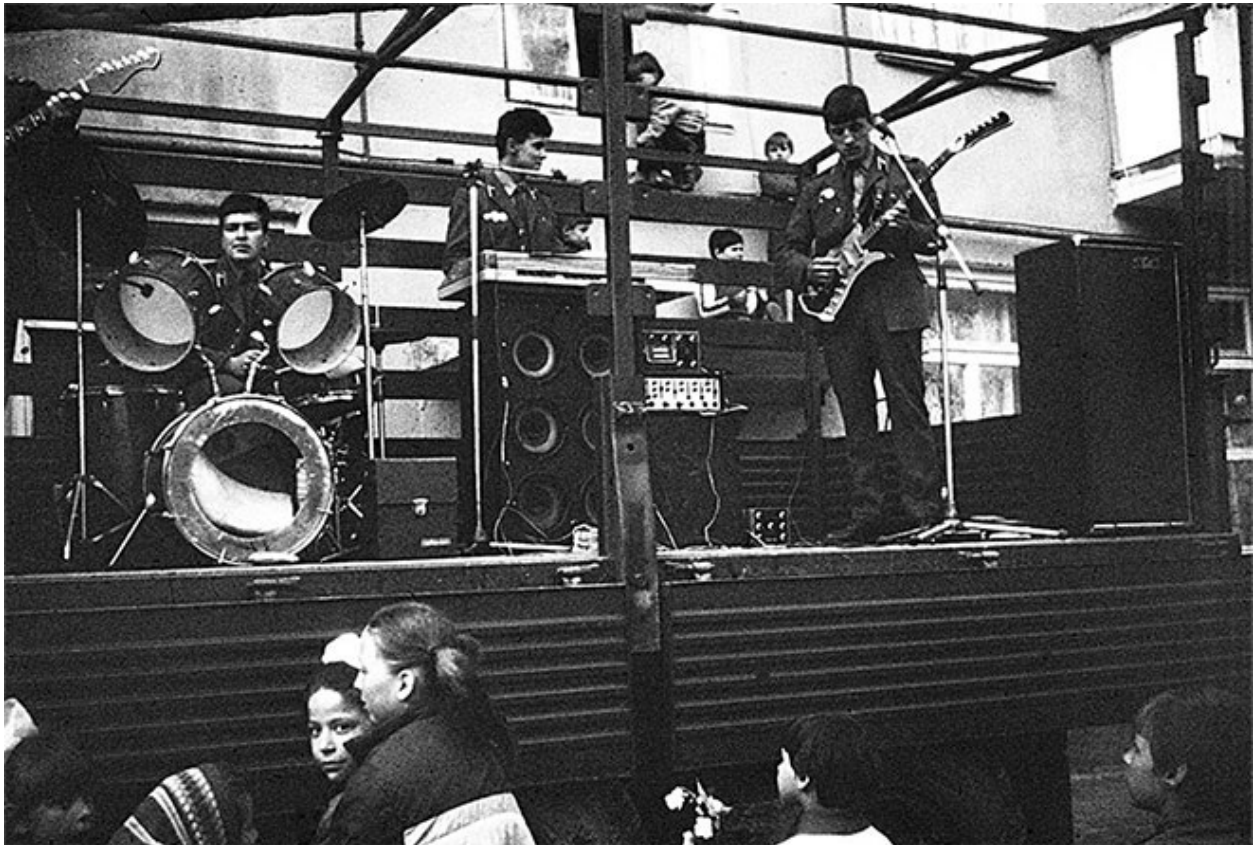
Новый год «по-взрослому», за настоящим столом, накрытым в полковом клубе. К этому времени наша компания уже сформировалась окончательно. Помимо меня, представлявшего, так сказать, верховное командование, то есть – штаб, в нашу «могучую кучку» входили: Толик Ерошенко, уже пару месяцев трудившийся полковым почтальоном; Игорь Ярмолук, отвечавший за благополучие хоздвора; Олег Мороз, полковой киномеханик, Витька Траповский, водитель из нашего взвода; Серега Черноземов, Сашка Чистов и Алан Тедеев. Формирование коллектива шло двумя путями. Первый – по месту жительства. Ерошенко, Мороз, Ярмолук и Траповский были родом из Житомира и знали друг друга еще по гражданке. Второй – творческий. Все выше названные являлись членами полкового вокально-инструментального ансамбля. Ансамбль назывался «Резонанс», и хотя формально руководил им начальник клуба, старший лейтенант Мелешко, на практике хударком был Олег Мороз, навсегда заклеянный прозвищем Полковник.

Почему Олега так звали, я уже забыл, а вот то, как мы с ним познакомились, наоборот, помню очень хорошо. Начали мы с ним с того, что поругались. ВИА «Резонанс» с момента появления в нем Мороза стал активно развиваться. И, как любой растущий музыкальный организм, ансамбль быстро стал испытывать репертуарный голод. Олег откуда-то узнал, что я могу относительно ловко складывать слова в некие подобия стихотворений. Ну, приблизительно, так:

«Послушаем немного тишину.
И выключим свои магнитофоны.
Отправимся в чудесную страну,
Где шорохов и звуков – миллионы!
Возьмем палатку и махнем с тобой туда,
Где воздух льется, свежий, словно мята.
Где медленно течет в реке вода,
Серебряно звеня на перекатах.
Где по ночам не слышен шум машин
И где кукушка нам года считает,
Где светлый лист, сорвавшийся с осин,
Кружится в воздухе и эхо порождает.
Послушай, как смеется муравей,
Как папоротник в полночь расцветает,
Как старый, бородатый чародей
В прозрачном небе звезды зажигает.

Послушаем немного тишину,
Послушаем хотя бы миг, украдкой!
Отправимся в чудесную страну,
Где соловей рыдает над палаткой...»

Олег подошел ко мне с предложением посотрудничать. Видимо, я в тот момент пребывал в не самом радужном расположении духа, потому что предложение это мне не понравилось. А точнее, не понравились те тексты, которые Олег писал сам. Помнится, буквально физическое отторжение у меня вызвал использованный им глагол «лабать». Вот ведь каким высокомерным засранцем я был, ужас! К чести Олега, он быстро опустил меня с небес на землю. Проявил терпение, такт, скромность и способность не обижаться... В общем, спустя несколько дней я оказался принят в ансамбль на должность, скажем так, автора текстов. Ну, и покатилось...

Полковник на боевом посту, с гитарой наперевес

До того как наш ансамбль набрал обороты, с песнями для солдатской души было как-то не очень. Возможно, сказывался вавилонский состав

нашей части, в которой смешались десятки национальностей, а следовательно, языков и песен. Самое ужасное, что русские и украинцы тоже распевали какие-то дичайшие гимны, авторы которых, несомненно, заслуживали вечного горения в геенне огненной. В моей памяти до сих пор сохранился отрывок весьма популярной песенки, которую знали в полку все без исключения. Это окончание первого куплета и припев. Мотив я уже не помню, это было что-то восточное, но исполнялось на квазирусском языке, с нарочитым «аканьем»:

«А патом миня паймае добрый доктар Арбалит,
Васстановит апераций маея жизни живота!
Кицьки-мицьки выбирает и брасает на песок,
Разным сортам питичка-ляр килювает мой кишчок!

Ай, дьжан, бадридьжан! Прихади ка мне, лапка!
Будим кюцать баклижан и зиленьый трафка!
Ай, дьжан, бадридьжан! Какой ти харощий!
У миня дома есть ищак, на тибе пахожий!
У миня дома есть ищак, на тибе пахожий!»

Думаю, комментарии излишни! Олег решил исправить ситуацию и приступил к усиленным репетициям. Аппаратура, собранная с миру по нитке, тем не менее позволяла создать вполне работоспособный состав. Сам Олег играл на гитаре и пел, Сашка Чистов пел и отвечал за клавишные, причем «отвечал» – в буквальном смысле. Он не только играл на синтезаторе, но и оберегал его, потому что инструмент ни в коем случае нельзя было переворачивать, ибо клавиши выпадали! Черноземов выступал в качестве бас-гитариста, Тедеша сидел за ударными, а Игорь Ярмолук служил лидер-вокалистом. На долю Ерошенко и Траповского (который, кстати, мог подменять Черноземова на басу) приходились всяческие вспомогательные обязанности: чего-нибудь припаять в случае необходимости. Я, как планировалось изначально, должен был попробовать обеспечить группу новым материалом, но, как водится, со временем полномочия мои расширились...

Что придумал Олег? Он очень тонко прочувствовал конъюнктуру. Многолетнее засилье советской эстрады (в которой, как теперь понятно, ничего плохого-то и не было!) привело к тому, что массовый слушатель с головой погрузился в потоки западной музыки. Конец восьмидесятых в

СССР был очень занятым временем во всех смыслах, в том числе и в отношении музыкальных пристрастий. Слушали все, но особенно мощный качественно-количественный скачок переживали два стиля: рок и так называемое евродиско. Причем как на английском, так и на русском языках. «Мелодия» вдруг стала издавать Led Zeppelin, The Doors, Дэвида Боуи, а в расплодившихся студиях звукозаписи можно было записывать на кассеты «Дип Пурпле», «Юрай Хир» и таинственную группу «Розовый фламинго»! Под этими названиями скрывались, соответственно, Deep Purple, Uriah Heep и Pink Floyd. Вытащили на свет Божий «Аквариум», «Кино», «Алису», «Зоопарк», конечно – «Машину времени» и «Воскресенье». Но в то же самое время народ с ума сходил по немецкой конвейерной продукции: Modern Talking, Bad Boys Blue, C. C. Catch. Совершенно беспримерной, бешеной популярностью пользовалась корпорация «Ласковый май». Короче говоря, «расцвело сто цветов»! Мороз решил этим воспользоваться.

Здраво рассудив, что пристрастия нашей потенциальной аудитории в Кутаиси да и технические возможности ансамбля не позволят работать над произведениями в жанре симфонического рока, он направил ВИА «Резонанс» в сторону дискотечных программ, с веселыми танцевальными песенками. Второй раз за мою армейскую службу я вплотную столкнулся с творчеством группы «Форум». Игорь Ярмлюк, даром что выглядел как настоящий медведь – мощный, широкоплечий, усатый, весь покрытый густой рыжей шерстью (однажды он простудился, и мы обклеили его перцовыми пластырями, так потом еле их отодрали вместе с мехом) – он еще и обладал прекрасным голосом. Более того, диапазон позволял ему петь фальцетом. Если «Зурбаган» Преснякова-младшего профессиональные критики в версии Игоря скорее всего забраковали бы, то вокал Виктора Салтыкова Ярмлюк копировал «один в один».

Прошерстив «звуковые дорожки», наш Полковник быстро отобрал с десяток-другой потенциальных хитов новой советской эстрады. Но требовалось добавить в программу изюминку. Олег решил пойти по пути Сергея Минаева, который брал популярный зарубежный сингл, писал русский текст и выходил с ним на сцену. «Чем я хуже?» – подумал Мороз и тогда-то и позвал меня.

Наш золотой голос

Конечно, ни о каком переводе и речи не было. Задача выглядела проще – попасть в мелодию. Работа, как мне помнится, началась с трек-листа группы Status Quo. Мы перелопатили, естественно, In The Army Now. Попса попсой, но нам, как армейскому ансамблю, без идеологии было – никак! Поэтому в нашей версии песня получила название «Шестое августа» и мощное антивоенное содержание, ибо посвящалась атомной бомбардировке Хиросимы. Получив от комсомольско-партийного начальства полка «добро» на продолжение эксперимента, мы переключились на «сопли в сахаре», и я начал штамповать один хит за другим. Впрочем, надо сказать, что гораздо лучше всяких переделок попсовых немцев у нас пошла песня группы Europe – The Final Countdown. Как ни странно, «боевик» «Поднимается ветер» тоже оказался не лишен гражданского звучания, в тексте ощутимо слышались «перестроечные мотивы». Хотя они, конечно, терялись на фоне героического вокала Игоря и еще более героического соло Олега!

Кончилось все дело тем, что с моей легкой руки ВИА «Резонанс» – мне казалось, что это какое-то невыразительное, аморфное название – превратился в группу «Филиал». Название тоже было не слишком поэтическое, зато правдивое. Мы честно решили позиционироваться как

дополнительный офис сразу всех музыкальных звезд мира. И успех не заставил себя ждать! Весь следующий год я разрывался между кабинетом в штабе и репетиционной комнаткой в клубе, но жаловаться, конечно, не собирался. Более того, на всякий случай Тедеша учил меня играть на ударных, а Мороз и Ярмолук даже стали подпускать к микрофону в качестве бэк-вокалиста.

Периодически в череду «таблички – карты – репетиции – посиделки» вклинивались какие-нибудь неформатные события. В один из таких дней, в конце января, когда в полку уже прибавилось новобранцев, ко мне в кабинет зашел майор Дубченко, наш начхим, любитель взрывать все, что взрывается.

– Чего делаешь, Андрюха? – спросил он.

– Да ничего не делаю, – сказал я, сам удивившись собственной праздности.

– Ебать-тарахтеть! – Майор Дубченко всегда использовал именно этот вариант присказки-паразита, заменяя в канонической формулировке глагол «копать» на «тарахтеть». – Пошли, поглумимся!

– В смысле?

– Надо молодых пообкуривать. Поможешь? Раз тебе все равно заняться нечем.

Я веду концерт «Филиала» в нашем военном городке

И мы пошли «глумиться». Предварительно я надел старый бушлат, который все равно собирался выкидывать. Обкуривание было крайне противной штукой, запах хлорпикрина мог оставаться на одежде несколько дней, несмотря на стирку. Почти на берегу реки, между столовой и хоздвором, мы выбрали место для палатки. Вонючка от нее, по-моему, перебивала даже легендарные испарения колбасного завода, шутка ли, дважды в год она превращалась в газовую камеру для новобранцев! Совсем скоро они робко подошли к месту своей экзекуции. Сержанты из карантина сдали молодое пополнение в алчные руки майора Дубченко и сбежали, после чего началось веселье.

На вооружении у нас стояли легендарные общевойсковые фильтрующие противогазы ПМГ-2 со шлем-маской ШМ-62, которые появились, наверное, еще в середине семидесятых годов.

Противогаз ПМГ-2

Испытание проходило по раз и навсегда утвержденному распорядку. Услышав команду «Газы!», боец должен был затаить дыхание, закрыть глаза, на ощупь вытащить противогаз из сумки, надеть его и, наконец, выдохнуть. Ну, и глаза открыть, конечно. Пройти через эту процедуру безболезненно практически никому не удавалось. Подразумевалось, что за каждым военнослужащим закреплялся индивидуальный противогаз, но ощущение близости химической войны с годами притупилось, личный состав войск менялся, а противогазы обновлялись медленно. Так что подогнать средство индивидуальной защиты по собственному черепу было не так-то просто. Слезоточивый газ проникал под неплотно прилежавшую к коже маску, а то и норовил просочиться сквозь неисправный фильтр или дырки в резине. Апофеоз наступал в тот момент, когда следовал приказ

заменить фильтрующий элемент. Я уже не помню, как в точности он звучал, но суть заключалась в следующем: нужно было открутить фильтр, а потом вернуть его на место. Дышать при этом не рекомендовалось.

Наша молодежь заходила в палатку, я просовывал в специальную дырку в палатке распылитель и начинал качать хлорпикрин. Майор Дубченко в этот же момент «задраивал» вход. Потом он зычным голосом кричал: «Газы!» – и через пару секунд из палатки уже неслись чихи, кашли, вопли, крики и прочие звуковые проявления легкого удушья. Для пущего эффекта начхив подбрасывал в палатку взрывпакет, через другую специальную дырку. Вот это все и называлось «глумлением»! Надо сказать, удивительно точная характеристика! Когда погрязшие в соплях новобранцы наконец выбирались на свежий воздух, Дубченко устраивал для них утешительный перформанс. У него под рукой всегда находилась какая-нибудь экзотическая взрывалка. Причем не простая, а с цветным дымом и сногшибательным запахом. Мне иногда казалось, что он их самостоятельно разрабатывает, не исключено, что так оно и было.

«Вы, верно, заметили, что я пишу другими чернилами? Это потому, что прошло три дня с тех пор, как я начал писать это письмо. Вот такие метаморфозы случаются в армии. За это время случилось важное событие. Наконец-то я разбил очки! Я уже и забыл, когда в последний раз они накрывались медным тазом, ну, а теперь – они разлетелись на мелкие кусочки!

Как весьма тонко заметила мама, у нас «намечается снег». Он «наметился» уже на железных дорогах, горных перевалах и т. д. «Наметился» уже в два метра и теперь веселые солдаты в/ч 70461 ездят его расчищать. Поезда не ходят. Газеты из Тбилиси опаздывают на несколько дней, а еще два-три дня назад поезд «Тбилиси – Кутаиси» шел вместо 8 часов – пять дней!.. Получил от кого-то 10 рублей (?). 17.02.1988 г.»

Потеря очков никак не сказалась на моей нагрузке. Все-таки я служил в городе, поэтому запасные очки всегда можно было купить. Ближе к весне мои командиры засыпали меня работой – контрольными. Многие офицеры учились в военных Академиях, заочно, конечно, но вне зависимости от выбранной специальности все они сдавали некие задания по тактике. Выглядело это так. Они приходили ко мне, приносили огромную карту и объясняли, что нужно на этой карте нарисовать. Я доставал трафареты, цветную тушь и начинал «играть в войнушку». Почему-то особенно часто

учебные боевые действия приходилось вести на территории Западной Германии. Дело это мне нравилось. Я с детства испытывал слабость к географическим атласам, но они, конечно, не шли ни в какое сравнение с крупномасштабными – секретными, как мне говорили, – картами территории потенциального противника. За время моей службы я разрисовал огромное количество карт, особенно для замполтыла, подполковника Бейнатов, и заместителя командира полка, подполковника Андреева. И того, и другого в полку не любили и боялись.

Лев Бейнатов, которого я выше хвалил за его выдающиеся организаторские способности, был очень жестким, если не сказать, жестоким офицером. Пожалуй, он оказался единственным на моей памяти командиром, который никогда не раздумывал, как ему поступить с проштрафившимся бойцом – он моментально давал ему в репу! Кулак у него был тяжелый, и те, кому доводилось его отведать, запоминали урок навсегда, стараясь больше не повторять тот или иной свой проступок. Однажды подполковник Бейнатов в кровь разбил нос кому-то из армян из взвода материального обеспечения, который, так сказать, курировал. Самое удивительное, что произошло это на глазах у проверяющих из комиссии, приехавшей чуть ли не из Москвы. Удивительным было то, что после этого – ничего и не было! То ли комиссия растерялась, то ли вина солдата представлялась столь чудовищной, что другого наказания и придумать было невозможно, но подполковник Бейнатов никакой ответственности за избиение солдата не понес. Для себя я решил, что эта воинственность нашего замполтыла объяснялась его национальностью. Он был курдом. Представители этой национальности, мягко говоря, никогда не пребывали на ведущих ролях в Советской армии. Может быть, он тяжело пробивался вверх? Это мое предположение, разумеется, оставалось недоказуемым, но ничего другого в голову все равно не приходило. Кстати, своих земляков подполковник Бейнатов оберегал. По традиции, медбрат в полку тоже был курдом. Даже не знаю, откуда он их выписывал.

Чтобы закончить разговор на тему национального вопроса (закончить лишь временно: конец восьмидесятых стал периодом окончательного созревания множества национальных конфликтов по всей стране), скажу, что все-таки существовали два примера, не вписывающиеся в мою теорию. В Тбилиси, в командовании округа, служил генерал Дабижа-Казаров, молдаванин, прозвище которого – «Добежи до казармы» – мы знали от знакомых телефонистов. У нас в полку молдаван было довольно много. Ребята в основном деревенские, они своей удивительной неторопливостью производили сильное, хотя, возможно, и обманчивое впечатление. Так что

для нашей компании генерал-молдаванин представал фигурой абсолютно экзотической. Когда он уехал (кстати, по-моему, после распада Союза он стал большой фигурой в армии независимой Молдовы и принимал активное участие в приднестровской войне 92 года), его сменил не менее загадочный персонаж: генерал-узбек по фамилии Исмаилов!

Что же касается подполковника Андреева, то причины нелюбви к нему были иными. Замкомандира полка производил впечатление человека желчного, вечно всем недовольного. Классический мизантроп – я бы так его охарактеризовал, если бы не знал его чуть лучше, чем все остальные солдаты и сержанты. В личном общении он раскрывался совершенно неожиданно, мог оказаться и внимательным, и смешливым, и даже трогательным. Но в повседневности почему-то предпочитал прятаться под маской эдакого Кощея Бессмертного. Он, кстати, очень на него походил! Но у меня с ним никогда конфликтов не возникало. Более того, когда однажды я заперол ему контрольную, сам подполковник Андреев нашел блестящий выход из положения. Я, видимо, накануне с ребятами перебрал лишнего и отчего-то решил, что танковый батальон, ведущий бои с войсками НАТО где-то в германской глубинке, лучше всего разместить прямо в озере.

– А почему у тебя танки в воде? – спросил меня замкомандира полка, внимательно рассматривая свою – или мою – работу.

Я понял, что сел в лужу. Символическое обозначение танков действительно находилось ровно посередине какого-то немецкого водоема. Причем суши вокруг было предостаточно. Ничего, кроме невразумительного мычания, в голову не шло.

– Так, хорошо, – сосредоточенно сказал Андреев. – Ничего не исправляй. Это будут – плавающие танки!

– Амфибии? – ухватился я за показавшийся мне весьма удачным вариант.

– Ну, скорее это будут БРДМ. Вроде как здесь мы организуем стремительный бросок в тыл противника. В общем, я придумаю, как это подать!

Согласитесь, разве можно было после этого не испытывать к такому командиру уважение? И хотя нашу теплую компанию замкомандира недолюбливал и старался при каждом удобном случае поставить на место, в отличие от ребят, я на него не обижался. Положа руку на сердце, он ведь был прав!

Ожидание очередного Дня Советской армии и Военно-Морского флота в полку оказалось подпорчено. Один из немногих в нашей части представителей Прибалтики, литовец по фамилии Ширвинкас,

организовал преступную группу, в состав которой помимо него самого входили еще двое узбеков. Злоумышленники проникли на склад длительного хранения наших соседей-вертолетчиков и пытались умыкнуть несколько офицерских бушлатов. Рядовой Ширвинскас заранее готовился к дембелю и через полгода собирался отбыть на родину при параде. Офицерский бушлат, на самом деле, был очень удобным предметом гардероба, а уж летный – тем более: теплым, даже красивым.

Когда его украшали дополнительно – золотыми позументами, например, ни одна деревенская девушка не могла устоять перед шармом его обладателя. Так выглядела теория.

Летный офицерский бушлат

На практике группу Ширвинскаса взяли с поличным. Они попались на глаза караулу прямо во время развода постов. Поскольку время стояло предпраздничное, к вопросам дисциплины внимание проявлялось повышенное, так что дело решили на тормозах не спускать. Расследование, проведенное представителями военной прокуратуры, завершилось столь стремительно, что под самое двадцать третье февраля в полку уже состоялся суд. Заседание проходило на улице, прямо перед входом в казарму вертолетчиков. Этим демонстрировалось особое желание нашего артиллерийского полка искупить вину своих несознательных представителей перед коллегами. Вертолетчики хоть и жили с нами в одном

здании и выглядели, честно говоря, какими-то квартирантами, формально они являлись самостоятельной войсковой единицей, со всеми вытекающими из этого правами. Поэтому решено было еще раз подчеркнуть, что противозаконные действия в отношении боевых товарищей безнаказанными не останутся. К тому же в полку просто не существовало помещения, в котором могли бы уместиться все сразу. Даже клуб и столовая не могли бы вместить столько народу одновременно.

Скамью подсудимых и лавочки для членов суда поставили на заасфальтированный пяточок перед дверями вертолетной казармы, а зрители сидели на травке^[1]. Сам суд оказался столь же быстротечным, что и следствие. Ширвинскасу и его узбекам вlepили по два года дисциплинарного батальона. Причем, по существовавшим тогда правилам, после истечения срока наказания им надлежало продолжить службу, так что дембель для них отодвигался далеко и надолго.

Мы выслушали приговор и отправились на репетицию. В «Том самом Мюнхгаузене» говорили: «Сначала намечались торжества, потом – аресты!» У нас вышло наоборот: сначала – аресты, а потом – торжества. Уже завтра нашу группу ждал дебют в городском Доме офицеров. Причем сразу – двумя выступлениями. Днем планировался торжественный вечер в честь праздника. Это звучит странно, но это было именно так: торжественный вечер в честь 23 февраля начинался около полудня. Выступили представители командования, кто-то от ветеранов, кто-то от женщин, потом на сцену вышли мы и отыграли несколько песен. Специально для этого концерта готовилась новая песня под названием «Восемнадцатый год», Олег написал музыку, я – текст. Также в программу вошло несколько «патриотических канонов», и под конец ребята спели «Шестое августа», вроде не по теме, но с идеологической точки зрения верно.

Зато вечером в Доме офицеров мы оторвались на всю катушку. Играли ребята на совесть. Два часа пролетели в один миг, с десятков песен были производства нашего музыкального «Филиала», и что особенно приятно – их принимали лучше всего. Я перемежал музыкальные номера каким-то несусветным трепом, зажигая собравшуюся публику: молодых офицеров, их жен, но в основном учащихся старших классов школ и техникумов Кутаиси. По ходу вечера я обратил внимание, что рядом с Толиком, который сидел на скамейке у окошка (он в тот вечер помогал готовить аппаратуру), все время ошивался какой-то мужичонка. В конце концов он уселся с ним рядом и начал что-то шептать Толику на ухо. Позднее выяснилось, что разговор шел обо мне.

– Слушай-ка, а ты этих музыкантов знаешь? – спросил мужичонка.
– Ну да, – ответил Толик, – из моего полка все.
– А вот этот, который все время болтает?
– Это – Андрей Норкин, он у нас как ведущий.
– Ведущий? Точно, ведущий... А он кто по национальности? – вопрос застал Ерошенко врасплох. – Еврей?
– Да нет, – растерялся Толик. – Он русский.
Мужичонка помолчал, потом глубоко вздохнул и произнес:
– Ни хуя... Еврей! – И ушел. Больше мы его никогда не видели. Может, ему евреи не нравились?

После окончания дискотеки мы поняли, что отныне наша жизнь в армии будет идти совершенно по-другому. Пока мы грузились в машину, прибежал раскрасневшийся от переполнявших его чувств и, видимо, небольшого количества алкоголя начальник клуба старший лейтенант Мелешко. Он радостно сообщил, что завтра у нас будет еще один концерт, в одном из городских техникумов. Так группа «Филиал» получила своего импресарио, очень энергичного и креативного.

Группа «Филиал», в центре – наш импресарио

К нашему возвращению в полк у Мелешко появилась еще одна новость: политотдел корпуса дал распоряжение снять нас с предстоящих в начале марта учений и бросить на организацию праздника 8-го марта. «Вот она – слава!» – одновременно подумали мы. Концерт в техникуме только укрепил это ощущение: полнейший триумф с проявлениями массовой истерии! Мы уезжали на машине, а вслед нам неслись аплодисменты и скандирование: «Филиал!», «Филиал!».

А вот и наши «гастроли» в техникуме

Однако на учения мы все же поехали. Потому что жизнь наша хоть и пошла по-новому, но не совсем так, как мы предполагали.

«Я вернулся с учений. У нас – не очень-то весело, я имею ввиду Карабах и Сумгаит, как-никак это совсем рядом. Сам праздник мы встречали уже в Караязах. 23.03.1988 г.»

Нет, с нашей концертной деятельностью все складывалось хорошо, недостатка в выступлениях мы не испытывали, просто с конца февраля 88-

го стало гораздо отчетливее ощущаться то, что жили мы далеко от дома, на Кавказе. Пресловутый «национальный вопрос» периодически о себе напоминал и раньше, а с этих пор вышел на первое место. 27–29 февраля произошли события, вошедшие в историю страны как «Сумгаитский погром».

В полку армяне с азербайджанцами время от времени сталкивались врукопашную, но эти стычки заканчивались быстро и бескровно. Наша компания к этим конфликтам относилась как к чему-то далекому, не имеющему прямого отношения к нашей жизни. Вот когда на кого-то из нас наезжал какой-нибудь местный житель, это было другое дело, но и такие неприятности ограничивались считанными эпизодами. Сказывалось и привилегированное положение, и то, что кавказцы, в основном, конфликтовали друг с другом, а не с русскими или украинцами. Конечно, что-то о событиях у соседей мы слышали. Один командир взвода с его «Карабах наш!» чего стоил! Но вся полнота картины, разумеется, оставалась вне нашего ведения: из-за чего возник конфликт, как он развивался, чью сторону занимала Москва? Об этом в газетах старались не писать и по телевидению не рассказывать. Сумгаит эту информационную блокаду вскрыл. Скорее всего новости, заполонившие полк в самые последние дни февраля, далеко не во всем соответствовали действительности, но это не имело особенного значения.

Пожалуй, даже сейчас, спустя столь продолжительный отрезок времени, восстановить непредвзятую хронику тех событий невозможно. Даже энциклопедии трактуют происходившее противоречиво. Что же тогда говорить о нашем представлении о случившемся в то время, в тех условиях?

Уже утром 28-го февраля азербайджанцы как с цепи сорвались: бегали по полку, что-то кричали, все время хватали палки, камни, размахивали ремнями, самые горячие даже пытались взломать решетку оружейной комнаты. Численное преимущество в нашей части было на их стороне, армян служило существенно меньше. Причины этого эмоционального всплеска для нас оставались непонятными. Как всегда в таких случаях за информацией мы пошли к связистам. У них имелась своя маленькая территория, прямо рядом с первым постом. Там стояли какие-то утыканые проводами шкафы, вроде коммутаторов, и оставалось еще немного места для личной жизни: чайник вскипятить, письмо написать да вздремнуть. Но главное, у них был постоянный доступ к источнику информации, то есть – таким же связистам, только из штаба корпуса. Через этих ребят шла вся информация, в том числе служебная, из тбилисского штаба округа. Вот от

них мы и узнавали, что происходит. Вернее, сначала – что произошло. И про митинг в Сумгаите, и про то, что кто-то начал кричать «Смерть армянам!», и про то, как вечером 27-го эти крики из пустого сотрясения воздуха превратились в материальную, ужасающую в своей жестокости силу и жажду крови.

Конечно, то, что мы слышали, произвело очень сильное впечатление. Трудно было осознать, что в нашей стране – большом, любимом Советском Союзе, пусть уже изрядно потрепанном за несколько перестроечных лет – люди, годами жившие на соседних улицах, вдруг бросились резать, насиловать, сжигать своих соседей, не делая скидок никому: ни старикам, ни детям.

Откровенно говоря, до конца во все это даже не верилось, но опять же с тем, что в Сумгаит наводить порядок перебросили морскую пехоту с Каспия, спорить как-то не приходилось, это был абсолютный, медицинский факт. Кутаисские части не трогали, как и войска в других городах Грузии. Но на повышенную боеготовность мы перешли. Офицеры практически все время находились в полку, а несчастный особист просто с ног валился, потому что, похоже, совсем не спал.

Сумгаитский погром

Удивительно, но через несколько дней все вдруг стихло. Паника прекратилась, армяне из ВМО вылезли из бани, где прятались все это время, и внешне жизнь в полку вернулась в прежнее русло. Иногда вдруг происходила вспышка: молниеносная и уже кровавая, стычка. Помню, прямо у входа в столовую группа азербайджанцев стала задирать одного из армян, Мовсисяна. А он был здоровенный, как бык, мастер спорта то ли по плаванию, то ли по гребле. Так он схватил с земли решетку, о которую вытирали сапоги, перед тем как войти в столовую, и сверху вниз опустил ее на головы сразу нескольких человек! Один так и рухнул без сознания, увезли в госпиталь. Тем не менее даже такие инциденты к массовым беспорядкам не приводили. В общем, все было, как в самом Карабахе, тлело-тлело что-то в одном селе с середины восьмидесятых, потом – в нескольких, потом еще, еще, еще... И так – до настоящей войны в девяносто втором.

В общем, праздники на Восьмое марта провели по сокращенной программе. Организовали какой-то «вечер отдыха» для жен военнослужащих в Доме офицеров, но без масштабных торжеств. А нас опять отправили в Караязы. Не исключено, что было принято решение как можно сильнее загрузить личный состав каким-нибудь делом, чтобы не оставалось времени на ненужные политические баталии.

Очередные «караязы» мало чем отличались от предыдущих. Погрузка эшелона, «долгая дорога в дюнах», разгрузка, подготовка лагеря и учебные стрельбы. Хотя отличия, конечно, были. Они носили персональный характер. Мы уже стали заматеревшими, почти настоящими старослужащими, без одного приказа – дедушки. Ну, и служебное положение, дай Бог каждому. На этих «караязах» мы, например, почти не обедали в столовой. Да что там, по-моему, вообще ни разу. Только завтракали. Проблема питания решалась очень просто. Олег не был привязан к точке проведения наших учений. Каждый день на своей кинобудке он мотался в Рустави по разным делам. В основном, за почтой и за фильмами, ведь кино на учениях нам показывали почти каждый вечер. Прямо в степи растягивался большой экран, и Мороз из своего «шестьдесят шестого» крутил кино. Естественно, во время этих поездок он заскакивал в магазины, да и посылки из дома приходили постоянно. Каждые два-три дня кто-нибудь из нашей компании получал очередной паек из дома.

Дополнительным плюсом служило исключительно доброжелательное отношение к нам полкового парторга, майора Фоменко. Владимир Палыч нас всегда и во всем поддерживал. Общаться с ним было легко, приятно и

интересно. Он обладал каким-то особенным качеством, потому что многие офицеры сразу сваливались в панибратство, а это никакого уважения не вызывало, как раз наоборот. А с Фоменко я, по крайней мере, чувствовал себя равным ему, но прекрасно осознавал, что он – один из моих командиров, имеющий полное право отдать приказ, которому следует беспрекословно подчиниться.

Плюс, о котором я упомянул, заключался в том, что как-то раз майор Фоменко попросил Олега купить для него что-то. А когда зашел за своим заказом, застал нас за трапезой, от которой у него глаза на лоб полезли.

– Ну, вы шикаете, братцы! Даже нас так Лева с Чарли не кормят! – под Левой с Чарли подразумевались, соответственно, зампотыл и начальник столовой. Мы, конечно, пригласили его к столу, и с тех пор так и повелось: все шли на обед в палатку, а Фоменко – к нам, в кинобудку. Кончилось это дело тем, что подполковник Андреев, на что-то разозлившийся на Мороза, с утра бегал по лагерю и искал его. Ему почему-то показалось, что киномеханик подозрительно часто отлучается. Во время обеда замкомандира полка увидел стоявшую на своем месте кинобудку и решительно к ней направился. Мы с интересом наблюдали за ним в окошко, не забывая поглощать что-то вкусное, вроде гречки с тушенкой. Он буквально подбежал к машине и резко дернул на себя дверь. Дальше последовала классическая немая сцена, потому что первым, кого увидел подполковник Андреев, был секретарь партийной организации полка, державший в руках наполненную до краев миску с кашей. Для усиления эффекта Фоменко соорудил самую флегматичную гримасу, какую только можно было представить: он немигающим взглядом смотрел сквозь подполковника Андреева куда-то за горизонт, всем своим видом напоминая верблюда, задумчиво пережевывающего свою бесконечную жвачку на бескрайних пустынных просторах.

Подполковник Андреев довольно долго переводил глаза с одного из присутствующих на другого, потом снова остановился на Фоменко, сплюнул и хлопнул дверью. С тех пор он просто перестал обращать на нас внимание.

Еще одним существенным отличием этих учений от всех предыдущих стал заметно возросший градус. Мы уже могли позволить себе гораздо больше, чем раньше, да и начальники, как мне кажется, снимали стресс активнее. Начало приключениям положил майор Дубченко. В тот день я должен был заступать в наряд, начальником караула. Караул на учениях отличался от полкового или гарнизонного тем, что полностью формировался за счет сержантов и рядовых. Объектов было меньше, да и

вряд ли посреди безлюдной степи мог появиться желающий проникнуть на охраняемую территорию. Поэтому начальник караула в Караязах, в тот конкретный момент – я, выступал еще и в качестве разводящего.

Начним, уже не помню по каким причинам, пребывал в приподнятом настроении.

– Привет, Андрюха! – загадочно и хитро улыбаясь, он ввалился в нашу палатку, где я в тот момент заканчивал сборы.

– Привет, товарищ майор! – наше общение с Дубченко уже давно и сильно отличалось от оговоренных уставом правил.

– Есть дело! – Я подумал, что он опять хочет позвать меня взорвать очередную вонючую гадость. Но выяснилось, что дело было в другом. – А давай-ка мы с тобой кирнем малость? А, ебать-тарыхтеть?

– Я в караул заступаю, – с сожалением ответил я. Интересно отметить это «сожаление». Сам факт подобного предложения меня уже совершенно не удивлял.

– Ну, это не проблема. – Майор Дубченко никогда не терял оптимизма. – Ты ж не всю ночь должен не спать. Поставишь вместо себя молодого – и все.

– А запах? Вдруг кто-нибудь унюхает?

– А запах мы нивелируем. Я буду пить коньяк, а ты – спирт!

– Спирт? – Тут майор меня действительно заинтриговал. – А я ни разу не пил спирт!

– Ебать-тарыхтеть! – традиционно выразил свое удивление майор. – Так, тогда святое дело просто, я тебя научу, не ссы...

Вечером я расставил часовых по своим постам, дал указания кому-то из молодых: как и когда проконтролировать смену, – и пришел к Дубченко. Все уже отправились смотреть кино, которое привез Мороз, так что мешать нам вроде бы было некому. Начальник химслужбы, ухмыляясь в усы, поставил передо мной две белые эмалированные кружки.

– Начнем урок! – каким-то дурацким голосом провозгласил он. – Берем медицинский спирт или как тебе, несомненно, должно быть известно, C_2H_5OH . Если нет, тогда иди в жопу, я тебе ничего не налью.

– Известно, известно! – соврал я. Химия никогда не относилась к числу моих любимых школьных предметов, и я постарался как можно скорее забыть все, что знал, сразу по окончании школы. А до армии я пил-то всего пару раз, поэтому химическая формула спирта у меня в голове не отложилась.

– Прекрасно! – все так же придуриваясь, продолжал свою лекцию

майор Дубченко. – Мы наливаем его в эту емкость.

Он плеснул мне в кружку, закрутил крышечку фляжки, и автомобильный кунг, в котором мы сидели, начал наполняться специфическим ароматом. Потом он достал канистру с водой.

– В другую емкость мы наливаем...

– H₂O, – решил я порадовать моего собутыльника своими познаниями.

– Сержант Норкин, вы делаете успехи! Это надо отметить! – заржал он, и тут же перешел на серьезный тон.

– Ты, правда, спирт ни разу не пил?

– Не, ни разу.

– Тогда так, вода-спирт-вода. Понял? Пахнуть будет, конечно, но не сильно. Погоди-ка...

Он достал еще одну фляжку и опрокинул ее над третьей кружкой. Запахло коньяком.

– Поехали? – Вопрос был риторическим.

«Ездили» мы с ним довольно долго, практически до самого конца фильма, который смотрели в лагере. Оказалось, что пить спирт – технологически – не так уж и сложно. Иногда попадалась такая чача или самогонка, что хоть святых выноси, не из-за крепости, а из-за запаха. Прекрасно проводя время и поблагодарив гостеприимного хозяина, я отправился в нашу походную караулку. Однако вернуться к исполнению своих обязанностей в ту ночь мне было не суждено.

По дороге я встретил Олега, который увидев меня, явно обрадовался.

– Товарищ генерал лейтенантский! – Он обратился ко мне по одному из моих прозвищ. Его редко кто употреблял, кроме самого Мороза, как известно, Полковника. Остальные ребята меня чаще называли «Нор», от фамилии.

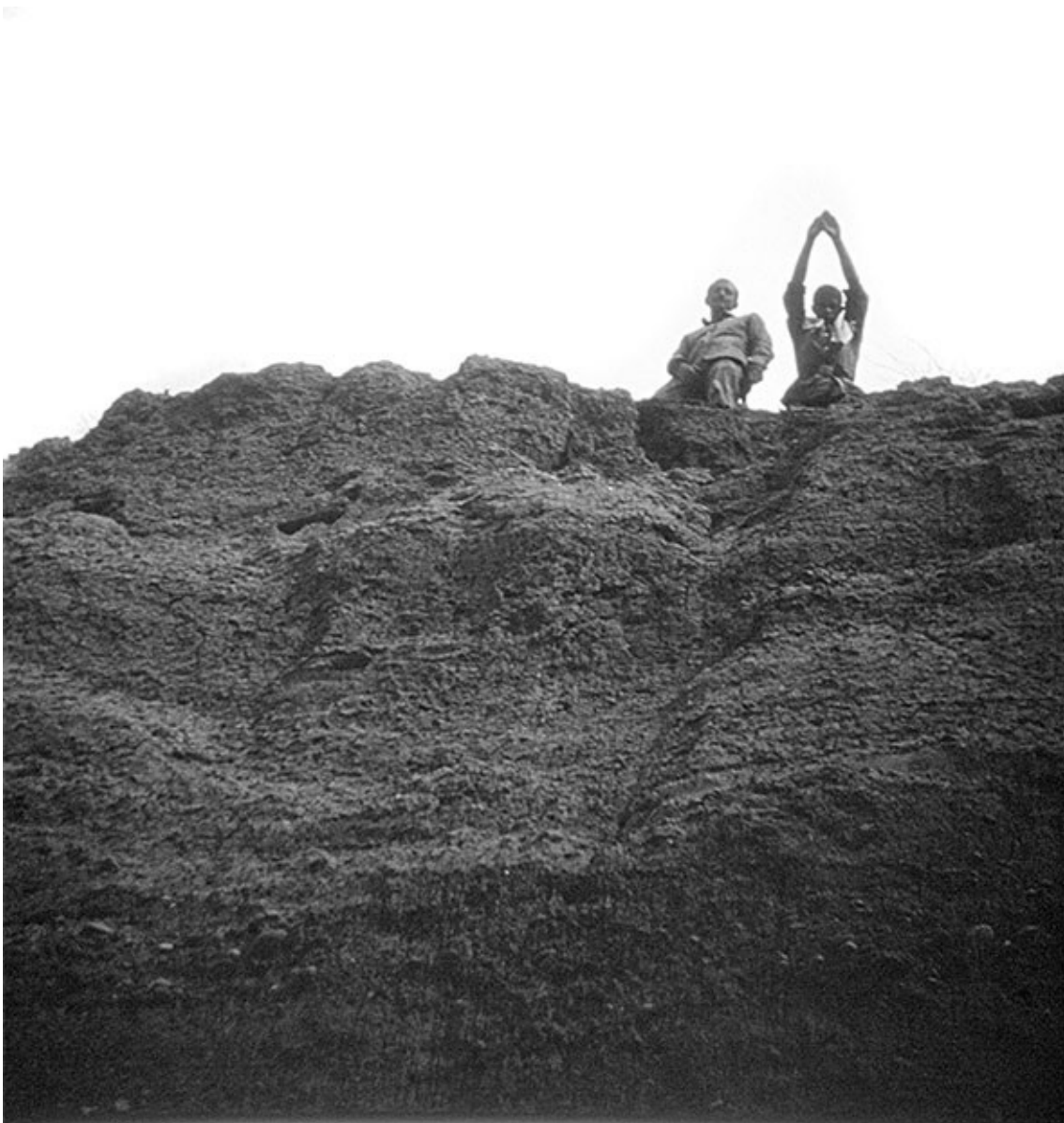
– Пришла посылка, личный состав к приему пицци готов!

– Правда, что ль? А я уже с Дубченко спирта напился.

– Дыхни-ка, – заинтересованно потребовал Олег. Я дыхнул, и мой друг явно остался недоволен результатом. – Это все фигня! Собираемся на сопке, ребята подойдут.

Ребята подошли, и наш банкет затянулся до глубокой ночи. Оказалось, что посылок было даже две, а не одна, и обе укомплектованные под завязку. Подобные «пикники на обочине» мы проводили за территорией лагеря, в сопках, которыми изобилвала Караязская степь. Некоторые из них, довольно высокие, могли достигать нескольких десятков метров. То же самое относилось и к обрывам. Это были, конечно, не те пропасти, которых

я пугался во время моего прошлогоднего путешествия по Сванетии, но при падении с высоты метров в пятнадцать вряд ли стоило надеяться на благополучный исход.

Наглядная иллюстрация: вид на сопки снизу вверх и сверху вниз

Поэтому, когда я со словами: «Все, мне пора каррраул раз-ва-дить!» – встал и направился по направлению к живописному оврагу, на краю которого мы пировали, мои друзья, предварительно не тренировавшиеся с начальником химической службы, озадаченно замолчали.

– Нор! – сказал кто-то. Я остановился, хладнокровно развернувшись к обрыву спиной. (При том, что я ужасно боюсь высоты!)

– Дальше не ходи. А то упадешь! – снова сказал этот кто-то.

– Харррашо! – миролюбиво согласился я и потопал к лагерю. Забираясь в караульную палатку, я споткнулся о ее деревянный бортик и со всего размаху грохнулся прямо на моих мирно спящих подчиненных, перепугав их до полусмерти. Воспользовавшись их пробуждением, я сообщил, что мое дальнейшее участие в наряде отменяется, и они будут меняться на постах самостоятельно. «Вы же дорогу помните?» – спросил я и, не дожидаясь ответа, уснул.

Через пару дней история с обрывом повторилась. Причем итог ее был куда драматичнее. Командир ремонтной роты капитан Ковалев и начальник склада НЗ прапорщик Автандил Автандилович Окропилидзе, которого все называли только по имени-отчеству, видимо, тоже получили посылку. Подняв настроение, они сели в один из «Уралов» ремроты и поехали кататься по степи. Прогулка закончилась довольно быстро: «Урал» сверзился вниз в один из оврагов, и капитана вместе с Автандилом Автандиловичем очень долго вытаскивали из расплющенной кабины. Прапорщик Окропилидзе отделался разбитым лбом, а капитана Ковалева пришлось отправлять в госпиталь.

Утром в штабе я наблюдал следующую картину. Командир полка, подполковник Сидоренко, устраивал Окропилидзе публичный разнос. Присутствовали только офицеры. Я уже был не в счет, за эти месяцы окончательно превратившись в неотъемлемую часть штабного интерьера.

– Товарищ прапорщик! – громыхал Сидоренко. – Ваше поведение позорно! Что за бардак вы устроили?

– Какой бардак, товарищ полковник? – Автандил Автандилович делал круглые глаза и задира лоб на самый лоб, только что снова тщательно перебинтованный нашим медбратом Славой.

– Такой! Вы с Ковалевым в пьяном виде угнали и разбили машину!

– Какую машину, товарищ полковник? – ответы Автандила Автандиловича не отличались разнообразием.

– «Урал», черт вас подери! – надо отдать должное командиру полка. Он старался не ругаться матом, тем более если орал на представителей местного населения. Они от этого начинали сильно нервничать.

– Я вас под трибунал отдам! Вы пьяны!

– Никак нет, товарищ полковник!

– Так точно, товарищ прапорщик!

– Никак нет, товарищ полковник! – Окропилидзе сменил тактику.

– Вы пьяны, я вам говорю! У вас, вон, голова завязана!

Прапорщик на секунду замолчал, а потом неожиданно выдал:

– Никак нет, товарищ полковник! Это вам кажется!

Тут я решил, что дальше подслушивать этот несомненно увлекательный диалог с моей стороны будет немного рискованно. И, на всякий случай, спрятался в штабную палатку.

Тот самый грузовик, на котором так неудачно покатались командир ремонтной роты и пропорщик Автандил Автандилович

Разумеется, ни под какой трибунал прапорщик Окропилидзе не пошел. Да и капитан Ковалев, залатав раны, вернулся в строй и благополучно продолжил службу. Если по каждому из подобных поводов наш командир отправлял бы офицеров под суд, скоро в нашем полку никого бы не осталось.

А иногда алкоголь даже приходил на помощь. В один из дней учебных стрельб, не полковых, а дивизионных, то есть когда из пушек палили не все участники учений, а только одно из подразделений, произошла неприятная история. Отличился мой коллега, такой же командир отделения вычислителей из третьего дивизиона. Я-то подключался к боевой учебе только в масштабах всего полка, а когда действовали орудия отдельных дивизионов, то коллеги все рассчитывали самостоятельно. Что-то ребята напутали и один из гаубичных «огурцов» улетел совсем не туда, куда

следовало.

Сам-то выстрел оказался очень удачным, снаряд попал точно в кошару колхоза, по несчастливому стечению обстоятельств находившегося недалеко от территории полигона. О самой ошибке стало понятно сразу, а вот последствия стали известны чуть позже: мы положили сорок овец! Поднялся скандал. Председатель колхоза приехал к командиру разбираться. Шумели они долго, но постепенно шум становился тише, потом снова усилился, но приобрел несколько иные характеристики: тональность сменилась, что ли. Вечером председатель колхоза и сопровождавшие его лица уехали к себе с десятком ящичков сгущенного молока, которые срочно принесли из столовой, и несколькими бутылками настоящей «Столичной» водки, которую Бог весть откуда вытащили в этой степи. Наутро в лагерь приехал колхозный грузовик. Шофер спросил, где у нас столовая, подкатив к ней, опустил борт кузова и выгрузил две овечьи туши.

Учебные стрельбы. Не всегда успешные...

– Шашлик! – весело крикнул он и умчался обратно, поднимая клубы пыли. Вечером весь полк ел шашлык, превознося артиллерийские таланты бойцов третьего дивизиона, так удачно расцветивших наш степной рацион.

Обычно в Караязах мы обогащали полковое меню лишь за счет арбузов. В самой степи их, естественно, не было, но они в изобилии водились в соседнем Азербайджане. Собранный урожай везли оттуда на машинах и, как правило, ленивые азербайджанские водители не желали делать огромный крюк, объезжая наш полигон. Не менее ленивые военнослужащие нашего полка, стоявшие по периметру полигона в оцеплении, не желавшие тратить время на поездку в магазин, пропускали арбузные фуры, взимая с каждой из них умеренную плату натурой. Осложнения возникали лишь в моменты стрельбы, когда находящиеся на наблюдательном пункте офицеры вдруг видели в бинокли мчащуюся по полигону грузовую машину.

– Куда, блядь, кто, блядь, как, блядь? – список этих эмоциональных вопросов можно было продолжать до бесконечности. – Отставить! Без команды огонь не открывать!

Алан и Витька делают вид, что сейчас пообедают...

Очередной азербайджанец благополучно покидал зону обстрела, и вечером неутомимый Олег Мороз на своей кинобудке объезжал эти небольшие овощные базы. Таким образом, арбузы на учениях практически

не переводились. Ели мы их ложками. Арбуз разрезался пополам, и каждая половинка превращалась в некое подобие тарелки или, скажем, салатницы, содержимое которой и вычерпывалось обыкновенной столовой ложкой. Опустевшую половинку арбуза, кстати, не выбрасывали. Любому находившемуся поблизости молодому солдату, желательнее лысому, следовал приказ приблизиться и снять панаму. После чего половинка арбуза надевалась ему на голову. Назвалось это «профилактикой тепловых и солнечных ударов». Если же присутствовало желание развлечься дополнительно, то тогда арбуз надевали на голову кому-нибудь из старослужащих, и начиналась игра в салочки.

Но вернемся к шашлыку. Понравился он всем без исключения. Но больше всего, как оказалось, расчувствовался командир нашего взвода старший лейтенант Фаридов. В первое же после описанных событий воскресенье в лагере объявили очередной спортивный праздник. Мы пригорюнились, поскольку это означало какие-нибудь изнуряющие физические упражнения. Не только в буквальном смысле, но и в переносном, из-за своей полнейшей бессмысленности. Предчувствия не обманули – в программе праздника значился десятикилометровый марш-бросок по сопкам.

На дистанцию нужно было выезжать на машинах, а после окончания праздника следовало сдать дежурному, им в тот день выступал командир первого дивизиона майор Чатов, результаты каждого из участников.

Выехали мы с первым дивизионом одновременно, на разных машинах и в разных направлениях. Комвзвода о чем-то сначала пошушукался с водителем, потом подозвал к себе одного азербайджанца и одного грузина. Через пару минут Али Мусаев и Хвича Куртанидзе вернулись, загадочно улыбаясь. Тайна раскрылась через полчаса. Хитроумный план старшего лейтенанта Фаридова заключался в следующем: мы ехали на озеро Джандари.

Зона проведения «спортивного праздника»

Это озеро находилось на грузинско-азербайджанской границе, которая разделяла его ровно пополам. На пути к озеру стояли два села, сначала Мзианети, в котором население было грузинское, а потом – Джандари, там проживали азербайджанцы. Когда мы остановились в Мзианети, Куртанидзе спрыгнул на землю, взял с собой еще пару человек и пошел по направлению к ближайшему дому. Они пробыли там считанные минуты, потом зашли во второй дом, в третий... В тот момент, когда они находились в пятом или шестом, из домика, который они посетили первым, вышла женщина с большой корзиной в руках... В Джандари история повторилась, только по домам ходил Мусаев уже со своими земляками. Так что к озеру мы приехали с таким запасом продуктов, что, казалось, съесть это было невозможно: хлеб, сыр, фрукты, зелень, какие-то сладости и – шашлык. Все, что нужно для того, чтобы этот шашлык приготовить нам тоже дали. Даже вино оказалось в тот день на легальном положении.

Черт его знает, что произошло с нашим командиром в тот момент, когда в его голову пришла столь чудесная мысль: заменить марафон на пикник у озера. Расчет же оказался стопроцентно точным. Как можно было

отказать молодым солдатикам, землякам, которым выпала возможность немножко поплескаться в озере в редкий час досуга? Как можно было не побаловать ребятишек скромным гостинцем? Конечно, мы съели все, до самой последней крошки! Не потому, что проголодались на учениях, нет. В какой-то момент я пришел к выводу, что солдат – не совсем человек, потому что, в отличие от обычных людей, две вещи он может делать бесконечно: спать и есть. А мы еще и купаться могли, сколько хотели.

Поскольку день выдался воскресный, на озере собралось много людей. Кто-то приехал с детьми, кто-то загнал прямо в озеро машину, чтобы ее помыть. Но никто не возмутился, все веселились, многие подходили к нам. Правда, в основном, конечно, общались с земляками, но никаких косых взглядов в мою, например, сторону, никто не бросал. Старший лейтенант Фаридов, лежа на предусмотрительно захваченном с собой полотенце, умиротворенно оглядывал эту идиллическую картину и улыбался. Мне почему-то показалось, что ему было очень хорошо. От одной только мысли о том, что он устроил такой внезапный и замечательный праздник нескольким десяткам молодых раздолбаев, прыгавших в воде, брызгаясь и вопя как минимум на трех разных языках...

Мы провели на озере целый день! Наелись, напились и накупались так, что протрезвели. На обратной дороге сначала заехали уже в Джандари, а потом в Мзианети, чтобы вернуть посуду. Перед самым лагерем Фаридов остановил машину и приказал нам построиться.

– Значит, так! – сказал командир. – Не забываем, что у нас был спортивный праздник, марш-бросок по сопкам. Чатов будет спрашивать. Предлагаю каждому запомнить его результат.

Выучив наизусть выдуманные цифры, мы вернулись в лагерь. Конечно, никто ни о чем нас так и не спросил. Майор Чатов, видимо, забыл о своем намерении, потому что если бы помнил, то обязательно обратил бы внимание на разительное отличие между нами, взводом управления, и его собственными подчиненными, первым дивизионом. Хотя те вернулись «с праздника» гораздо раньше нас, они до сих пор бродили между палаток как зомби: руки вдоль тела, ноги заплетаются, рожи красные, в глазах – слезы. А мы приехали свежие, отдохнувшие, благоухающие ароматом степных трав. Конечно, это должно было показаться подозрительным! Но подозрения возникли только у солдат. Когда мы рассказали им, как провели сегодняшний марш-бросок, мне показалось, что я понял, как звучал «глас вопиющего в пустыне»! А ко мне с ребятами, как я теперь думаю, в тот момент подходило окончание главы: «Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе:

поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся».

Здесь меня можно узнать по противогазу

Закончились «караязы» большой автоматной стрельбой. Не знаю, почему так получилось, но я оказался в том самом оцеплении, только завершилось оно не сбором «арбузной» дани, а форменным хулиганством. Когда гаубицы свое отработали, оцепление сняли, но в лагерь мы не поехали. Командир третьего дивизиона майор Носов сообщил, что нам, оказывается, надо расстрелять несколько ящиков патронов. Разве можно было отказаться от такого развлечения? Причем не знаю даже, кто больше радовался: мы или офицеры. Стреляли по подброшенным в воздух бутылкам, и одиночными, и очередями. Потом стали стрелять по шиферу, оказывается, если правильно в него попасть, так чтобы пуля пробил лист насквозь, а не разнесла его на куски, то получится очень смешной «вжикающий» звук. Настрелялся я тогда от души, даже руки дрожали...

«В прошедшие дни у нас были отменены увольнения, отпуска и пр. Все

– из-за Карабаха. В Тбилиси 26 марта был введен комендантский час, в Сумгаите и Степанакерте улицы патрулировались танками. Грузинское телевидение показывает абсолютно обалденные программы, чтобы люди сидели дома и не выходили на улицы. Для привлечения масс к экранам телевизоров у нас сейчас крутят такие эстрадные программы, что, наверно, и в Прибалтике такого не видят. Но главный козырь сделан на рубрику «Видео, видео», в которой показывают всякую всячину, записываемую на видеокассеты. Начали они с фильмов «Кобра» со Сталлоне и «Коммандо» со Шварценеггером. Так что, представляете, какая у меня теперь служба!? Спать некогда. 30.03.1988 г.»

Тридцатого марта вышел очередной приказ. Министр обороны отправлял домой отслуживших и призывал в армию новобранцев. Следующий приказ уже означал бы, что моя служба закончена! Понятно, что тридцать первого никто из полка не уехал, и не приехал на смену, но ценность приказов заключалась в их символике. Они придавали некую упорядоченность жизни, возвращали в нее ускользавший порой смысл.

А этого ощущения начинало заметно не хватать. Армяно-азербайджанское противостояние подбросило дровишек в другой костер. Уже в самой Грузии начались митинги с требованиями поставить на место абхазов, почему-то не желавших жить вместе с грузинами. Это была история запутанная и запущенная не меньше, чем армяно-азербайджанская. Разве что инкубационный период длился подольше. Абхазов в полку служило всего несколько человек, и вели они себя тише воды, ниже травы. Поэтому грузины все чаще начинали вымещать гнев на азербайджанцах. Не знаю почему, возможно, руководствуясь религиозными критериями. Хотя «вымещение гнева» – это довольно сильное преувеличение. Обычно все сводилось к долгим и громким крикам на стадионе. Грузинская стенка насканивала грудью на стенку азербайджанцев, изрыгала проклятия и угрозы, те отвечали, дело доходило до срывания ремней с намерением размозжить голову противника пряжкой, но тут появлялся кто-нибудь из офицеров и все успокаивались.

Тем не менее русским и украинским новобранцам можно было только посочувствовать. Все говорило о том, что их служба будет здорово отличаться от нашей. И не в лучшую сторону.

Но в целом в полку все обходилось без серьезных инцидентов. Новшество грузинского телевидения пришлось по душе. По ночам все, кто мог, собирались у имевшихся телевизоров и смотрели голливудские боевики. Программу «Видео, видео» вел тот же самый, похожий на

Шеварднадзе, дядька, который раньше рассказывал о фильмах в «Иллюзионе». Теперь «Иллюзион» с его архивными лентами закрыли и стали показывать кино посвежее, побрутальнее и, честно говоря, попроще. Хотя в «Видео» показали, например, и «Крестных отцов». Их на тот момент вышло еще два, но сам факт демонстрации по телевизору производил, как говорится, «эффект разорвавшейся бомбы». Еще совсем недавно за просмотр «Крестного отца» можно было схлопотать срок за распространение порнографии. Но времена стояли такие, что про порнографию никто и не думал, проблемы назрели более существенные. Смешно, но грузины в то же самое время заботились о соблюдении авторских прав. Своеобразно, конечно, но – факт остается фактом. «Видео, видео» называлось программой, демонстрирующей «фрагменты из фильмов»! На самом деле картины показывали целиком, только через каждые минут двадцать следовала пауза, появлялся этот дядька-ведущий, лопотал что-то по-грузински, и показ возобновлялся. Кто после этого мог сказать, что фильм не был «разделен на фрагменты»?

Еще все стали больше и чаще пить. Вино стоило три рубля за трехлитровую банку. Мы, правда, редко расплачивались деньгами, с бензином проблем не существовало. В ВМО традиция «украинизации» службы ГСМ сохранилась, и теперь главным нашим поставщиком работал Толик Хват, из Коростеня. Коростенцев в полку вдруг стало много, с учетом вновь прибывших, десятка три! В каком-то смысле наша компания получила подкрепление. Молодежь держалась чуть настороженно, лишнего себе не позволяла. Зато мы гудели на полную громкость. Удивительно, как я ни разу не попался никому из начальников в пьяном виде?! Помню, хотя и смутно, однажды я так напился, что уже ночью, находясь в казарме, понял: мне срочно нужно привести себя в порядок. Напомню, туалетов в казармах не было, как и умывальников. Нужно было выходить на улицу и отправляться облеγχиться – налево, умыться – направо. Но я просто не мог встать!

На помощь пришел трогательный в своей заботе Тедеша. Взвалив меня на плечи, он вытащил мою бесчувственную тушку на улицу и принял единственно верное решение – повернул направо. До умывальников он меня не донес, я радостно проблевался на полпути, в кустиках напротив входа в вертолетную казарму. Алан потом мне рассказал, что за процессом наблюдал дежурный капитан вертолетчиков. Он стоял у дверей и курил, внимательно следя, чтобы мы не перешли незримую границу и я не начал бы гадить на территории соседней части. Офицер был правильный, поэтому ему и в голову не пришло сообщать нашим командирам, что один

из сержантов этой ночью десять минут «метал харчи» под его окнами.

Мы, конечно, в подобных ситуациях с офицерами поступали точно так же. Однажды, это было еще при Дьяконове, начальник разведки, майор Павлов, сильно перебрал. Положение усугублялось тем, что дело происходило в середине дня. Майора следовало как-то изолировать, иначе ему бы здорово влетело от командира полка. Сначала Павлова транспортировали к связистам. Но оказалось, что это не лучший вариант. Как настоящий разведчик, очнувшись в странном замкнутом помещении, Владимир Николаевич начал искать пути к спасению. Он стал молотить кулаками в дверь и орать дурным голосом. Часовой первого поста, который не застал момент погрузки майора в каморку связистов, находившуюся прямо у него за спиной, не на шутку перепугался. Совместными усилиями майора Павлова втащили обратно на второй этаж и сгрузили под стол в моем кабинете. Там он и забылся сладким сном. Часа через полтора в кабинет вошли начальник штаба и замполит.

– Как он? – спросил Дьяконов.

– Вроде нормально, – ответил я. Все это время я работал над очередной табличкой, поэтому майор Павлов мне мешал, ибо я все время задевал его ногами. Подполковник Лепченко внимательно смотрел на Павлова. У замполита глаза были чуть навывкате, отчего его взгляд приобретал какую-то дополнительную внимательность.

– Слушай-ка, – сказал он, обращаясь то ли ко мне, то ли к Дьяконову, – а он, часом, не помер?

– Володя, Володенька! – Дьяконов был неисправим! Даже сейчас он не мог удержаться от дуракаваляния. – Я ведь тебя зубами загрызу, слышишь, Володенька! – процитировал начштаба Горбатого из «Места встречи».

Майор Павлов молчал и не двигался. Я даже напрягся. Замполит поозирался по сторонам, увидел на подоконнике кружку и набрал в нее воды из стоявшего рядом со столом ведра. Наклонившись к спящему, он начал неторопливо лить воду ему на голову.

– Пашол... на хуй! – напрягшись, майор Павлов выстрелил эту фразу в сторону руки с кружкой и, всхрипнув, перевернулся на бок, лицом к стене.

– Живой, – удовлетворенно произнес замполит, направляясь к дверям.

– Береги командира! Отвечаешь головой! – пискнул на прощание Дьяконов и запрыгал вслед за приятелем.

Я охранял покой майора Павлова до вечера. Еще одно качество, всегда удивлявшее меня в моих армейских начальниках: до какого бы состояния они ни напивались, наступал момент – и человек уже стоял на ногах, в полной боевой готовности.

– Что было? – спросил меня начальник разведки по достижении стадии пробуждения.

– Все в порядке, Владимир Николаевич. Вы спали. Потом подполковник Лепченко полил вас водой, а вы его послали на хуй!

– О! Неужели? Этому Лепченко только дай волю – поливать уставшего человека водой!

И майор Павлов уверенным шагом отправился домой.

В перерывах между пьянками были гулянки. Шутка. Нашу группу таскали по гастролям. В начале апреля мы ухитрились дать концерт на электромеханическом заводе, прямо в одном из цехов. Зрелище вышло то еще: вокруг станки, какой-то производственный мусор, зрители – в рабочей одежде. Пожалуй, это оказался самый странный концерт за всю историю нашего коллектива. Но прошло все хорошо, принимали тепло, песни всем нравились. Собственных песен к этому времени у нас уже было больше, чем чужих.

В это же время вместе с Олегом мы наладили новую схему полкового кинопроката. Поскольку Олег, забиравший в городе фильмы для показа в нашем клубе, как оказалось, имел возможность заказывать ленты, как книги в библиотеке, мы с ним составили целый список из того, что можно посмотреть. Естественно, речь могла идти только о тех фильмах, которые показывали в кинотеатрах самого Кутаиси. Главное, чем горжусь, – я заказал «Полет над гнездом кукушки»! Я его уже видел, но, конечно, еще раз посмотрел в клубе. Не знаю, насколько он пришелся по душе всем остальным, но наша компания осталась довольна.

Такую комбинацию мы с Олегом разыгрывали периодически, делая, конечно, перерывы, чтобы желающие могли посмотреть что-нибудь помимо Милоша Формана. Эту потребность покрывали индийские фильмы. Я даже пару раз сам что-то посмотрел, правда, не целиком и с обратной стороны экрана. Из нашей репетиционной комнаты существовал отдельный выход на сцену, мы ставили кресла и смотрели кино в гораздо более комфортных условиях. Даже курили иногда, дым ведь не видно было. Странно, что никто из нас не додумался продавать билеты в эту «царскую ложу»! Видимо, смекалка временно отказала.

Самым ярким примером негативных последствий проявления смекалки (или креативности, как сказали бы сейчас) был эпизод с сахаром. Главными героями этой истории выступали дежурный по полку майор Шебарин и его же подчиненные по третьему дивизиону, заступившие в наряд по кухне.

Кухня, как я уже говорил, считалась вотчиной взвода материального

обеспечения, а непосредственное руководство ее работой возлагалось на прапорщика Чарлишвили. В постоянный состав его помощников входили повара и хлеборез, также отвечавший за раздачу масла и сахара. По сложившейся традиции, хлеборез в полку был грузином, а повара – таджиками. Всех их (таджиков) звали Джимми, настоящих имен никто не знал. Дело в том, что все представители среднеазиатских республик являлись горячими поклонниками индийских кинофильмов, а всеобщим любимцем был «Танцор диско». Я хоть его и не смотрел, но об актере Митхуне Чакраборти слышал и с песенкой «Джимми, Джимми, Джимми, ача, ача, ача!», разумеется, был знаком. Наши повара постоянно пели эту песенку, за что и заслужили такое коллективное прозвище.

Песни на русском языке они тоже любили. И даже у нас заказывали. Наши отношения с Джимми как раз и строились по принципу натурального обмена. Мы заказывали у поваров что-нибудь специальное к нашему клубному столу. Например, жареную картошку с салом. А они просили запустить по радиотрансляции или исполнить на концерте песню из репертуара Александра Барыкина «Аэропорт». Правда, названия ее они не знали и использовали для идентификации строчку: «Стою у трапа самолета». В версии Джимми она звучала так: «Стою с утра под самолетом». Ну, как тут можно было отказать!

Джимми готовили вполне сносно, хотя, конечно, иногда недостатки в их работе проскакивали. По большому счету винить непосредственно поваров в плохо очищенной картошке в супе было неправильно, ответственность за это нес наряд по кухне. Другое дело, что Джимми надлежало контролировать качество подготовленной продукции, а вот к этой обязанности они часто относились спустя рукава. В том же супе иногда всплывал здоровенный кусок свиной кожи с красочной огненно-рыжей щетиной. Особенно в этих случаях радовались Месхидзе и Сахарашвили. Они хватали эту гадость за волосы и несли под нос единственному полковому чеченцу Даудову. При этом они громко вопили, привлекая внимание: «Чэчэн, чэчэн!» Даудов начинал чертыхаться, материться, что, собственно, от него и требовалось.

Но возвращаясь к истории с сахаром. Наряд по кухне в тот день за что-то обиделся на дежурного по полку. На майора Шебарина, по рассказам, в третьем дивизионе часто обижались, уж и не знаю почему. Возможно, это объяснялось его вспыльчивым характером. Креативщики из наряда по кухне решили его разыграть. Они взяли пенопласт и вырезали из него несколько небольших кубиков, размерами не отличавшихся от кусочков сахара, которые полагались по солдатскому рациону. Для дежурного по

полку накрывался отдельный стол, сахар был такой же, разве что лежал горкой в сахарнице. Шутники немножко затерли пенопластовые кубики, чтобы придать им большее сходство с кусковым сахаром (не рафинадом же!), и положили их в сахарницу.

Собравшийся отобедать майор, как назло, пребывал в самом скверном расположении духа. Аппетита у него не было. Он лениво поплескался ложкой в первом, потом так же лениво поковырялся вилкой во втором и решил просто попить чаю. Схватив кусков пять сахара, он бросил их в кружку и с удивлением увидел, что три кусочка утонули, а два – остались плавать на поверхности. Майор Шебарин попытался утопить их чайной ложкой, но странный сахар уворачивался и упорно стремился вверх.

– Дежурный! – закричал майор. – Дежурный!

– Да, товарищ майор. – Голос, послышавшийся откуда-то издалека, дрожал в предвкушении развязки.

– А что такое с сахаром?

– Ох, товарищ майор, с сахаром прямо беда! Чарли получил со склада какую-то новую партию, совсем не растворяется! Пока растает – весь чай остынет!

Майор Шебарин чертыхнулся и начал с остервенением давить пенопластовый сахар ложкой. Не выдержав истязаний, кубик, наконец, пискнул... Повисла пауза. Шебарин, видимо, уже осознавая, что ему не понравится то, что он сейчас узнает, подцепил кусочек ложкой и отправил в рот.

– Убью, сука!!! – Дежурный по полку вскочил, едва не опрокинув обеденный стол, и начал судорожно хвататься за кобуру, – Кто это сделал? Убью скотину на месте!

Узнать, кто это сделал, не удалось. Наряд по кухне в полном составе сбежал из помещения столовой и скрывался до самого вечера. Благо им уже делать было нечего, их уже ждала смена. А докапываться до истины майор не стал. Видимо, решил, что дополнительная реклама этой дурацкой истории ему не нужна. Но, конечно, она все равно стала всем известна...

По моему мнению, эта история осталась самым красивым армейским розыгрышем за все время моей службы. Кстати, сразу должен сказать, что никаких жестокостей типа пресловутого «велосипеда» – когда спящему засовывают между пальцами ног бумажки, а потом поджигают – у нас не было. Ни в учебке, ни в войсках. В учебке по ночам мы чаще всего экспериментировали с водой. Ну, например: правда ли, что спящий человек может обмочиться прямо во сне, если как можно теплее укутать его выше пояса, одновременно обнажив ноги, и переливать воду из кружки в кружку

прямо над его ухом? Отвечаю – ничего подобного! Хотя, возможно, мы просто неверно выполняли условия опыта. Или в учебке все спали очень крепко, не реагируя на звук. А вот на что реакция следовала, так это на другой водный опыт. Задача: взять швабру, прислонить к спинке койки над головой человека, к концу ручки привязать кружку с водой. Потом веревку закрутить как можно туже и отпустить. Веревка начинала разматываться, в конечной точке спуска кружка дергалась, выплескивая часть воды на лицо спящего. Он резко просыпался, садился на койке и стучался лбом о кружку – ха, ха, ха!

В Кутаиси популярностью пользовался т. н. «обезьяний поход». По три человека взбирались на спинки койки с каждой из сторон. Это были «обезьяны». По правилам, они должны были несколько минут – хотя бы одну-две – просидеть в полной тишине и неподвижности. Это редко кому удавалось, потому что все на это смотрели и всех разбирал смех. Затем заранее выбранный «вождь обезьян» издавал воинственный клич, и вся стая «отправлялась в поход», то есть просто падала на спящего. Признаю, это развлечение выглядело довольно травмоопасным, но никто ни разу не пострадал.

Другой сложнопостановочный трюк считался недостаточно эффективным с точки зрения конечного результата. Койку со спящим человеком просто поднимали на руки и выносили на улицу, чем дальше от казармы, тем лучше. К сожалению, увидеть процесс пробуждения жертвы розыгрыша не всегда удавалось, да и таскать тяжелые кровати мало кому нравилось. А на учениях к молодым солдатам очень хорошо применялась «змея в кровати». Требовалось, всего-навсего, найти относительно тонкую веревку, например самый обыкновенный бумажный шпагат, и незаметно подложить ее на матрас под простыню. Веревка обязательно должна была быть тонкой, чтобы спящий ее не почувствовал, как принцесса – горошину. Хвостик веревочки оставляли в пределах досягаемости и, когда человек засыпал, шпагатик осторожно вытягивался из-под простыни: спящий в ужасе вскакивал на ноги в полной уверенности, что у него по кровати ползает змея. Именно поэтому этот розыгрыш и применялся только в Караюзах. Там змеи были, а в Кутаиси – нет.

«Сейчас в наших краях стало вроде поспокойнее, правда, всякие ЧП происходят, как обычно. Так, вчера в соседней части застрелили солдата. В карауле. Он лез через забор, а часовой его шлепнул. В общем, скандал. 18.04.1988 г.»

У нас тоже произошел скандал, только какой-то несерьезный. Начиналось все очень даже драматично – пропал без вести капитан Кораблев, один из «противотанковых» офицеров. Утром пришел на службу, вечером, по свидетельствам очевидцев, отправился домой. И больше его никто не видел. С учетом того, что дорога от полка до военного городка занимала, от силы, минуты четыре, версии исчезновения капитана Кораблева ни к кому в голову не приходили. Спустя несколько дней, поскольку о нем не было ни слуху, ни духу, а семья у капитана отсутствовала, командование самостоятельно решило готовиться к траурной церемонии. Подготовка заключалась в сборе денег на похороны. Я, правда, так и не понял, кого собирались хоронить и какие к тому были предпосылки, тело-то ведь не обнаружили. Но раз начальство сказал: «Хоронить!» – значит, будем хоронить. Я целую неделю ходил по квартирам офицеров штаба и напоминал, что нужно сдать в партком такую-то сумму. Ее удалось собрать почти полностью, когда последовала команда: «Отставить!»

Капитан Кораблев нашелся живым и относительно здоровым. Причина его отсутствия в полку оказалась, как нетрудно догадаться, самой банальной. Встретив по дороге домой какого-то местного знакомого, капитан принял его приглашение зайти в гости. Приятное времяпрепровождение несколько затянулось, но, по всей видимости, капитан пребывал в самом счастливом расположении духа, в котором до «наблюдения часов» как-то руки не доходят. В общем, я опять начал по вечерам ходить в городок, теперь уже для того, чтобы вернуть собранные на похороны бедолаги деньги. Многие офицерские жены, кстати, говорили, что вся эта дурацкая история напоминала им эпизод с Бубликовым из «Служебного романа», который «сначала умер, а потом он – не умер»...

Перед майскими праздниками нам устроили очередное развлечение. Прямо на территории полка организовали сборы запасников. Я и раньше догадывался, что т. н. «партизаны», мужики, в разных званиях ранее отслужившие положенный им срок в рядах Советской армии, личности экзотические и фактурные, но увиденное превзошло все мои ожидания.

С нашими «грузинскими партизанами» игра «в войнушку» продолжалась две недели. На стадионе развернули любимый ППЛС, поставили палатки, и толпы бородатых абреков с утра до вечера бродили по полку и его окрестностям, пугая местное население. Партизаны все как на подбор оказались горцами, причем я, по-моему, небезосновательно, подозревал, что большинство из них никогда в армии и не служили. Занятия по строевой подготовке в эти дни били все рекорды по

популярности. Их, правда, быстро отменили, потому что выходила на плац лишь мизерная часть участников сборов, да и они маршировали настолько «кто – в лес, кто – по дрова», что желание продолжать с ними занятия быстро пропадало даже у самых терпеливых офицеров. И даже у самых вредных. Партизаны моментально освоили кратчайший маршрут до продуктового магазина, расположенного прямо напротив нашего КПП, чем, несомненно, порадовали его дирекцию. Вряд ли за эти две недели был выполнен план менее чем на полгода.

Заставить их отвечать требованиям, предъявляемым к внешнему виду военнослужащего, пожалуй, стало самой трудной задачей. Аборигены искренне не понимали, почему их заставляют коротко стричься и брить бороды, если через несколько дней им опять придется возвращаться в горы, где далеко не везде ощущалось приближение мая. Не стоит и сомневаться в том, что и этот бастион устоял. В общем, когда сборы подошли к концу, все вздохнули с облегчением: и их участники, и их организаторы. В первую очередь, потому что партизаны своим внешним видом вносили смятение и сомнение в души личного состава полка: «Почему им можно, а нам нельзя?»

Добиваться послушания от солдатской массы проще всего было за счет ужесточения требований к внешнему виду. Основным индикатором выступала яркость бляхи ремня. Можно, конечно, было обращать внимание на головной убор, на то, как отглажена рубашка для парадной формы или на чистоту сапог и ботинок, но бляха ремня играла роль абсолютного показателя, потому что сразу бросалась в глаза. Если бляха была начищена, она ярко сияла на солнце, если – нет, выглядела эдакой «черной дырой» на солдатском пузе и, опять же, привлекала внимание.

Лучезарный блеск этой части обмундирования достигался за счет применения какой-нибудь мягкой тряпочки, желательно войлочной или фетровой, и странной субстанции под названием «паста ГОИ».

Я долгое время пытался понять, какое отношение это вещество имеет к великому испанскому художнику, но ответ узнал лишь после службы. Разумеется, Гойя оказался совершенно ни при чем. Слово «ГОИ» оказалась аббревиатурой, расшифровывавшейся как «Государственный оптический институт». Именно в его недрах когда-то и появились на свет эти зеленые кристаллы. Можно было просто потереть таким кусочком медную поверхность, но рекомендовалось все же найти заранее пропитанные веществом обрывки ткани, чтобы в процессе шлифовки добиться необходимого результата. Шлифовкой это занятие, естественно, никто не называл, использовался глагол «пидарасить». Возможно, подспудно это

слово обозначало некий протест против армейской рутины и необходимость постоянно заниматься чем-то неинтересным и нудным.

В конце апреля новое письмо, с нового места службы, прислал Дьяконов. Его перевели в Мазари-Шариф, с повышением в должности, но, как ни странно, потерей в деньгах. Евгений Петрович объяснял, что его нынешняя должность считалась менее опасной, чем прежняя. К тому времени уже стало понятно, что Советская армия скоро уйдет из Афганистана, но судьба военных советников оставалась неясной. Существовала довольно высокая вероятность того, что им придется задержаться. Возможно, негласно. «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» Так что в каком-то смысле положение моего бывшего командира напоминало положение всей нашей компании. Мы, в общих чертах, знали, когда уедем домой, но точной даты совершенно себе не представляли.

Но переживать по этому поводу было некогда, приближались майские праздники, и нас просто с головой накрыла концертная волна. Выступления следовали одно за другим. 30 апреля мы отыграли вечер отдыха для офицеров. Пели в полковом офицерском кафе, куда пришли офицеры со своими женами. Получилась приблизительно такая же дискотека, что и в городском клубе офицеров, только для более взрослой публики. Как потом заметил кто-то из ребят, у сегодняшней аудитории «танцы выглядели поквadratнее», но на общем впечатлении это никак не сказалось.

Отправляемся на шоу

На Первое мая назначили большой концерт уже в самом городке.

Как и в любом другом уважающем себя населенном пункте в нашем городке имелась собственная площадь. Небольшое пространство между стоящими в квадрат домами заполнялось газонами, песочницами и качелями. Их можно было легко сдвинуть в сторону, что высвобождало довольно много свободного места для зрителей. Сценой служил грузовик, у которого откидывался один борт. На нем мы укрепляли ударную установку и усилители с колонками.

Наша концертная площадка

Для богатой хореографии во время шоу места уже не хватало, конечно, но никто с грузовика не падал. Более того, старший лейтенант Мелешко ухитрился представать перед начальством самым активным участником действия: он влезал на грузовик, брал в руки неподключенную гитару, засовывал шнур под первый попавшийся усилитель и изображал, что играет. После чего спускался вниз и пробирался сквозь толпу к тому или иному начальнику, чью похвалу надеялся заслужить.

Нам же вполне хватало обожания зрителей. Группа «Филиал» уже превратилась в звезду «общекутаисского» масштаба, но самые преданные поклонники, конечно, жили в нашем военном городке. Как настоящие рок-музыканты, мои коллеги обзавелись горячими фанатками из числа девчонок-старшекласниц, учившихся в русских школах. Отношения эти оставались абсолютно целомудренными и не дававшими поводов для беспокойства – офицерские дочки и сами не были дурочками, да и мы с ребятами совершенно не нуждались в дополнительных неприятностях. Для укрощения зова плоти в городе существовал соответствующий контингент, а наши фанатки были ценны тем, что создавали на концертах настроение настоящего шоу, заводя остальных зрителей.

Программы уличных концертов с того момента строились по раз и навсегда утвержденному плану. Начинали перед самым закатом, чтобы посмотреть концерт могли и самые маленькие. Сначала пели чужие, советские песни, а с наступлением темноты в ход шли переделки непатриотичной западной музыки. Особый восторг вызывало еще и то, что в этой части программы зажигалась самодельная, но от этого не менее крутая, цветомузыка.

Почти все наше оборудование было самодельным: от афиш до усилителей и гитарных примочек. Афиши рисовал я, а ребята отвечали за начинку нашей аппаратуры и инструменты. Тедеша, например, мог перетянуть барабан! А с дополнительным оборудованием был напрямую связан единственный эпизод использования спецэффектов на наших концертах.

Второго и седьмого мы отработали еще две дискотеки в Доме офицеров. Так вот, седьмого, уже в самом конце, когда мы на второй бис (!) отыграли «Поднимается ветер», на последних нотах с оглушительным грохотом взорвался усилитель бас-гитары, выпустив густой и черный клуб дыма прямо под потолок. В этот момент я понял значение слова «публика неистовствовала»!

Мы с Олегом демонстрируем новую афишу

После седьмого мая у нас образовалась пауза в концертах. Ребята чинили сгоревший усилитель, а я готовил традиционную «магнитофонную» дискотеку. Несколько дней я провел на разных квартирах у молодых офицеров, переписывая с магнитофона на магнитофон песни самых популярных на тот момент звезд. Что-то я получил из дома, от друзей, чем-то поделились сами офицеры, но компиляция для Кутаиси весны 1988 года вышла неплохая. «Гвоздями программы» были, как мне помнится, австриец Фалько, с «Rock Me Amadeus» и «Jeanny», «Silent Circle» – очередные немцы, певшие на английском: «Stop The Rain In The Night» почему-то многие называли как «Stop The **Reagan** In The Night»! Вот что политинформация с людьми делала, всюду-то им Рейган мерещился. И еще голландский дуэт «Video Kids», нечто совершенно запредельное и по манере исполнения – такими «буратининскими» голосами, когда вокал записывался и воспроизводился на разных скоростях, – и по содержанию. Насколько я помню, их пластинка, которая в конце восьмидесятых звучала «из каждого утюга», называлась «Вторжение космических дятлов». Или как-то еще, в том же роде.

Засилье немецкой «попсытины» я пытался компенсировать за счет последних записей (из того, что удалось достать) Dereche Mode, Джимми Самервилла и проверенной временем классики. Без русских песен и без западного рока (он еще не очень приветствовался, хотя по ночам во «Взгляде» по телевизору показывали и Metallica, и, страшно сказать – W.A.S.P.) получился настоящий марафон часа на три. В стране сказывался голод по зарубежной музыке. Это, кстати, подтвердили и бухгалтерские отчеты. Чистая выручка от магнитофонной дискотеки составила 176 рублей, очень приличные деньги по тем временам! Наши концерты тоже «продавались» в Доме офицеров неплохо, 45–55 рублей с концерта. Деньги, разумеется, шли не нам, а самому Дому офицеров, но мы получали другие бонусы. Например, эту магнитофонную дискотеку я проводил в «гражданке». Мама шила мне совершенно невообразимую одежду – широкие штаны, какие-то косоворотки, в общем, все, что только можно было вообразить в восьмидесятые годы с их «галлюциногенной» эстетикой. Я настолько обнаглел, что ходил в «гражданке» по городу. На то у меня имелась личная индульгенция от начальника штаба корпуса, полковника Стрельцова. Он распорядился, чтобы я не проводил дискотеку в военной форме, поскольку мероприятию планировалось придать исключительно

«гражданский» характер.

Миром, правда, закончить не удалось. В лучших традициях провинциальных танцев все завершилось грандиозной поножовщиной в туалете. Обозленные ранним, как им показалось, уходом с праздника русских девчонок, хорошо поддаые местные юноши решили выяснить, кто же из них в этом виноват. Возможно, поэтому магнитофонных дискотек в Доме офицеров больше не проводили, и моя «гражданка» отправилась на длительное хранение в клуб, в коробку с книгами.

В это время я запоем читал Фазиля Искандера. С ним меня познакомил один из немногочисленных абхазов, служивших в полку, Леварс Бутба. Он был художником по полученной до армии специальности, и в полку отвечал за наглядную агитацию – рисовал воспитательные плакаты. Например, у нашего клуба стоял стенд, на котором голубоглазый блондин в форме рядового сидел за столом с книжкой в руках, а под его изображением красовался лозунг: «Армия – школа культуры!»

Леварс Бутба – второй слева

Что Леварс делал в армии, я решительно не понимал. Во-первых, ему

исполнилось 28 лет, во-вторых, у него было двое детей, в-третьих, у него за плечами имелось высшее художественное образование. С учетом всего вышеперечисленного, перманентная щетина на его лице создавала впечатление, что я общаюсь с человеком гораздо старше меня, настоящим аксакалом. Мы с Леварсом познакомились традиционно.

Он зашел ко мне в кабинет попросить что-то из понадобившейся ему канцелярщины. А у меня на столе лежал «Огонек», раскрытый на одном из рассказов про Чика.

– Нравится Искандер? – спросил он меня тихим, каким-то болезненным голосом.

– Очень! – искренне обрадовался я, потому что до этой журнальной публикации книг Искандера я не читал.

– Тогда тебе надо «Сандро из Чегема» почитать! – посоветовал Бутба и советом не ограничился. Через пару дней он принес мне зачитанный «тамиздатовский» томик. Полного «Сандро» в СССР напечатали только через год, но к тому времени я уже искренне и глубоко влюбился в эту книгу. Что же говорить о моих чувствах, когда много лет спустя я познакомился и с самим автором!

Так что, можно сказать, Леварс открыл для меня целый мир. К моему огромному сожалению, мы с ним потеряли контакт после демобилизации, он уволился раньше меня. Так часто бывает. Что-то кажется малозначительным, не стоящим внимания пустячком, а потом этот пустяк превращается в проблему или, что еще хуже, потерю. Когда я все это писал, я узнал, что в 2007 году Леварс Алексеевич Бутба скончался в Сухуми в возрасте сорока семи лет. Председатель Объединения Свободных Художников Абхазии, автор эскиза высшей государственной награды Абхазии, ордена «Честь и слава», кавалер этого ордена, создатель множества живописных работ, мой замечательный армейский, совершенно «не военный» друг... Мы с ним много общались. Не знаю, что его во мне привлекало, а меня в нем – неподдельная интеллигентность и искренняя любовь к своей стране. Леварс мог рассказывать об Абхазии бесконечно. Самое удивительное, что в его рассказах не было ни назидательности, ни высокомерия, ни тщеславия. А присутствовали – чувство юмора, самоирония и образность мышления. Хотя а каким же должен быть настоящий художник! У нас с ним существовала такая игра: мы придумывали абхазские фамилии. Так, самым высоким абхазом мира признавался человек по фамилии Столба, самым быстрым – Шайба, а самым глупым – Дуба, хотя, конечно, таких фамилий не существовало. Вообще, он очень смешно рассказывал об абхазском языке. По мнению

Леварса, этот «птичий» язык, с огромным количеством свистящих звуков, был самым трудным языком на планете. Мне, конечно, так не казалось, хотя наличие буквы «а» в начале почти каждого слова определенно озадачивало. В армейской традиции переделывать все в похабный анекдот, этот парадокс имел следующее объяснение: «Абхаза спрашивают: «Почему у вас все слова на «а» начинаются? – «А хуй его знает!» Леварс никогда матом не ругался, поэтому приводил свой пример, гораздо более тонкий: «Как сказать по-абхазски: «Гагарин улетел в космос»? – «Агагарин акосмос афьюить!»»

Орден «Честь и слова Абхазии»

А вот это (опять буква «а»!) уже было чистой правдой, доказательство красовалось на любой пачке сигарет «Космос», выпущенной в Сухуми. Там размещалась следующая надпись: «Акосмос», и, чуть ниже: «Акласс

афильтр змоук асигареткуа». Эти сигареты были предметом всеобщей гордости. Грузины, не упускавшие ни единого случая обругать что-либо абхазское, сухумский «Космос» превозносили до «космических высот». Существовала распространенная версия, что табак для этих сигарет присылали из самой Америки, с плантаций «Филипп Моррис». Типа, табак шел на изготовление настоящего американского «Мальборо», а отходы присылали в Сухуми и там делали сигареты «Космос»! Но даже то, что речь шла о производственных отходах, никак не могло умалить качества продукции, ведь все остальные сигареты не могли идти с сухумским «Космосом» ни в какое сравнение.

Цена это подтверждала. Сухумский «Космос» стоил рубль за пачку! При этом царствовавший тогда на прилавках болгарский табак выше 60 копеек никогда не поднимался, а самые распространенные в нашей среде сигареты «Родопи» или «Стюардесса» стоили еще дешевле. Отчасти конкурентами могли считаться элитные, как нам говорили, армянские сигареты – «Ахтамар» и «Арин-берд». Но сравнивать их с другими было практически невозможно, потому что в городе их не продавали, так что приходилось верить армянским рассказам и ждать почтовых оказий, потому что иногда эти сигареты ребятам из Армении присылали в посылках.

«Сразу после праздников (с похмелья, что ли) прокатилась целая волна ЧП. В том числе и в нашем полку. Из всех ЧП (а за неделю, даже за пять дней, произошло три случая со смертельным исходом) наше происшествие – самое загадочное. Если в одной части один солдат просто убил второго ножом, то в другой части случай произошел как в плохом фильме. Часовой, стоявший на посту, решил развлечься и стал стрелять в воздух, у нас это – обычное дело. Но не прямо в небо, а – параллельно земле. И случилось, что он попал в окно проходившего недалеко от поста поезда, и убил какого-то старика, который смотрел в окно! А в нашем полку виноватого, вообще, наверно, не найдут. 16.05.1988 г.»

История с сержантом Беловым оставила у меня очень неприятный осадок. И вовсе не потому, что он покончил с собой. Я его и знал-то всего пять дней, но особо впечатлительные сослуживцы на полном серьезе стали меня бояться. Дело было так.

Числа восьмого ко мне в кабинет зашел майор Строев, начальник строевой части, и привел высокого сержанта, который, как выяснилось, только что прибыл в наш полк. По призыву он оказался моим ровесником, то есть прослужил почти полтора года, а в Кутаиси его перевели из

Венгрии. Майор сказал, что ему нужно некоторое время для оформления документов, и пусть пока, мол, новичок посидит у меня в кабинете, узнает что-нибудь о жизни в нашей части непосредственно от своего будущего сослуживца. Я что-то такое рассказывал, парень по большей части слушал, сам говорил не слишком много, но обронил, что собирается после срочной службы подавать документы в военное училище.

Я этому удивился, потому что впервые встретил человека с таким странным для призывника желанием. На том наш разговор и наше общение вообще и закончились. Сержанта Белова направили в противотанковый дивизион. Вечером мы с ребятами сидели в «чапке», солдатской чайной, трескали какие-то сладкие булки и запивали их газировкой. В этот момент мимо заведения по дорожке протопал сержант Белов, шел он, как я хорошо запомнил, из городка в сторону казармы.

– Глядите! Вон – самоубийца идет! – пробурчал я с набитым ртом. На логичные вопросы: «Кто это?» и «Почему самоубийца?» – я ответил подробным рассказом о моем знакомстве с этим парнем. И все согласились, что за полгода до дембеля мечтать о военном училище – желание странное и малообъяснимое. И на этом все про сержанта Белова забыли.

А тринадцатого мая вспомнили. В полшестого утра, задолго до обычного «затяжного» подъема (была пятница), все моментально проснулись и оказались на ногах, как только вбежавший в помещение дневальный прямо с порога заорал дурным голосом:

– Вставайте, вставайте, эй! Белов повесился!

Вот на это последнее слово все и среагировали, бросившись на улицу прямо в белье. Солнце еще не взошло, но было достаточно светло, чтобы разглядеть, что новичок висел неподвижно на нижней ветке большого дерева, которое росло перед входом в казармы разведчиков, ремроты и противотанкового дивизиона. Он и так был высокого роста, а сейчас, похоже, еще больше вытянулся, почти касаясь ногами земли. Все, кто прибежал, а прибежали почти все, смотрели на труп, переговариваясь отрывистыми тихими фразами.

Появились первые офицеры. Дежурный по полку велел мне отправляться в городок и будить командиров. Я уже успел одеться. Бежать со всех ног полуголым, чтобы посмотреть на повесившегося, мне показалось странным. Да и жутковато было: я-то ведь помнил, что несколько дней назад назвал его самоубийцей! Однако до городка я не добежал, подполковник Жилин, по-прежнему исполнявший обязанности начальника штаба, уже мерял своими длиннющими ногами асфальт по территории полка.

– Андрюха, ты к замполиту не ходи. И к Ивану тоже, я уже ему сказал. Что там?

– Повесился новенький, – на ходу бросил я. – Но мне еще к Андрееву надо!

– Валяй, – буркнул Жилин. Я добежал до квартиры замкомандира полка, разбудил его звонком в дверь и, извинившись, сообщил о ЧП. Через десять, максимум пятнадцать минут все начальники собрались под деревом. Тело сняли с ветки, положили на лавочку под деревом и накрыли принесенным из казармы одеялом.

– А ну, давай, расходись! – зычно гаркнул Жилин. – Командиры, займитесь своим личным составом! По распорядку дня, считайте, что только что был подъем. – В толпе началось слабое шевеление. – Вперед, вперед! Пошли!

Не знаю, кто из ребят вспомнил про мои слова первым, но Олег и Игорь обратились ко мне одновременно.

– Ну, Нор, и глаз у тебя черный!

Как-то сопротивляться и оправдываться было почти невозможно! Я же на самом деле так сказал. Оказавшиеся поблизости молодые молдаване быстро усекли, о чем шла речь, и побежали рассказывать остальным. К обеду весь полк знал, что за пять дней до случившегося я предсказал самоубийство человека!

На самом деле никакой мистики, конечно, в этой истории не было. Позже выяснилось, что у сержанта Белова еще на гражданке диагностировали шизофрению, и в своей части в Венгрии он уже дважды пытался совершить самоубийство. Почему он вообще оказался в армии, почему его не отправили домой сразу же после первого случая, зачем его перевели к нам – все это уже совсем другая история. Для меня главное было избавиться от приклеившегося ко мне образа прорицателя, потому что некоторые, особо не отягощенные интеллектом и падкие на всякие тайны сослуживцы очень стали надоедать своими просьбами предсказать им будущее.

По настоящему мистических историй ни со мной, ни с ребятами в армии не происходило. Все рано или поздно получало логическое объяснение. За одним исключением – истории, когда над нашим полком пролетели НЛО.

Почти в самом конце мая, еще не поздним вечером, в постепенно сгущавшихся сумерках я шел в клуб. Как только я выбрался из кустов и направился к зданию по заасфальтированной аллее, из-за крыши клуба выплыли пять круглых, слабо светящихся пятен. Своими размерами каждое

из этих пятен напоминало Луну, какой мы ее видим в полнолуние. Только они были не такие яркие. По отношению друг к другу пятна сохраняли неподвижность, а все вместе, образовав подобие то ли запятой, то ли серпа, медленно двигались мне навстречу. Относительно высоты их полета я ничего сказать не могу, так как невозможно было к чему-либо привязаться, чтобы сравнить. В полной тишине загадочные пятна продолжали свой путь по небу. Поскольку я провожал их взглядом и уже повернулся почти на сто восемьдесят градусов, я обнаружил, что являюсь далеко не единственным человеком, стоящим, задрав голову вверх.

В конце концов НЛО, а я их так окрестил практически сразу, как только увидел, скрылись в деревьях над городом, и началось бурное обсуждение увиденного. Тот, кто не был свидетелем этого эпизода, конечно, рассказу не верил. Аргументация звучала просто: «Пить надо меньше!» Но я в тот вечер был абсолютно трезв! Утром, чтобы развеять горячие споры, мы, как всегда, бросились к нашему неисчерпаемому информационному источнику. От связистов из штаба корпуса стало известно, что необычные объекты в небе над Кутаиси действительно наблюдались! Более того, чтобы узнать природу явления, в воздух поднялись и направились в погоню несколько вертолетов, которые, к сожалению, объекты не догнали. Спор очевидцев и скептиков, таким образом, тоже не привел к единому результату. Я, например, факт вертолетной тревоги трактовал как очевидное подтверждение моей теории о НЛО, а сомневавшиеся – напротив, утверждали, что раз вертолеты ничего не увидели, то и говорить-то, по сути, и не о чем.

О чем-то я задумался во время концерта

Мы в эти дни репетировали очередную дискотеку в городке. Предстоящий концерт должен был стать последним для существующего состава группы. Сашка Чистов и Серега Черноземов – клавиши и бас-гитара – скоро увольнялись, поэтому мы не только разучивали новые песни, но и пробовали новых музыкантов. Олег, в принципе, уже выбрал в качестве замены Черноземову Витьку Траповского, но с клавишами все оказалось сложнее. В принципе, можно было пересадить за синтезатор Тедешу, но тогда «обнажался тыл» в виде ударной установки, а найти барабанщика оказалось гораздо сложнее, чем клавишника. Еще пару репетиций, в паузах, мы продолжали обсуждать историю с НЛО, а потом переключились на эпическое сражение с крысой.

Грызуны были, пожалуй, нашей основной проблемой. Мыши – те особенной головной боли не доставляли, а вот крысы!.. Перед ними устоять не могли ни картонные, ни фанерные коробки. Все, что требовалось сохранить в нашей репетиционной комнате, мы прятали в железные ящики. И все равно периодически обнаруживали новые потери. В этот раз, как всегда после отбоя, мы пришли в клуб какой-то очень уж большой компанией. Когда Олег открыл дверь и щелкнул выключателем, мы

увидели большущую крысу, сидевшую прямо посреди комнаты и тарасившую на нас свои блестящие глазки. Первым в себя пришел Хват.

– Парни, это – крыса! – заорал он. – Это она жрала наше сало!

Я в первый и в последний раз в жизни видел своими глазами, как крыса не смогла вовремя отреагировать на физические действия человека. Хват молнией бросился вперед и сапогом прижал крысу к полу.

– Давай, давай! Что-нибудь дайте мне! – вопил он в приступе какого-то пароксизма. Кто-то перебросил ему ведро, которое Хват нахлобучил на крысу. Дальше начался суд. Я, как человек, в доме которого всегда жили животные, выступал за помилование преступницы. Но куда мне с моим миролюбием было тягаться с фактом дикого, вопиющего преступления – порчи сала, присланного в посылке! Мои друзья хохлы остались непреклонны. Участь крысы была решена большинством голосов.

Где бы ни находился Толик Хват, у него всегда под рукой находился бензин. Я не знаю, за счет чего наш полковой гээсэмщик добивался этого эффекта, но бензин он нашел и в этот раз. Ухитрившись каким-то образом, волоча ведро по земле, вытащить крысу на улицу, Хват нырнул куда-то в клуб и вышел оттуда уже с канистрой и куском фанеры в руках. Фанеру он использовал как крышку, быстро перевернул ведро, а потом плеснул туда бензин. Но крыса просто так сдаваться не собиралась! Мы предусмотрительно отошли подальше, когда вмиг вспыхнувший в ведре факел вдруг вырос в размерах! Пылающая крыса выпрыгнула из ведра и бросилась напрямиком на Хвата, как будто знала, кто именно ее казнил. Хотя было уже довольно темно, я отчетливо увидел, как гээсэмщик побледнел. Впечатление, конечно, было жуткое! Все-таки в крысах есть какая-то inferнальная составляющая, и я эту пылающую и нападающую на своего обидчика крысу запомнил надолго!

Десятого июня от нас уехал подполковник Сидоренко. Афганистан, как место продолжения службы, ему уже не грозил, туда уже никого не посылали. Уехал командир куда-то в центральную часть нашей, на тот момент еще необъятной, страны, и в полку теперь оказалось два и.о. – начальника штаба и командира. Временно опять обратились к внутренним резервам, исполнять обязанности назначили подполковника Андреева. Он приступил к делу с завидным рвением и тут же оконфузился.

Был затеян ремонт трибуны, которая стояла на плацу. Вообще-то она почти никогда не использовалась по назначению. Но по особо торжественным случаям с этой трибуны, как с Мавзолея, наши офицеры и приезжие высокие начальники принимали парад личного состава 130-го артиллерийского полка. Почему трибуну решили отремонтировать, никто

толком не знал. Круглых дат вроде бы не намечалось, да и выглядела она не столь плачевно, чтобы ее срывать. А трибуну именно срыли. Более того, на ее месте выкопали здоровенную яму под новый фундамент. Однако из-за капризов погоды работы пришлось приостановить. Над Кутаиси на несколько дней зарядили проливные дожди, и яму до краев заполнила вода, моментально ставшая светло-коричневого цвета от перемешавшихся песка и глины. Это и подвело нашего и. о.

На свой первый развод в качестве командира части подполковник Андреев согнал на плац всех, даже офицеры присутствовали почти в полном составе, а не один-два, как обычно. Официальная процедура прошла быстро и без каких бы то ни было накладок. Но когда командир дал команду «Правое плечо вперед, шагом марш!», он сделал несколько шагов назад. Так всегда поступал офицер, проводящий развод: чтобы пропустить проходящую колонну.

Андреев уже поднял руку к козырьку, готовясь отдать честь, и... Правильно! Провалился в этот строительный котлован, предательски притаившийся у него за спиной. Глубина у ямы была небольшой, метра полтора, и жизни подполковника Андреева ничего, конечно, не угрожало. Но дело-то было не в физическом ущербе, а в моральном! Полк, уже начавший свое движение, стал постепенно останавливаться. Строй разваливался и сгибался пополам, потому что никто не мог сдерживать хохота. Громче всех, по-моему, смеялись офицеры, хотя некоторые, напротив, стояли в растерянности, не зная, как им на все это реагировать. Подполковник Андреев тем временем выбрался из ямы – на дальний берег – и, держа фуражку в руках, не оглядываясь, направился в штаб, оставляя после себя мокрый, грязный след... В общем, принял командование, что говорить!

Разговоров хватило на неделю, до самого восемнадцатого числа. Восемнадцатое июня 1988 года было одной из самых важных вех моей армейской летописи: на этот день выпадали сто дней до приказа!

Это сочетание слов несло в себе какой-то сакральный смысл. Можно было и не знать самого этого слова – «сакральный», но значение события чувствовалось на подсознательном уровне. Мне даже казалось, что сам приказ об увольнении производил не столь мощное впечатление, как эта дата, приближение которой ожидалось со все возрастающим душевным трепетом. На всех календарях и календариках в полку за пару месяцев до этого момента появлялись кружочки и галочки, отмечавшие очередной закончившийся день, очередной шаг на пути к светлой и так долго недостижимой цели.

Телепрограмма «Утренняя почта»

Месхидзе и Сахарашвили считали время по «Утренним почтам», едва ли не самым популярным в советское время развлекательным программам Центрального телевидения.

Каждое воскресенье в расположении раздавались их гортанные крики: «Шесть «Утренних почт» осталось! Шесть!»... Три «Утренние почты» осталось! Три!»... Две «Утренние почты» осталось! Две!» Много лет спустя, на одной из церемоний вручения премии телевизионной Академии ТЭФИ, я рассказал эту историю Юрию Николаеву. Юрий Александрович очень удивился. Оказывается, он коллекционировал рассказы, связанные с «Утренней почтой», но мои армейские наблюдения превзошли все его ожидания.

При этом фактическое наступление даты в сто дней до приказа совершенно не означало того, что и служба закончится через три месяца. Потому что по достижении статуса дембеля советский призывник терял возможность логически вести летоисчисление. Никто не знал, когда конкретно ему сообщат, что он может отправляться домой. После «ста дней» оставалось только ждать и надеяться.

Разумеется, такое историческое событие каждый раз отмечалось по высшему разряду. Но, смею предположить, что наши «сто дней» побили все прежние рекорды.

В тот день я с Толиком Ерошенко заступил в городской патруль. Погода с утра не задалась, и всю первую половину дня лил дождь. Поскольку в кино ничего интересного не показывали, сразу после развода патруля в комендатуре мы с Толиком сели в автобус и вернулись в полк. Был еще ранний вечер, до отбоя времени оставалось навалом. Я сразу направился в клуб, где в репетиционной нашел Игоря и пару наших «поклонниц». Они только что принесли нам какие-то гостинцы: колбасу, фрукты и домашнюю выпечку к праздничному «стодневному» столу. А теперь эта троица о чем-то весело трепалась, вспоминая последнюю дискотеку. Я присоединился к компании, и мы проболтали часа полтора, не меньше.

Толик же отправился в штаб, в свою «квартиру». Тимошенко «работал» полковым почтальоном, он забирал корреспонденцию на почте в городке и приносил письма в полк, где сортировал по подразделениям и раздавал адресатам. Толик занимал помещение на третьем этаже под вывеской «Радиорубка». Там стояли проигрыватель, магнитофон, микрофон, в который можно было делать объявление на весь полк, и еще какие-то необходимые для работы маленькой радиостанции устройства. Ну, и, разумеется, остальное пространство обустроивалось под личные нужды. В шкафу можно было хранить форму или, например, «гражданку». На моей памяти никто из офицеров ни разу не проверял эти «вольные земли» типа моего кабинета или радиорубки. Исключение составляла лишь каптерка

связистов у «первого поста», но только по причине исключительной вредности начальника связи полка капитана Козлова. Это был единственный офицер, который не имел собственного прозвища. Его фамилия в сочетании с именем (а звали его – Лев!) всем казалась вполне самодостаточной.

В тот день в каптерке Ерошенко в шкафу лежала посылка, присланная нашему общему приятелю Славе Цветкову из города Камышина. Цветков получил известность в полку как «Паук» или «Паучара». Это объяснялось его ростом и длиной конечностей. В посылке красовался огромный вяленый лещ, что представлялось вполне естественным, с учетом географического положения города. Камышин стоял прямо на берегу Волги, вернее, Волгоградского водохранилища, поэтому с рыбой там проблем не возникало, даже в не самые зажиточные времена заката советской эпохи. Кроме леща, разумеется, наличествовала огромная бутылка самогона, и все эти радости были засыпаны подсолнечными семечками. Семечки играли роль съедобного упаковочного материала.

Как выяснилось позднее, в преддверии этого Цветков припас еще и несколько бутылок пива. Пиво в Грузии популярностью не пользовалось, но его можно было купить в магазине. Мы, конечно, всегда делились друг с другом всем, чем можно было поделиться, съестным – в первую очередь. Но к этому времени наш армейский статус уже достиг таких запредельных высот, что не существовало даже намека на какой-либо дефицит. Так что уже позволялось что-то самому себе, без рефлексии по поводу того, как это соотносится с законами солдатской дружбы.

Мы с Игорем прекрасно знали, что Ерошенко с Цветковым собрались провести небольшую разминку перед ночным торжеством, поэтому просто наслаждались чудесным процессом ничегонеделания, который в какой-то момент грубо прервало появление на пороге нашей репетиционной комнаты рядового Гасанова из третьего дивизиона. Рядовой Гасанов был знаменит по двум причинам. Во-первых, он был очень высокий, пожалуй, самый высокий азербайджанец в полку. А во-вторых, однажды, стоя в ночном карауле на первом посту, он так сильно заскучал, что решил заняться онанизмом. За этим невинным занятием его застал дежурный по полку, в кои-то веки решивший вдруг что-то проверить. По рассказам, зрелище впечатляло! В левой руке рядового Гасанова находился автомат, с примкнутым штыком (первый пост, как-никак!), а в правой руке – предмет, напоминающий, конечно, штык-нож, но только отдаленно...

Гасанов распахнул дверь так резко, что мы все даже подпрыгнули от неожиданности.

– Чего сидите? – заорал он – Ерошенко разбился!
– Как разбился? – одновременно воскликнули мы с Игорем.
– Как разбился! Из окна разбился! – снова закричал Гасанов, отчаянно размахивая руками.

Некоторое недоверие к его словам продлилось недолго, всего несколько секунд. Уже на бегу крикнув девчонкам, чтобы они прикрыли за собой дверь, мы со всех ног бросились в полк.

Мы обогнули здание с тыльной стороны, с той, куда и выходило окно из комнаты Толика. Но его самого мы не увидели, поэтому с удвоенной скоростью помчались дальше. Вконец запыхавшись, мы взлетели на третий этаж.

Дверь в радиорубку была распахнута настежь, а в самой комнате стояли замполит и и. о. начальника штаба. Лепченко и Жилин молча озирались по сторонам, пытаясь воссоздать картину случившегося. А картина была следующая. На столе стояла открытая початая бутылка, цветом своего содержимого не оставлявшая никаких сомнений в собственном предназначении. Сам стол, застеленный газетой, густо усыпала кожура от семечек и рыба чешуя. На полу, притулившись у ножки стола, грустил посылочный ящик, в котором валялись несколько пустых бутылок из-под пива. На спинке стула аккуратно размещалась Толькина парадная форма, и все это великолепие густо сдабривалось невыразимым ароматом вяленой рыбы, пива и самогонки.

– Ну? – как всегда лаконично обратился к нам замполит Лепченко, когда мы, толкаясь плечами, стали протискиваться внутрь.

– Баранки гну! – ответил за нас Жилин, бросив с высоты своих почти двух метров испепеляющий взгляд. Как будто мы с Ярмлюком были в чем-то виноваты!

– Что случилось? – спросил я, потому что спрашивать что-либо иное казалось каким-то странным. Впрочем, и этот вопрос выглядел неуместным.

– Это ты меня спрашиваешь? – ернически переспросил Жила.

– А мы не знаем ничего, мы в клубе были, – ответил Игорь.

– А ты почему в парадке? – опять спросил Жилин.

– Мы с Ерошенко в патруле. Только пораньше вернулись.

– Пораньше!.. Чтобы нажраться, да?

– Да что вы, товарищ полковник! Мы же из клуба прибежали, нам Гасанов сказал.

– А с кем он пил? – пока Жилин продолжал свой допрос, замполит изучал место происшествия, постепенно приближаясь к раскрытому окну.

Задавать такие вопросы было делом бессмысленным, и подполковник это прекрасно знал.

– Мы не знаем, – так уверенно заявил Игорь, что начальник штаба прекратил тратить на нас время. Тем более на наших лицах, видимо, было написано такое явное недоумение, что это наше якобы незнание подробностей ЧП становилось вполне правдоподобным.

Выдержав минутную паузу, Жила не выдержал и взорвался.

– Блядь! Так как он все-таки из окна-то выпал? – заорал он, непонятно к кому обращаясь.

Замполит, ценивший каждое свое слово на вес золота, выдал, возможно, самую длинную фразу в своей жизни.

– По всей видимости, товарищ полковник, сержант Ерошенко выпал из окна в силу непреодолимых физических обстоятельств, например в силу земного тяготения.

Лепченко наконец добрался до окна, выглянул на улицу и сразу осекся.

– Он срал из окна, что ли? – как бы сам у себя спросил замполит.

– Да ладно тебе, Вить, скажешь тоже! – начальник штаба совсем сбился на неформальный тон. – Как это – срал из окна?

– Так это, – повернулся к нам замполит, – Вон же, говно на колонке!

Мы с Игорем бросились к окну, непочтительно оттолкнув в сторону и начальника штаба, и замполита. Прямо под окном рубки находилась одна из многочисленных колонок, с помощью которых на территории полка осуществлялась радиотрансляция. Колонка была длинной и очень узкой, тем не менее, на ее верхушке аккуратно разместилась небольшая, но на удивление дерзкая кучка. Не знаю, как у вас, а у меня иногда в сознании возникают странные неуместные ассоциации. В тот момент я почему-то вспомнил фрагмент из «Мальша и Карлсона», когда Карслон играл в кубики, а потом сбежал, и вернувшийся в комнату Малыш увидел на полу возведенную «лучшим строителем в мире» высокую башню из кубиков, на самом верху которой лежала «маленькая, кругленькая, мясная тефтелька»...

Жилин, которому даже не пришлось приподниматься на цыпочки, прямо через наши головы перегнулся вниз и издал какой-то звук, не то хмыканье, не то покашливание.

– Ну, понятно все, – в отличие от нас, начальник штаба не «завис» над оставленными Толиком следами, а сразу обнаружил неоспоримые доказательства, складывавшие запутанную мозаику в единое целое. – Вон, провод оборванный... Он, видать, за него ухватиться пытался.

Так оно и было. Хронология событий выглядела следующим образом. Поднявшись на третий этаж, Ерошенко и Цветков начали отмечать наши

«сто дней». И, видимо, не рассчитали. Пара килограммов семечек и один – пусть и большой – вяленый лещ оказались явно недостаточной по своему объему закуской, способной минимизировать негативные последствия одновременного употребления внутрь пива и самогонки. Цветков в какой-то момент из радиорубки ушел, а Толик остался, занявшись какими-то своими делами. Через какое-то время он почувствовал, что пришла пора срочно опорожнить кишечник. Оценив собственные силы, он решил, что идти в туалет, которых, еще раз напомним, в самом здании не было, в его состоянии рискованно. Можно было нарваться на дежурного по полку или на кого-то еще из офицеров, потому что в полку их еще оставалось много. И тогда ему в голову пришел гениальный план: он решил воспользоваться окном. Или опять же, вспоминая Карлсона, лучшим в мире мусоропроводом! «Высота падения мусора – двадцать метров!»

Это утверждение было справедливо вдвойне. Во-первых, потолки в нашем здании построили весьма высокими, поэтому номинальный третий этаж казармы вполне соответствовал пятому этажу традиционной хрущевки. Не знаю, набиралось ли там двадцать метров, но уж не меньше пятнадцати было, это точно. Во-вторых, мы все время выбрасывали из окон самый разнообразный мусор, который потом собирали дневальные. В том числе вылетала на улицу и стеклянная тара с мочой. Отсутствие туалетов все-таки причиняло ужасные неудобства! Кабинетный солдат, по каким-то причинам не желавший бежать в туалет за километр, находил подходящую баночку, делал свои дела, а потом не без интереса выкидывал ее в окошко... Честно говоря, сейчас я и сам как-то не очень верю в это, но... Что было, то было.

Толик, как мне кажется, рассуждал так: если существует риск «спалиться» по дороге в туалет или обратно, нужно воспользоваться традиционным методом. Вот только почему он решился на столь радикальный способ? Можно было бы использовать что-нибудь подходящее, а потом выкинуть в окно! Но это – на трезвую голову, а Толик тогда этим похвастаться никак не мог. Взгрозившись на подоконник, наш несчастный приятель на какое-то время озарил окрестности видом своей белой задницы (у солдат задницы и ноги всегда были белыми, потому что все остальное тело быстро чернело от загара), но не удержался на скользкой от только что закончившегося дождя поверхности и полетел.

На его счастье, грохнулся он прямо на глазах у медбрата Славы, который вышел из санчасти покурить. Тот моментально бросился к Толику и сумел быстро организовать его госпитализацию. Но разбился Ерошенко крепко: переломы рук и ног, сотрясение мозга, разрыв селезенки, ушибы

целой кучи других внутренних органов. Говорят, что пьяным везет... Может, так оно и есть. А может быть, дело в том, что организм у нашего летуна оказался крепким, как никак – почти профессиональный боксер. Но скорее всего все закончилось хорошо благодаря совокупности этих факторов, умноженных на блестящую работу хирургов в городском госпитале, собравших Толика по кусочкам.

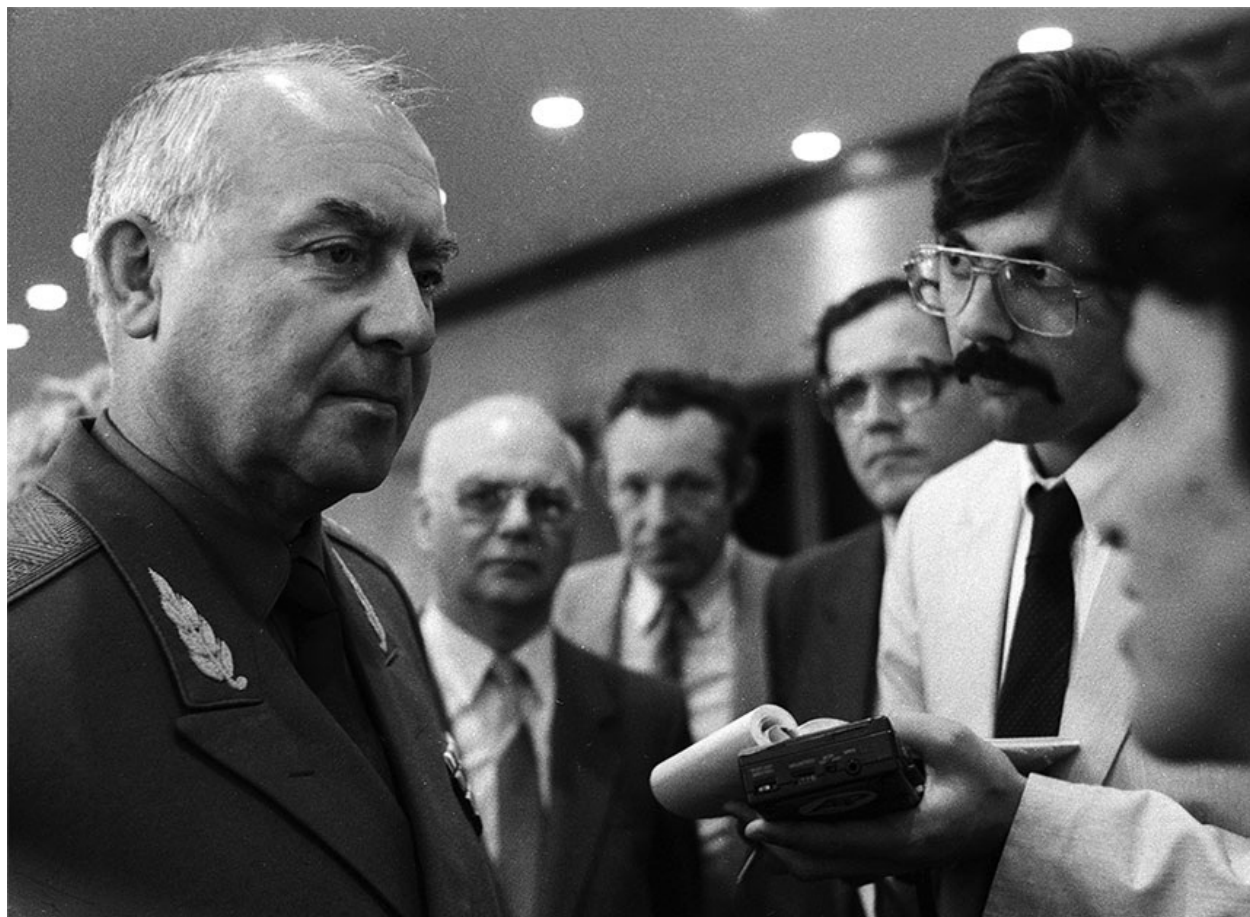
Когда мы потом приезжали его проведать, самым трудным для Тольки было не смеяться. Не смеяться Ерошенко и так-то не умел, а уж когда мы начинали дразнить его, в красках описывая его же приключение, получившее название «Яйца над пропастью», то из-под километров бинтов раздавалось только жалобное: «Замолчите, идиоты, мне смеяться больно!»

«Яйца над пропастью» заслуженно вошли в список самых ярких происшествий не только в жизни нашего полка, но и всего Закавказского военного округа. На следующее после исторического полета утро штаб округа проводил традиционную планерку, в том числе собирая данные о происшествиях за минувшие сутки. На связи в Тбилиси находился лично командующий войсками округа, генерал Родионов.

Толик среди зрителей. Уже восстановился после своего исторического полета

Мы с Игорем Николаевичем Родионовым, как оказалось, буквально бежали друг за другом. Он появился в Закавказье позже меня, в апреле 1988 года. Зато приехал из моего родного Московского военного округа, первым заместителем командующего которого он стал летом 1986-го, за несколько месяцев до моего там появления. Не исключено, что генерала Родионова направили на Кавказ со вполне однозначной задачей – не допустить дальнейшей эскалации конфликтов. После погромов в Сумгаите стало очевидно, что события в регионе в любой момент могут выйти из-под контроля, и вполне вероятно, что армии пришлось бы заниматься выполнением не совсем привычных для нее задач. Косвенно эта версия подтверждалась еще и тем, что генерала назначили не только командующим войсками округа, но и военным комендантом Тбилиси. Впоследствии я только укрепился в своем предположении, когда вызревавший на протяжении семьдесят восьмого года нарыв лопнул в Тбилиси весной семьдесят девятого, уже после моего возвращения домой.

Игорь Родионов, в 1988 командующий Закавказским военным округом

В ночь на 9 апреля 1989 в Тбилиси войска разогнали митинг грузинской оппозиции у Дома правительства. Погибли 19 человек, по самой распространенной версии – в результате давки и ран, нанесенных саперными лопатками. Так называемая «комиссия Собчака», которая потом проводила расследование, так и не установила, кто отдал приказ на вытеснение людей с площади.

Многие утверждали, что приказ этот отдал именно командующий округом. Так или иначе, жесткость генерала Родионова если и не привела к решению самой грузинской проблемы, то сыграла положительную роль в его карьере. Ситуация в Грузии последовательно ухудшалась, и тбилисские события лишь привели к всплеску популярности Звиада Гамсахурдия, в итоге ставшего президентом. В нашем полку лидера грузинских националистов абхазы и осетины называли не иначе как «Змияд», а в Москве я столкнулся с новой для меня поговоркой: «Геморрой и Гамсахурдия». Что же до генерала Родионова, то Игорь Николаевич уже в августе 1989 года был переведен обратно в Москву и в конце концов занял, хоть и ненадолго, пост министра обороны.

Тбилисские события 9 апреля 1989 года

Но все это произошло потом. А в тот день генералу Родионову сообщили, что в 130-м артиллерийском полку в Кутаиси произошло ЧП: из окна выпал военнослужащий. Диалог пересказали, конечно же, наши штатные «уши» из штаба корпуса.

– При каких обстоятельствах? – пробасил генерал. Сначала повисла пауза, а потом из Кутаиси раздалось какое-то нечленораздельное мычание.

– В чем дело? При каких обстоятельствах, я спрашиваю!

– Э-э-э, при отправлении естественных надобностей, товарищ генерал! – набравшись духу, отрапортовал дежурный из Кутаиси. Опять пауза, только теперь уже в Тбилиси.

– Он срал из окна, что ли? – генерал слово в слово повторил вчерашний вопрос нашего замполита.

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну... Он хоть живой?

– Так точно, товарищ генерал!

Полученные ответы настроили генерала Родионова на философский лад.

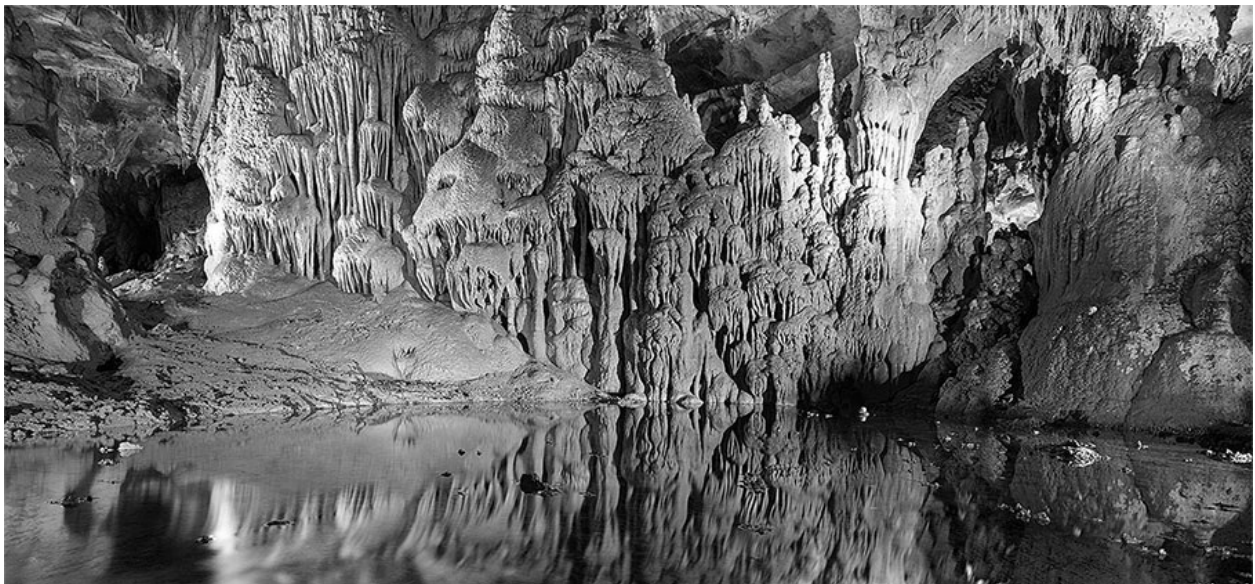
– Сколько лет уже служу, но такого случая не припомню! – заключил он и перешел к следующему вопросу.

Вот так мы отметили наши «сто дней до приказа». Хотя нет, празднование мы продолжили большой увольнительной в Цхалтубо, куда отправились вместе с нашими девчонками. Знаменитый курорт располагался совсем рядом с Кутаиси, всего в девяти километрах и я, как человек любознательный, очень надеялся, что смогу побывать в Сатаплийских пещерах, чтобы своими глазами увидеть следы динозавров.

Цхалтубо. Олег и наши поклонницы

К сожалению, сделать этого мне не удалось. План поездки пришлось переиграть, потому что Олегу просто необходимо было закупиться какими-то одному ему известными товарами, так что все свелось к однодневному шопингу с попутным посещением заведений общественного питания. Мое разочарование усугубилось знакомством с пивом, произведенным на этом славящимся своими целебными источниками курорте. Зачем в Грузии в целом, а в Цхалтубо в частности, варили пиво, я не знаю до сих пор. Но все еще искренне считаю цхалтубское пиво самой мерзкой разновидностью этого напитка в мире.

Сапаллийские пещеры со следами динозавров

Еще через пару дней грянул другой праздник, повторения которого уже больше никогда не было. 22 июня футбольная сборная Советского Союза обыграла итальянцев в полуфинале чемпионата Европы. 2:0! На ушах ходили все, но наши хохлы – в особенности. Шутка ли: пятнадцать человек в составе сборной представляли киевское «Динамо». И пусть мы не стали чемпионами, а Беланов еще и ухитрился в финале не забить с пенальти голландцам, положив руку на сердце, все понимали, что случившееся – прыжок выше головы. Конечно, в том же году, в октябре, золото советские футболисты все же завоевали, на Олимпиаде в Сеуле. И мы тоже смотрели эти матчи, и тоже болели изо всех сил, но... Олимпийские футбольные награды, при всем уважении к самому институту Олимпийских игр, не могли сравниться по престижности с медалями европейского первенства.

Как это ни странно, но нам самим поиграть в футбол удавалось редко. Я даже не знаю почему. Стадион у нас был вполне приличный, находились мы в Грузии, где футбол любили, но до того, чтобы побегать с мячиком по травке, дело доходило всего пару раз. Видимо, причины следовало искать в заформализованности нашей жизни. Не было нигде указано, ни в каких уставах, что солдатам по воскресеньям положено играть в футбол! Этот вид спорта «праздничным», в отличие от кроссов и подтягиваний на перекладине, не считался. Налиествовала бы в каком-нибудь регламентирующем документе такая строчка, глядишь, и веселее проходили бы наши спортивные мероприятия. А что касается меня, то в этом случае я бы точно в них участвовал!

Поэтому душевное отдохновение я продолжал искать в нашем музыкальном творчестве и в походах в кино. Очередным фильмом, который я посмотрел, стала «Легенда о Нараяме», почти совсем свежий, восемьдесят третьего года, лауреат Каннского фестиваля. На моей кутаисской памяти это был единственный фильм, для показа которого в городе ввели дополнительные сеансы после одиннадцати часов вечера. Не хочу показаться предвзятым, но, как мне казалось, дикий ажиотаж вызывала вовсе не сама рассказанная история, а то, как она была рассказана! Все-таки «дремучесть» в развитии советских кинозрителей в те времена проявлялась очень часто. И не только кинозрителей.

Июль 1988 года, мой день рождения. Мама фотографирует нашу с братом прогулку по Кутаиси

Большая страна походила на лоскутное одеяло, состоявшее из множества кусочков, не похожих друг на друга ни по цвету, ни по фактуре. А наша армия все эти индивидуальные кусочки смешивала в одну кучу. Как

правило, малоудачно. Был у нас один литовец, Прашавичюс. Если в Литве существует понятие глухой провинции, то вот он являлся ее представителем. Иногда впечатление складывалось такое, что Прашак вообще в своей жизни ничего не видел, ни о чем не слышал и ничего не знал, кроме каждодневного тяжелого крестьянского труда. Любимым развлечением многих было дразнить Прашавичюса рассказами о кутаисском метро, которого в городе, конечно, не существовало. Но наивный сельчанин, попадая в увольнительную, каждый раз отправлялся в центр и искал в подземном переходе под площадью вход на станцию. А когда он возвращался в полк и рассказывал, что опять не нашел никакого метро, в его разведывательном дивизионе все делали круглые глаза и удивлялись: «Как так, не нашел? Не может такого быть!»

Кончились все эти розыгрыши печально. По крайней мере, по тому, что я знал к моменту своего увольнения. Дело было в нашем полковом туалете. Он, конечно, не производил столь колоссального впечатления, как сортир в гарнизонном карауле в учебке, но все равно оставался сооружением эпического масштаба. Летом, прежде чем разместиться на его просторах, рекомендовалось некоторое время как можно энергичнее потопать по полу в запланированном для «размещения» районе, что объяснялось мерами безопасности. Шум и вибрация распугивали крыс, обитавших в туалете и свободно перемещавшихся из-под земли на поверхность и обратно через отверстия для приема твердых отходов организма. Туалетной бумагой мы не пользовались. В смысле, бытовой туалетной бумагой. Ее заменяла периодическая пресса, благо этого добра хватало. Например, в округе выходил армейский пропагандистский журнал «Красный воин». Когда его корреспонденты приезжали в полк, что происходило один раз в несколько месяцев, главной задачей становилось не попасть на глаза журналистам. Существовал риск, что они будут задавать вопросы, которые впоследствии выльются в статью, не дай Бог, иллюстрированную. В каждом номере «Красного воина» печатали такую величальную рубрику, что-то типа «Наши передовики» или «Равняемся на лучших». Корреспондент делал фотографию военнослужащего, потом в редакции на основе этого фото создавали рисунок, который позже и украшал одну из страниц издания. Естественно, никто не хотел, чтобы его портретом, пусть и размещенным под столь приятным заголовком, все потом дружно вытирали задницы.

Уборка туалета распределялась между подразделениями полка. Дежурство длилось по две недели, а на кого конкретно возлагались эти обязанности – это уже решалось внутри самого взвода или дивизиона.

Командир разведывательного, в котором служил Прашавичюс, предложил ему сделку: он убирает туалет в одиночку, в течение всех двух недель, а его в качестве поощрения отправляют в отпуск. Прошак честно отпахал четырнадцать дней по колено в дерьме, после чего командир объявил ему, что пошутил. Прошака увезли с психическим расстройством. Надеюсь, у него все сложилось хорошо, хотя в полку он больше так и не появился.

Столь демонстративное унижение подчиненного со стороны командира вообще-то для полка было редкостью. Конечно, далеко не все наши офицеры становились настоящими «отцами солдат», скорее наоборот. Но проявлялось это не так фактурно. Да и сами солдаты с сержантами отвечали начальникам взаимностью. Мне чаще всего доводилось наблюдать за офицерами первого дивизиона, с которым мы жили в одной казарме. Командовал им, как я уже говорил, майор Чатов. Летом ему дали подполковника. Майор, который, на мой взгляд, и так отличался немного зашкаливающим уровнем самодурства, на радостях полдня гонял дивизион по плацу, здороваясь с личным составом. Поскольку, как я опять же уже говорил, у нас не принято было называть подполковников подполковниками, ответное приветствие дивизиона звучало, как «Здравия желаем, товарищ полковник!» Теперь уже подполковник, Чатов на глазах увеличивался в росте и ширине плеч, и, казалось, совсем не слышал летевшего в спину шипения всевозможных и многоязыких проклятий.

Полной противоположностью квадратному Чатову выступал стройный и подтянутый начальник штаба первого дивизиона, старший лейтенант Важа Надибаидзе. Его не любили за принципиальность. Мне иногда казалось, что Важа, а его все так за глаза и называли, вообще не человек, а какой-то механизм. Он всегда идеально выглядел, его невозможно было увидеть плохо выбритым или недостаточно опрятным, даже в пустыне он явно предъявлял к себе повышенные требования, но точно так же относился к остальным. Не дай Бог, какому-нибудь солдату довелось бы пройти мимо Важи, не отдав ему честь! Не повышая голоса, тот произносил спокойным, ледяным голосом: «Товарищ солдат!» И начиналась экзекуция. Невежа ходил мимо Надибаидзе туда-сюда строевым шагом до тех пор, пока старший лейтенант не приходил к выводу, что урок усвоен. За демонстративную жесткость начальника штаба дивизиона не жаловали все, кроме местных. Грузин же раздражало то, что он никогда, даже в, казалось бы, неформальной обстановке, не говорил на грузинском языке. Только на русском. Поэтому Надибаидзе слыл карьеристом и папенькиным сыном. Я не мог знать, так ли это было на самом деле, хотя свержательная карьера старшего лейтенанта наводила на

определенные мысли. Он носил погоны с тремя маленькими звездочками в тот момент, когда я приехал в полк, а через полтора года Важа уже стал майором. Говорили, что его отец – большой военный начальник. Опять же из области догадок: начальником автомобильной службы Закавказского округа тогда служил генерал Вардико Надибаидзе, будущий министр обороны Грузии. Впрочем, это не имело особенного значения. Если уж что-то к человеку в армии приклеивалось, то оставалось с ним навсегда.

Майор Сивин, замполит первого дивизиона, на всем протяжении моей службы в Кутаиси оставался наиболее карикатурным персонажем в офицерских погонах. Удивительно, как он вообще мог существовать в таких условиях. Относительно спокойно он мог чувствовать себя разве что в присутствии того же Надибаидзе, потому что авторитет коллеги отражался и на него. Чатов был плохим защитником, полновесная порция проклятий осыпалась на их головы равномерно. Если же Сивин вдруг появлялся в расположении дивизиона один, начиналось такое, что вообще невозможно представить! В казарме мы могли ходить в тапочках, обычных таких «шлепках», без задника. Так вот эти тапочки тут же летели в тщедушную замполитовскую спину. Он оборачивался, хватал тапок, с руганью бросался в сторону, откуда тапка была запущена, но приводило это все лишь к тому, что теперь тапка поражала его уже с противоположной стороны. Процесс повторялся, сопровождаясь все более усиливающимся хохотом и улюлюканьем. То есть правила поведения, применимые к низшим слоям армейской иерархии, в точности распространялись и на высшие. Стоило кому-то из офицеров «дать слабинку», как стая сжирала его с косточками, несмотря на должность и количество звезд на погонах!

«Недавно слышал, как в городке кто-то крутил нас на магнитофоне. Ребята рассказали мне подробности свадьбы, на которой играли. Дым коромыслом! И драки, и слезы, и танцы, и шманцы, и чего только не было. Однако, «гвоздем программы» был признан один прапорщик нашего полка, который, находясь в приподнятом настроении, сел прямо в торт! 27.07.1988 г.»

Поддержание приподнятого настроения – вполне понятным способом – окончательно превратилось в повседневный процесс. Возможно, этому способствовало продолжающееся «безвластие», в полку по-прежнему отсутствовали командир и начальник штаба, их заменяли и.о. Более того, на новое место службы засобирались и замполит, но его все-таки не отпускали до тех пор, пока в часть не прибыло новое руководство. Произошло это в

конце июля – начале августа. С интервалом в несколько дней новым командиром полка стал подполковник Ухов, а новым начальником штаба – майор Кашин. Оба они первое время жили в городе, в гостинице, потому что в городке, по каким-то причинам, квартиры для них были еще не готовы.

Ремонт офицерских квартир входил в прямые, хотя и негласные, обязанности личного состава. Курировал процесс, как правило, заместитель командира полка по вооружению подполковник Жильцов, большущий усатый дядька, который как огня боялся своей жены, женщины не менее выдающихся габаритов, хотя и без усов. Она совершенно не придавала значения военной субординации. Могла заявиться в городок вместе с кем-нибудь из детей (а в этой семье детей было на удивление много – то ли пять, то ли семь человек!), найти мужа, схватить его за грудки и начать громогласно выговаривать, что там-то и там-то течет крыша, а там-то и там-то до сих пор не прошлись краской во второй раз. Зам по вооружению тряс головой, стараясь как можно быстрее согласиться с предъявленными ему претензиями и прекратить публичную экзекуцию. Думаю, на самом деле его жена и отвечала за эту часть быта полкового военного городка. На разводе – почти как в фильме «Операция «Ы» – следовала команда: столько-то бойцов из такого-то подразделения отправить на такой-то объект. Плюс к этому многие офицеры выписывали одного-двух человек по собственной надобности. Некоторые – в будние дни, мои начальники – по выходным. Я, например, несколько воскресений подряд провел на крыше гаража майора Ларцева, которую мы заливали какой-то гадостью, напоминающей битум.

Пока новые начальники жили в Кутаиси, каждое утро за ними отправлялся персональный автомобиль. Штатным водителем командира служил какой-то сержант из Литвы, фамилии его я уже не помню. В этот момент он как раз находился в отпуске, поэтому обязанность возложили на Витьку Хорьковского, очередного житомирца.

Хорек славился в полку своим удивительным аппетитом. Причем в данном случае это следует понимать и как любовь к пище, и как пристрастие к представительницам слабого пола. В идеале обе эти «любови» должны были объединяться в единое целое.

Кстати, это на первый взгляд трудноисполнимое условие претворялось в жизнь без особого труда. В таких случаях необходимо было обращаться к своеобразным, я бы сказал, «маркитанткам» – в негативном, приписываемом этому слову, значении. Одна из таких барышень по имени Света проживала на первом этаже, что представляло дополнительные

удобства ее посетителям. Однажды Хорек решил пообедать у Светы, но по каким-то причинам задержался с началом визита, упустив, как выяснилось, свой шанс. Как рассказывал потом сам виновник этого «облома», водитель упоминавшейся мною штабной «колбасы», Сашка Слюсарев, он сидел у открытого окошка и покуривал, ожидая, когда на кухне закончится процесс приготовления чего-то сытного и обильного. В какой-то момент, отвлекшись от романтического лицезрения луны, Слюсарев увидел торчащий из травы зад, который медленно приближался к дому. Остановившись в паре метров от окошка, зад спрятался, а на его месте появилась голова Хорька.

– Света! – свистящим шепотом начал завывать Хорек. – Свееетааа!

Реакция Слюсарева не заставила себя долго ждать. После третьего, сдвоенного, вызова – «Света, Света!», он высунулся из окна по пояс и гаркнул изо всех сил:

– А ну, пшол на хуй отсюда!!!

По его словам, последовавшее отступление Хорька напоминало бегство ящерицы от какого-нибудь грозного хищника: никого не видно, только заметно, как трава шевелится все дальше и дальше от места событий. Хорек потом все отрицал, конечно, но ему никто не поверил. Во-первых, потому что он вообще любил заливать по любому поводу, так что веры ему никакой не было, а во-вторых, потому что славой человека исключительной честности пользовался в нашей компании другой Витька – Траповский.

Трап был удивительным человеком. Он не то чтобы не врал, он просто не видел смысла в том, чтобы что-то придумывать. Изъяснялся он столь лаконично, что незнакомые с ним люди часто делали ошибочный вывод, приписывая Витьке доведенную до состояния идеала интеллигентность. На самом деле по сравнению с Трапом Эллочка-людоедка выглядела настоящим Цицероном. Для выражения любой мысли ему хватало двух слов: междометия «ну» – с вопросительным или восклицательным знаком – и глагола: «Ебет». Почти всегда с вопросительной интонацией. Приведу пример. Когда Трапа отправили в незапланированный отпуск, хоронить отца (у многих моих друзей семьи был неполными из-за разводов родителей), он ухитрился за эти несколько дней еще и жениться. На вопрос: «Ты что, правда женился?» – он отвечал: «Ну!» А на проясняющее: «Как же так – и свадьба, и похороны?» – следовало безапелляционное: «Ебет?»

Высшим проявлением жизненной индифферентности Траповского все единогласно считали историю, приключившуюся с ним однажды во время

наряда по КПП. Днем он позвонил мне в кабинет.

– Нор?

– Я.

– Приходи хавать!

– К тебе приходите, на КПП? – спросил я. Мы вроде ничего не планировали, поэтому я и удивился.

– Ну!

– А чего там у тебя, много? – опять спросил я. – Ребят звать?

– Ну! – снова буркнул Витька и повесил трубку.

На обед мы – человек шесть – отправились на главный полковой КПП. У Трапа там была, как принято говорить, «накрыта поляна»: на столе лежали хлеб, колбаса, газировка, фрукты, зелень. Обрадованные этим неожиданным изобилием, мы накинулись на угощение. Темп по традиции задавал Хорек.

– А откуда это все? – спросил Мороз, уже после того, как с набитыми животами мы развалились на затянутых дерматином диванчиках в комнате отдыха.

– Из магазина, – вполне логично ответил Трап, но это не удовлетворило интерес собравшихся.

– А чего, перевод был, что ли? – сказал Ерошенко. На лице нашего полкового почтальона появилось легкое сомнение. Он явно не помнил, чтобы приносил Траповскому извещение.

– Не, – Траповский по-прежнему был немногословен.

– Так откуда ты бабки-то взял? – тут уж и я не удержался от вопроса. Хотя и предполагал, каким будет ответ.

– Ебет? – Трап, похоже, и сам уже был не рад тому, что позвал нас всех разделить с ним эту трапезу. Но теперь остановить допрос было уже невозможно. На него насели все сразу и в конце концов наш сфинкс сдался.

– Голубой приходил.

Повисла пауза. Каждый из нас пытался понять, что он только что услышал. То, что по ночам на первый КПП иногда приходил проживавший через дорогу гомосексуалист, очевидно, один из самых несчастных жителей Кутаиси (думаю, причины его несчастий – вполне понятны), всем было хорошо известно. Но смысл Витькиных слов пока от нас ускользал.

– Зачем приходил? – Мороз задал дурацкий вопрос. Все знали, что ночной посетитель предлагал дежурным заняться с ним, в качестве «принимающей стороны», оральным сексом. До сих пор я ни разу не слышал о том, чтобы его просьбы увенчались успехом.

– Ебет? – опять риторически спросил нас Траповский.

– Ну... Да! – неуверенно подтвердил Олег.

– Так это... В рот просил, – разъяснил ему Витька.

Ерошенко как-то по-женски, срывающимся голосом, выдохнул:

– Так ты чего, ему в рот дал?

– Ну! А бабки-то откуда? – наш приятель, очевидно, был расстроен и общей непонятливостью и отсутствием ярко выраженной благодарности.

– Блядь, – сквозь зубы процедил Хорек и выбежал из комнаты на улицу. Блевать. Со своей всеядностью – во всех смыслах – он ухитрялся сочетать гипертрофированную брезгливость. Всех остальных подробности ночного заработка Траповского нисколько не оскорбили и не расстроили. Наоборот! Авторитет нашего друга, как человека, которого ничто не может выбить из колеи, под раскаты хохота взлетел на дополнительную высоту.

Однако вернемся к истории, начало которой осталось немногим выше. Хорек выехал за командиром полка, но как только штатный командирский «газик» миновал шлагбаум, двигатель заглох. Все попытки реанимировать его к успеху не привели. С КПП позвонили в штаб, чтобы вызвать другую машину, а наш взвод, который как раз возвращался с завтрака, развернул «газик» и стал дружно толкать его к штабу.

Тут меня посетила гениальная мысль. В кабину мы посадили нашего Женю, недавно появившегося в полку москвича с грозной по нынешним временам фамилией – Кличко. На самом деле Женя ничем не походил на знаменитых братьев-боксеров. Он был худенький, маленький, совершенно безобидный, да еще и в кругленьких очочках. Женя сел на место командира, а я побежал вперед.

У штаба курили несколько офицеров, туда-сюда сновали только что позавтракавшие солдаты, да к дверям приближался караул, менять часового на первом посту. Я же спрятался под деревом. Ребята в это время растолкали «газик» до такой степени, что он уже был в состоянии пару десятков метров катиться самостоятельно, тем более что дорога шла под горку. Скрипнув тормозами, машина остановилась. Тут я заорал страшным голосом: «Полк, смирно!»

Такую команду должен был подавать дежурный по части при появлении на территории командира полка или какого-то более высокого начальства. Дежурный, естественно, знал, что в машине никакого командира нет, он ведь пару минут назад сам распорядился отправить за ним другой автомобиль. Поэтому команды и не давал. Но все остальные-то были не в курсе! «А мужики-то не знали!» Офицеры побросали под ноги бычки, караул и все празднующиеся остановились, вытянув руки по швам. И, надо отдать должное Кличко, мы с ним об этом не

договаривались!

Вальяжно выбравшись из машины, Женя громко хлопнул дверью и пискнул:

– Вольно!

Пару секунд все молча хлопали глазами, пытаясь понять, что произошло. Первым раскололся дежурный по штабу, за ним другие офицеры, а потом уже и все остальные. Самым довольным, по-моему, был рядовой Кличко, пусть и всего несколько мгновений, но командовавший целым артиллерийским полком!

Полноценное же руководство нашей частью для подполковника Ухова и майора Кашина началось с ЧП. На первых порах ничего особенного не отмечалось – замначальника штаба, майор Ларцев ушел в запой. Дело, как говорится, житейское. Может, что-то у него не сложилось с новым начальником, может, дома какая неприятность произошла... Так или иначе, запил мужик.

Утром ко мне зашел подполковник Жилин, уже избавившийся от обязанности замещать начальника штаба и вернувшийся в свой «кабачок».

– Андрюха, ты послушай-ка! Сбегай к Ивану домой, узнай, чего там. И мне потом расскажешь, лады?

– Хорошо, товарищ подполковник, сейчас сбегаю, – я вытер перепачканные тушью руки и пошел в городок. Дверь квартиры Ларцевых открыл их сын, старшеклассник.

– Привет! Отец дома? – спросил я его.

– В гараже он. Ты же знаешь наш гараж?

– Ну, как не знать! – за это лето я изучил этот гараж вдоль и поперек.

Он служил майору Ларцеву не только для хранения его «Москвича», но и в качестве то ли выездной дачи, то ли тайного укрытия.

– Товарищ маойр! Иван Дмитрич! – заколотил я в железные ворота. – Это я, Андрей! Меня к вам Жилин прислал, – орал я где-то с минуту. Наконец дверь приоткрылась, и на солнце выполз заспанный майор в майке и трениках.

– Чего тебе? – буркнул он, потеряв густо заросший щетиной подбородок.

– Жилин просил узнать, как вы тут? Начальник штаба – новый. Волнуется... И сам Жила волнуется.

– Ладно... Скажи чтоб не волновались... – Ларцев задумался. – Завтра приду.

Я вернулся в штаб, нашел подполковника Жилина и передал ему состоявшийся разговор.

– Ну, хорошо, – сказал Жилин. Я согласился. И мы оба ошиблись.

На следующий день Жила снова зашел ко мне в кабинет, на этот раз чернее самой черной грозовой тучи.

– Иван помер! – огорошил он меня прямо с порога. Я от неожиданности даже не нашелся, что спросить. Поэтому Жилин продолжил: – Отравился. Пьяный был...

В тот вечер, уже после того как я разбудил его в гараже, майор Ларцев еще выпил коньяка, хранившегося там же, в большой канистре, и лег спать. Проснувшись, он, видимо, решил поставить точку в затянувшихся возлияниях. Но последний глоток оказался на самом деле последним. Мой начальник перепутал канистры и вместо коньяка хватанул несколько полновесных глотков антифриза. Ему хватило сил выбраться из гаража и сделать несколько шагов по направлению к дому. Но до госпиталя его уже не довезли, он скончался в машине «Скорой помощи».

Иван Дмитриевич был странным офицером. Как бы он ни старался выглядеть грозным начальником, у него это не получалось. Он даже ругался как-то смешно. Хотя, честно говоря, он и ругался-то редко. Все эти почти полтора года я жил у майора Ларцева, как у Христа за пазухой, зная, что он не даст меня в обиду никому из офицеров, закроет глаза на постоянные отлучки в клуб и даже не рассердится, если застанет спящим на столе в кабинете. Если бы мне нужно было назвать самого невоенного, самого домашнего офицера нашего полка, я бы назвал таковым майора Ларцева, забавного, безобидного человечка, с вечно сдвинутой набок и на затылок фуражке.

Естественно, когда понадобилось помогать с организацией похорон, я и не думал отнекиваться. Даже когда выяснилось, что нужно ехать в морг, забирать тело. Медбрат был тогда в полку один, начальник санчасти отсутствовал. Вот мы со Славой и поехали, предварительно зайдя к Ларцевым в квартиру и забрав чистые белье и обмундирование. Хорек, узнав, что я еду в морг, сделав круглые глаза, уверенно сообщил мне, что я теперь есть не смогу. Как минимум несколько дней.

В морге покойник был только один. Тело майора лежало на столе, голое, с огромным синим шрамом, тянувшимся от горла до паха. Я даже не предполагал, что после вскрытия остается такой ужасный след! Шов зашили криво, большими толстыми стежками. Этот шов притягивал к себе все внимание. И при жизни-то миниатюрный майор теперь казался совсем крошечным, какой-то детской игрушкой, которую нерадивые хозяева решили подлатать после долгих лет хранения на заброшенном чердаке.

– Ты как? – спросил меня медбрат Слава, до сих пор не утвердившийся

в уверенности, что со мной все будет в порядке. Он-то знал, что я впервые в жизни так близко вижу мертвое человеческое тело.

– Да я в порядке, – сказал я. Это была правда. Мне казалось абсолютно естественным, что именно я приехал помочь санитару подготовить к погребению человека, с которым прожил и проработал почти полтора года.

Белье на труп мы надели без проблем, а вот дальше стало сложнее. Тело уже закоченело и конечности совершенно не гнулись. Я боялся, что если мы надавим сильнее, то сломаем руку или ногу.

– Давай, давай! Сильнее! – прикрикнул Слава. – Ничего ты ему уже не сделаешь. А так хрен мы его согнем!

Вздыхнув, я поднатужился, и дело пошло быстрее. Через полчаса все было закончено. Иван Дмитриевич лежал в полной парадной форме, разве что на ногах отсутствовали сапоги. Мы надели на него какие-то легкие туфли, видимо специально подготовленные для похорон. В машину тело должны были загрузить работники морга.

Вышли покурить. День стоял солнечный и совершенно не соответствовавший настроению.

– А ты врачом не хотел стать? – вдруг спросил меня медбрат.

– Меня об этом с детства спрашивали, – улыбнулся я. – Я в четыре года два раза в больницу попадал. Сначала с гангренозным аппендицитом, потом с ущемленной грыжей. Так что меня все дразнили, что я хирургом стану. А почему ты спрашиваешь?

– Да, честно говоря, первый раз вижу человека, который в такой ситуации настолько спокоен, – сказал Слава. – Из тебя бы мог врач получиться.

– Да, нет... Это – не мое. – Я выпустил струйку дыма. И подумал, как странно: мне говорят, что, возможно, я мог бы спасти жизни людей, в тот момент, когда я только что вышел из морга. Слава не настаивал. Он вообще был тихий и деликатный, как будто все время чувствовал вину за то, что служит не так, как все. Начальство традиционно считало, что в санчасти находятся одни симулянты. Когда прежний командир пребывал в особенно мрачном расположении духа, он требовал собрать на плацу весь личный состав, включая всех «хромых, косых и ебнутых из санчасти». В этих случаях мы стояли в строю до тех пор, пока на плац не выходили люди в пижамах. Таковых каждый день в санчасти бывало человека по два-три, не более. Выходили строиться также и Слава, и наш начмед, про которого рассказывали странное. Кто-то из солдат пустил слух, что начальник медсанчасти полка – голубой, потому что он при любом медосмотре заставлял пациентов снимать штаны и интересовался санитарным

состоянием паховой области. Так к нему это клеймо и прилипло, хотя никаких более весомых доказательств его нетрадиционной ориентации не существовало.

Поминки по майору Ларцеву организовали прямо в полку. На стадионе поставили большую палатку, ту, которая ездила с нами в Караязы и работала на учениях столовой. Правда, убрали все внутренние перегородки, и получилось что-то вроде огромного шатра. Внутри в несколько рядов стояли столы и лавки, за которыми расселились офицеры, их жены, какие-то гражданские, чье появление здесь, видимо, тоже чем-то было оправдано. Сидели и несколько солдат. Я оказался рядом с женой Дьяконова, грустной и какой-то выдохшейся. Сами поминки я не запомнил. Единственное, что осталось в памяти, – большая тарелка с лобio, которая стояла прямо передо мной. Есть не хотелось, пить было как-то неудобно, поэтому я очень быстро сбежал.

Майора Ларцева похоронили на городском кладбище, там был небольшой русский участок. Спустя несколько дней подполковник Жилин притащил, вернее, притащили какие-то солдаты, надгробный камень. Жилин сказал, что это – очень правильный камень, его добывают где-то в карьере, и он очень подходит для памятника. Мы с ним согласовали надпись и рисунок, простую веточку, после чего еще несколько дней я обычной отверткой выскабливал на поверхности изображение. Камень оказался на самом деле податливым и послушным. Правда, позже все пришлось переделывать. Я закрасил получившийся рельеф золотой краской, и мы решили покрыть весь камень лаком, думали, так он будет защищен от сырости. Вышло же все наоборот, камень перестал дышать и начал стремительно покрываться какой-то плеснеобразной гадостью. И только после того, как я отшкурил весь памятник и заново нанес рисунок, могила моего начальника приняла окончательный вид. Так закончилось мое последнее армейское лето.

А в начале сентября мы отправились на очередное КШУ, кстати, первое с новым командованием. Перед самой отправкой от нашей компании отвалился Траповский, по состоянию здоровья. Я работал в кабинете и сквозь открытое окно услышал, как меня кто-то зовет. Голос был незнакомый, какой-то глухой и неразборчивый. Я высунулся в окошко и увидел Траповского, у которого половина лица раздулась как шар и переливалась всеми цветами радуги.

– Это что с тобой? – спросил я.

– Колесо бортировал, – как всегда кратко ответил Витька.

– Ну? – Я невольно перешел на его манеру разговора.

– Кувалдой ебнуло, – с плохо скрываемой гордостью объяснил мой товарищ. Ясное дело, что в поход мы отправились без него.

Как потом выяснилось, эти КШУ вошли в историю нашей части. Как всегда, сначала мы совершили марш-бросок на машинах. Ехать нужно было далеко, на место мы прибыли поздно, и палатки для офицеров разбивали уже в темноте. Тратить лишний час на собственные палатки совершенно не хотелось. Тут я решил попробовать.

– Товарищ полковник! – обратился я к нашему новому командиру, подполковнику Ухову. – Разрешите?

– Чего тебе?

– А давайте мы не будем палатки ставить для личного состава.

– Как это? – спросил Ухов.

– А зачем зря время терять? У нас же есть нары, есть матрасы, а два «КамАЗа» уже пустые, мы в них можем спать.

– И в случае необходимости быстро покинуть лагерь, – неожиданно пришел мне на помощь майор Кашин, наш новый начальник штаба.

Подполковник Ухов озадаченно поднял брови куда-то под самую фуражку.

– Да... В общем-то, почему бы и нет...

Так мы ввели в обиход новый способ обустройства лагеря на командно-штабных учениях. Более того, мы даже домой потом ехали в условиях повышенной комфортности: все грузы сложили в один «КамАЗ», а второй получили в свое полное распоряжение, всю дорогу проведя в положении «лежа». Уже после моего дембеля ребята рассказывали, что нововведение прижилось. С точки зрения армейских правил, наверное, все это выглядело не очень правильно, но в определенном здравом смысле такому рационализаторскому предложению тоже нельзя было отказать.

Мои новые начальники оказались не хуже старых. Не могу сказать, что они были лучше, но, возможно, я просто уже не успел узнать их поближе. Но ни с подполковником Уховым, ни с майором Кашиным у меня никаких проблем не возникало. Они также лояльно относились к моим «сторонним» обязанностям, объем которых с приближением осени снова возрос.

Четвертого октября наконец-то вышел мой приказ. Я даже запомнил его номер – «Приказ министра обороны СССР № 311». Мы уже вовсю готовились к прощальному концерту «Филиала». Олег окончательно утвердился с составом: бас-гитару забрал себе Траповский, Тедеша, Игорь, я и сам Мороз остались в своих прежних ампулах, а за клавишные встал новичок, молдаванин Витя по фамилии Сыргу. Олег решил сделать его своим преемником и передать клуб и передвижную кинобудку в его

ведение. Правда, с Сыргу ему пришлось помучиться. Тедеев даже сочинил припевочку, на мотив песни «АББА» про деньги: «Сыргу, Сыргу, Сыргу! Я щас вырву от его...» – тут надо было поставить подходящее по смыслу слово.

Потенциальный полковой киномеханик отчаянно тормозил. Доходило до смешного. Как-то Олег в сердцах бросил ему, чтоб он «снял с ручника!» Тот согласно кивнул, но через несколько часов подошел к Олегу совершенно пунцовый, и осторожно спросил, какой именно «ручник» он имел в виду?

Пока мы усиленно репетировали, остальной личный состав нашел себе новое развлечение. В середине октября произошел настоящий прорыв на Центральном телевидении. По первой программе начали показывать первый латиноамериканский сериал «Рабыня Изаура»! Я пришел в ленинскую комнату посмотреть, что это за зверь такой, где-то на третий-четвертый день показа. Комната была набита битком, за сюжетными перипетиями публика наблюдала с открытым ртом, хотя я, честно говоря, так и не понял почему. К моему возвращению домой термин «мыльная опера» уже прочно вошел в лексикон обывателя, вместе со словом «фазенда» и именем «Жануария». Жануариями, кстати, тут же начали дразнить всех толстяков в полку.

Медаль ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде»

Одним из наиболее упитанных наших сослуживцев был секретарь комсомольской организации полка, старший лейтенант Голубков. Он, конечно, не выглядел стопроцентной Жануарией, скорее больше ему подходило определение «в меру упитанный». Наш комсомолец был маленьким, кругленьким, с залысинками, очень энергичным, как и полагалось комсомольскому вожаку. Перед праздниками он принес мне удостоверение о награждении медалью ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде». После чего с удвоенной энергией начал агитировать за вступление в партию.

«Удвоенной», потому что он и раньше ко мне подкатывался, но я каждый раз находил какую-то важную причину, чтобы отказаться. Типа, «не считаю себя достойным» и т. п. Медаль-то я у него взял, а от партбилета опять отбрыкался. Тогда Голубков побежал за помощью к майору Фоменко, но наш парторг, по-моему, уже давно все для себя решил и рвением на ниве партийного воспитания не отличался. Получив от старшего товарища ответ, выразившийся – в приемлемом виде – как «да и фиг с ним!», комсомолец прекратил агитацию. Но от нас не отстал. Перед праздниками он начал набирать группу для поездки в Тбилиси, на какую-то конференцию комсомольского актива.

Сначала старший лейтенант Голубков пытался соблазнить всю нашу компанию целиком. Не получилось. Ни киномеханик, ни почтальон, ни свинарь никак не могли оставить свое хозяйство ни на минуту. Пробормотав, что мы все такие крутые, что ему «на хуй некого послать», старший лейтенант воззвал к моей совести.

– Ну, поедем, Норкин! Ну, что тебе стоит? Посмотришь Тбилиси, в конце концов!

Этот аргумент показался мне интересным. Действительно, когда бы я еще смог получить такую возможность. Мы с Тедешей, который в Тбилиси бывал неоднократно, разработали хитрый план. Поскольку требовалось собрать группу из трех человек плюс сам Голубков, четвертый, мы завербовали еще одного соучастника – Дато Магарадзе из нашего взвода управления.

Магарадзе выглядел как типичный маменькин сыночек: тихий, воспитанный, интеллигентный. Армия его, конечно, испортила немного. Однажды он ужасно из-за чего-то обиделся на нашего командира взвода. Пришел ко мне в кабинет и сказал:

– Андрей! Ты знаешь? Фаридов – ..... чистый хуй!

Я аж сел от неожиданности! Чтобы такие слова произносил наш Магарадзе, это было что-то абсолютно невероятное! Но он на этом не остановился.

– Нет! – вдруг сказал он. – Андрей! Ты знаешь? Фаридов – ..... грязный хуй!!!

Тут я понял, что у Магарадзе – настоящая трагедия, и постарался его как-то успокоить. Во взводе его считали немного придурковатым. Азербайджанцы любили дразнить его так: подходили сзади и начинали кричать: «Баран – бее-ее-е! Магарадзе – мее-ее-е!» К чести Дато, он на это внимания не обращал, хотя видно было, что ему неприятно. А объяснялось все тем, что Магарадзе не хватало нахрапистости, каковой обладали остальные его земляки.

Тбилисские грузины – это вообще отдельная история. Они выступали в роли местных «москвичей», обитателей столицы, носителей истинных знаний и обладателей изысканного вкуса. Все остальные воспринимались ими как необразованная деревенщина, ничего не попробовавшая в своей жизни. Магарадзе был не таким. Простой и открытый, он с радостью принял наше предложение смотаться на пару дней в Тбилиси. Конференция конференцией, а домой заскочить – всегда приятно.

Тбилиси осени 1988 года еще поражал только своей красотой. Потом, после развала Союза, во время войны, разрухи, когда деревья вырубали на растопку, грузинская столица производила другое впечатление – города, истерзанного кровавыми распрями. А тогда все выглядело почти идиллически, разве что время от времени встречались группы митингующих с плакатами. Но, поди разбери, что у них там было написано, по-грузински...

Дато сразу отправился домой, договорившись встретиться с нами уже у него в квартире, а мы с Тедешей отправились гулять по городу. Катались на метро из центра до станции «Дидубе», где жил Магарадзе, забежали на рынок за чурчхелой, гуляли по набережной Куры и, конечно, по закоулкам в армянских районах. Тогда я и увидел, как выглядит настоящий «параджановский» дворик. Конечно, посетили мы и главный переговорный пункт города. Он сильно отличался от кутаисского и размерами, и интерьером. Но главное – списком городов. Если из Кутаиси звонили в Москву, в Питер, в Баку и Ереван, то в Тбилиси, пока мы ждали своей очереди, слышали следующие вызовы: «Париж – третья кабина!», «Тель-Авив – четвертая кабина!», «Нью-Йорк – вторая кабина!» Все-таки у тбилисцев были определенные причины для того, чтобы выпендриваться!

В конце концов мы приехали к Магарадзе домой, где нас уже ждал

накрытый стол, не на кухне, а в гостиной, и даже бутылка виски! Что, конечно, свидетельствовало о высшей степени гостеприимства. Я первый раз в жизни пил виски, и мне напиток совсем не понравился. Много лет спустя, когда я распробовал этот вид крепкого алкоголя, я уже понимал, что в гостях у Дато мы пили далеко на самый лучший из сортов шотландского виски, но это не имело никакого значения, ни тогда, ни сейчас! Уходя из гостей, мы с Тедешей от всей души благодарили хозяев, даже не думая выражать какое-то неудовольствие!

Поскольку мы немного задержались, к Дому офицеров на проспекте Руставели мы подъехали на такси. Появление оказалось весьма эффектным. У дверей толпилась большущая группа людей в военной форме: генералы, полковники, майоры, сержанты. Они разговаривали, курили, в общем – ждали начала мероприятия. В числе ожидающих был и наш комсомолец. Старший лейтенант Голубков явно волновался, когда мы его увидели, он нервно смотрел на часы.

– Ну, слава Богу! – закричал он, завидя нас. – Я уж боялся, что вы опоздаете!

– Не, – с благодушной улыбкой промямлил Тедеша, пребывавший в наилучшем расположении духа.

– Вы... чего это? – еще больше заволновался Голубков. – Вы бухие, что ли?

Он перешел на драматический шепот и так вытаращил глаза, что я испугался – не хватил бы его инсульт. Поскольку отпираться было глупо, я сообщил старшему лейтенанту, что мы выпили на четверых бутылку виски, так что поводов для беспокойства нет. Дышать будем в сторону.

– В какую сторону! – опять захлопотал лицом Голубков. – Ты в президиуме должен сидеть!

Это меняло дело. Мне совсем не улыбалось попадать в какую-нибудь историю под самый дембель. Да еще и в Тбилиси, так сказать, на выезде. Пришлось срочно выкурить пару сигарет и воспользоваться голубковской жвачкой, оказавшейся у него в кармане весьма кстати.

Мы вошли в зал, и Голубков усадил меня у прохода. Так было удобнее перебираться в президиум.

Ребята и сам старший лейтенант отправились куда-то на задние ряды, а я остался ждать того, как повернется моя судьба.

Начало задерживалось, потом по залу вдруг пронеслось какое-то шевеление, и я почувствовал, как кто-то сзади хватает меня за волосы. Стрижка моя, с учетом дембельского статуса, явно превышала все разрешенные уставом нормы. И по длине, и по густоте волос.

– Ух, ты, какой волосатенький! – ласково произнес этот «кто-то», теребивший меня по загривку. Я обернулся и увидел командующего округом генерала Родионова, собственной персоной. Генерал с благодушной улыбкой на лице прошествовал мимо меня, зато тут же подлетел какой-то майор. Вроде адъютанта.

– Товарищ сержант! – прошипел он. – Вы откуда?

Я подумал, что лучше говорить поменьше. Вдруг жвачка не подействовала.

– Из Кутаиси, – ответил я настолько лаконично, как только было можно. Расчет оказался верным.

– Фууу, – выдохнул майор. – Я уж думал ты из наших, из тбилисских. Думал, разбираться придется!

И убежал, обрадованный, что одной гипотетической проблемой стало меньше.

Саму конференцию, я, разумеется, не помню. Когда стали объявлять состав президиума, я, со своей новенькой медалью, занял место на сцене, где и провел вполне благополучно следующие часа полтора. Судьба ко мне, как всегда, благоволила!

Иногда это меня даже пугало. Я думал: как же так, про армию мне рассказывали какие-то страшные, ужасные вещи, а у меня не служба, а какой-то санаторий с развлечениями. Но размышления эти никогда не занимали слишком много времени. «Все хорошо?» – спрашивал я сам себя. «Вот и хорошо!» – отвечал я самому себе. И выбрасывал мысли из головы.

Миновали ноябрьские праздники. Мы отыграли прощальный концерт в городке. Приближалась пора «дембельских аккордов». Так называлось некое в каком-то смысле ритуальное задание, которое поручалось командованием уходящему на дембель военнослужащему. Подавляющее большинство «дембельских аккордов» относилось к ремонтно-строительным работам. Занимал «аккорд» недели две, и предполагалось, что по его окончании призывник мог со спокойной совестью отправляться домой. Но в тот год это неписаное правило было нарушено. «Аккорды» давали очередями. Думаю, просто потому, что командование округа не очень понимало степень напряженности в регионе и на всякий случай придерживало личный состав на местах.

В это же время шла активная работа над дембельскими альбомами. Я делал альбом для Олега. Без ложной скромности могу сказать, что получилось у меня настоящее произведение искусства! Если обычный альбом представлял собой набор фотографий и калек, с одинаковыми всегда и у всех сюжетами, то я сочинил для Мороза настоящий комикс.

Назывался он «Кинг Конг в Кутаиси». Сюжет был простой. Кинг Конг, вырвавшийся со своего затерянного в океанских широтах острова, нападает на мирный городок в западной части Грузии. Но на помощь его жителям приходит доблестный «полковник Мороз», который с гитарой наперевес дает чудовищу самый решительный отпор. В роли гигантской обезьяны выступал, естественно, Ярмолук. Поскольку у нас был свой фотоувеличитель и набор химикатов, фотографии мы делали сами. Я снял с Игорем несколько постановочных фото. Например: обнаженный по пояс Ярмолук лупит себя кулаками в мохнатую грудь и корчит страшные рожи. Эффект гигантизма достигался очень просто, в процессе печатания фотографий. Что нужно – я делал побольше, что нужно – поменьше. Потом все это склеивалось, накладывалось друг на друга, так что получилась полноценная история в картинках. Думаю, что никогда в Советской армии не было такого дембельского альбома. Ни до, ни после нас.

С оформительской точки зрения мне тоже было чем гордиться. Все полученные за годы писарской работы в штабе навыки я щедро применил в этом альбоме. Страницы его окрашивались тушью, заливались лаком, все блестело и сверкало. Сверкание, кстати, достигалось следующим образом. Нужно было взять необходимую краску, довести ее до строго определенной консистенции, потом обмакнуть в нее зубную щетку и, чуть нажимая на ее ворсинки пальцем, «стрелять» в нужном направлении. Получался такой микропультверизатор!

Мы с Олегом закончили альбом перед самым его отъездом. Ему, так же как и несколькими месяцами раньше Траповскому, пришлось ехать на похороны. Вообще-то мы рассчитывали уволиться все вместе, но из-за Олега планы пришлось пересмотреть. Ребята предложили мне сначала заехать к ним в гости, в Житомир. Я, как самый распоследний эгоист, разумеется, согласился. Про родителей в Москве я думал в последнюю очередь. Я боялся перед ребятами не должным образом выглядеть. Логика была такая: я ведь по своему положению, по штату, нахожусь в гораздо более выгодном состоянии относительно увольнения, но если я уеду раньше других, то мне будет неудобно и стыдно. В письме домой я написал: *«Думаю, вы меня поймете и обижаться не будете!»* Конечно, мои родители меня поняли и не обижались, хотя вряд ли остались рады такому повороту событий.

Олег уехал. Я договорился с майором Кашиным, что меня не будут отправлять без ребят. По всем расчетам выходило, что в Москве я окажусь самое позднее 15 декабря. Но недаром говорят, что если ты хочешь рассмешить Бога, сообщи ему о своих планах. Как это уже неоднократно

бывало, нашим планам не суждено было сбыться в точности.

«Болото вдруг забурило. И не только в Карабахе, но и в Нахичевани, Кировабаде, Баку, Ереване, а теперь и у нас, в Грузии. Из-за обстановки, сложившейся сейчас, увольнять будут только группами, не меньше 5–6 человек, и так, чтобы они ехали желательнее в одном направлении. Сегодня в городе будет большая демонстрация. Одно из наших подразделений даже вооружили по этому случаю. В полк прибыл мотострелковый батальон на БТР-ах, сейчас живут в наших казармах – на всякий случай. Сегодняшний митинг готовится уже давно, народу, наверно, будет тьма. Школьников сегодня будут держать в школах до 6 вечера. Не во всех школах, конечно, а только в русских. В общем, влипли мы под дембель. У грузин – каждый день по телевизору успокоительные выступления. В Тбилиси 800 человек объявили голодовку, сидят напротив Верховного Совета Грузии, 122 человека уже в госпитале. Похоже, что в Тбилиси также ввели комендантский час, только не на каждый день. А в Ереване, Кировабаде и Баку улицы патрулируют самые настоящие танки! Интересно, как долго об этом ничего не будут писать в газетах? 03.12.1988 г.»

То, что обстановка вокруг накаляется, ощущалось в буквальном смысле физически. Мне, в первый и в последний раз в армии, «дали в морду». Совсем чуть-чуть, но – дали!

В полк начало поступать очередное молодое поколение. Очень много приехало грузин, в том числе из Тбилиси. И они разительно отличались от тех, с кем мы служили все это время. Новобранцы, так сказать, «сформировались» в крайне политизированной обстановке тех дней. Армейские уставы, как и наши доморощенные правила, на них не действовали. Они просто не собирались их выполнять, справедливо рассуждая, что если еще пару недель назад, у себя дома, они выходили на улицу и требовали независимости, то и сейчас, оказавшись опять же у себя дома, но под началом русских офицеров и сержантов, от своих убеждений они отказываться не должны. Ну, они и не отказывались.

Драки происходили почти ежедневно, поэтому даже мы, дембеля, старались не перемещаться по полку поодиночке. Хотя все это оказалось «цветочками». «Ягодки» пошли к лету восемьдесят девятого. Наши коростеньские «молодые» спали тогда с топорами под подушкой, а в конце концов взяли и всем шалманом сбежали в Москву. Ко мне.

Они заявили под утро, перебудив всех моих домашних. Две недели

ребята жили у нас дома, пока в Министерстве обороны разбирались с тем, что с ними делать. Всех отправили дослуживать в другие части.

Ну, а на рубеже ноября – декабря 1988 года до топоров еще не дошло. Тем не менее когда я имел неосторожность обозвать кого-то из молодых грузин «бараном» – они слишком медленно раздавали автоматы из оружейной комнаты перед очередной тревогой, – мне это с рук не сошло.

Вечером я отправился в клуб. Уже темнело, но света хватало для того, чтобы увидеть, как из кустов ко мне выскакивают человек пять. Решив хоть как-то минимизировать возможный ущерб для здоровья, я снял очки и приготовился размахивать кулаками. На мое счастье, происходившее не осталось без внимания союзников.

Молдаван, которые служили в нашем взводе, мы называли «шарануцами». Просто такую фамилию носил один из мальчишек. А с учетом того, что Витька Сыргу играл в нашей группе, отношения с молдавской диаспорой были очень хорошими. (Приднестровье тоже еще не наступило!) Один из «шарануц» увидел, как группа грузин кучкуется в кустах по дороге в клуб, и сделал очень правильный вывод: будут кого-то мочить. А когда он увидел меня, то сразу понял, кого именно.

Короче говоря, помощь пришла вовремя. Я успел получить только пару раз, как раздался истошный вопль: «Нооооор!» Вот не зря я все-таки Ярмолюка на роль Кинг Конга выбрал! Возглавляемые Игорем и Толиком, мои товарищи выскочили из кустов, и картина резко переменялась. Численное преимущество оказалось уже на нашей стороне, что привело к немедленному отступлению противника. Так закончилась, едва начавшись, моя единственная армейская драка!

Только к первой неделе декабря начались полноценные «дембельские аккорды». Бардак, как всегда, был запредельным. Некоторые водители, которым полагалось сдавать свою автотехнику, отчитывались перед проверяющими, снимая аккумулятор с чужой машины и ставя его на свою. Потом водитель обесточенной машины возвращал аккумулятор на место и сам шел отчитываться! Валера Балаян, из третьего дивизиона, чуть не спалил целый склад с орудиями. Он решил помыть пушку бензином, чтоб вся грязь отстала. А потом неудачно закурил, слишком близко от блестящей на солнце, чисто вымытой и благоухающей бензином гаубицы...

Мне тоже достался «аккорд», очень банальный. Я должен был привести в порядок свой рабочий кабинет: побелить и покрасить потолок, стены и пол. Чем и занялся, предварительно выклянчив у начхима Дубченко парочку респираторов.

«Всем привет! Здравствуйте все, кто уже устал меня ждать! Честное слово, видно, служба у меня проходила слишком легко и удачно, так все пошло наперекосяк под самый ее конец. Надолго запомнится этот месяц. После того, как я и ребята отправили домой Олега, у нас задержали дембель, в связи с волнениями в Грузии. А потом случилось это ужасное землетрясение. Оно у нас тоже ощущалось. Сейчас в Армении работают в основном солдаты. Мы сейчас на «взводе» сидим. В любое время водителей, даже увольняемых, могут отправить в Армению.

Самое интересное то, что среди солдат (тех, кто не входит в нашу компанию, естественно) нет ни одного, кто одобрил бы то, что я жду ребят, а не уезжаю, хотя такая возможность у меня есть постоянно. Меня даже начальник штаба пугает: «Будешь себя плохо вести – отправлю домой!» Смешно, правда? 11.12.1988 г.»

Спитакское землетрясение произошло 7 декабря. Была среда, «завтрак уже давным-давно кончился, а обед еще и не думал начинаться», я работал у себя в кабинете. Ремонт я уже практически закончил, оставалось только покрасить пол. За процессом «передвигания» шкафа меня и застал замкомандира полка. Андреев ворвался ко мне в кабинет в крайней степени возбуждения.

– Норкин, ты почувствовал?

– Что? – выглядывая из-за шкафа, спросил я. Я ничего не чувствовал, кроме усталости, потому что шкаф, даже пустой, был довольно тяжелым.

– Землетрясение!

Только тут я обратил внимание на то, что люстра под потолком раскачивается. Подполковник убежал, а в соседних комнатах начали трезвонить телефоны. Что случилось, стало понятно через час, может быть, чуть позже. Хотя, конечно, полная информация поступила лишь спустя несколько дней. Говорили, что Спитак разрушен до основания, огромные разрушения в Ленинакане, тысячи людей погибли.

Спитакское землетрясение 1988 года

К сожалению, эта первая волна слухов оказалась весьма достоверной. Спитакское землетрясение стало одним из самых страшных в истории Союза, а общая ситуация на Кавказе только способствовала усилению впечатления. На армян было больно смотреть, они ходили черные, как самые тяжелые грозовые тучи. Даже азербайджанцы, казалось, на время прекратили с ними конфликтовать. Нас же больше всего волновал вопрос: насколько велик риск отправиться в экстренную командировку, вместо того чтобы ехать домой.

Возможно, с общечеловеческой точки зрения такая позиция выглядит неверной, негуманной. Но раз уж я ничего не придумывал в своем рассказе об этих двух годах службы в армии, было бы еще более нечестным заявлять, что мы с ребятами рвались в Армению, на помощь пострадавшим. Мы рвались домой. Землетрясение стало для нас еще одним неожиданным, непредсказуемым препятствием на этом пути.

Тем более что водителей, а основной костяк нашей компании составляли именно они, невзирая на официальные должности, в любой момент могли отправить в пострадавшие районы. Водителей там не хватало, как и техники, поэтому в зону бедствия перебрасывали все, что

можно. Кстати, иногда – с трагическими последствиями. Два самолета, летевшие в те дни в Армению, разбились. Но, наверно, все-таки сроки пребывания на Кавказе, отведенные нам судьбой, заканчивались. Где-то числа десятого майор Кашин сказал мне, что можно ехать за билетами.

План у нас был такой. Московским поездом доехать до Адлера, там пересесть на киевский, а оттуда добираться до Житомира уже на перекладных. Тогда это означало еще один железнодорожный переезд, с пересадкой в Фастове. То есть путь предстоял долгий и муторный. Естественно, планировалось как-то его скрасить. Как – догадаться нетрудно.

Для этого существовал коньяк. Самый дорогой стоил 7 рублей за литр. Чуть похуже качеством – по пять. За коньяком нужно было ехать на один из многочисленных заводов. Например, в Зестафони. Но гораздо ближе к нам располагался городок Варцихе.

Наступал важный момент, когда каждый уезжающий на дембель солдат, желающий прихватить домой уникальный грузинский сувенир, шел в санчасть и просил о помощи нашего начмеда. Именно он выступал главным поставщиком этой продукции, хотя каналы были налажены большинством офицеров полка.

Могло показаться, что более логичным выглядело привозить домой чачу. Тем более что наши командиры разработали огромное количество рецептов по улучшению этого напитка. Использовались самые разнообразные ингредиенты: от марганцовки и внутренних перемычек грецких орехов до свежего тархуна. Но чачи нельзя было получить много и в одном месте, а нам требовались промышленные масштабы. Я, например, выступил весьма скромно, привез всего пять литров. А ребята везли по двадцать, тридцать, некоторые – по сорок литров. Конечно, тара требовала специальной подготовки. Для этого использовались пластмассовые канистры, которые сначала на протяжении нескольких дней испытывали на предмет устранения протечек. Если появлялись хоть малейшие подозрения, канистра отбраковывалась. Потом, уже после того, как заполненные емкости прибывали в полк, тщательно запаивались горлышки. Расплавленным воском. И только после этого канистры упаковывались по чемоданам и рюкзакам...

Наступил день отъезда. Ребята собирались в клубе, а я побежал в городок, по так хорошо выученному за это время маршруту штабного посыльного. Мне хотелось попрощаться с некоторыми из моих командиров. С Жилой, с начхимом Дубченко, с нашим начальником клуба Мелешко, с командиром взвода Фаридовым, с комсомольцем Голубковым, с парторгом

Фоменко. Обязательно надо было забежать к Дьяконовым. А еще я хотел зайти к заместителю командира полка, подполковнику Андрееву. Ребята, кстати, этого моего желания не поняли. Все-таки Андреев сильно гонял нашу «гоп-компанию».

Андреев сам открыл дверь. Он был одет в традиционную домашнюю одежду офицера советской армии, в тренировочный костюм. Но – в идеальном состоянии, без растянутых коленок.

– Здравствуйте, товарищ полковник! Вот, зашел попрощаться и сказать «спасибо».

Он как-то странно на меня смотрел и по своей привычке «жевал губами», от чего его усы смешно двигались вверх-вниз.

– И тебе спасибо, Андрей, – наконец сказал он. И добавил нечто неожиданное: – Знаешь, это – первый раз, когда увольняющийся пришел ко мне попрощаться!

Я не нашелся, что ему ответить, потому что несмотря на предвкушение самого главного, самого ожидаемого события в моей армейской жизни события мне почему-то стало очень грустно.

Я так и не понял (хотя это и не моего ума дело, конечно!), зачем Господь решил выхватить меня из московской размеренной жизни и окунуть на два года в этот театр абсурда. За прошедшее время произошло много различных событий, которые можно было назвать как угодно, но только не работой по повышению уровня безопасности родины! Моя армейская служба этому определению явно не соответствовала. Уходя от Андреева, я подумал, что, возможно, все это было для того, чтобы я встретил за короткий промежуток времени столько разных, отличных друг от друга людей. И пусть это высокопарно прозвучит – узнал цену искренней дружбы, не отягощенной меркантильными, карьерными или какими бы то ни было другими интересами, из которых состоит жизнь взрослого человека. Хотя какой я тогда был взрослый! Фоменко дома я не застал и очень расстроился.

Вернувшись в клуб, я увидел картину, поставившую жирную точку на этом живописном полотне. Мои друзья сидели в разных углах пустого зрительного зала и вытирали слезы своим подружкам-поклонницам, обещая им писать не реже, чем раз в неделю. Занавес был закрыт, поэтому в зале царил полумрак. А на ярко освещенной сцене, с сигаретой в зубах, сидел секретарь партийной организации полка майор Фоменко. Он играл на фортепиано. Играл одновременно что-то и очень трогательное, и лирическое, и несерьезное. Парторг устраивал нам настоящие проводы.

– А, Андрюха! – приветствовал он меня. – А ты чего с девчонками не

прощаешься?

– Так я к вам ходил, домой, – сказал я.

– А меня дома нет, – глубоко вздохнул парторг, выпустив струйку дыма. – Я – тут...

В самый последний момент Траповский вспомнил, что забыл забрать порох. «Порохом» мы называли спрессованные трубочки, напоминающие макаронины. Связки таких макарон находились внутри снарядов. Откуда мы их брали, а главное – зачем, я уже даже и не помню, но под сценой у нас скопилось штук шесть таких вязанок, что с точки зрения противопожарной безопасности было вопиющим нарушением. Увидев это, Фоменко только покачал головой и заиграл что-то бравурное и маршеобразное.

Он пошел провожать нас до остановки. Вместе с Тедешей, Сыргу, молодыми коростеньцами, целой группой «шарануц» и, конечно, девчонками. Когда мы погрузились в автобус, Алан что-то крикнул – нам было не слышно, что именно, – и выстроившиеся в шеренгу ребята взяли под козырек. И майор Фоменко тоже. Вот таким получилось наше расставание с Кутаиси.

Столь высокий нравственный градус за время путешествия, конечно, снизился. Веселье и ожидание встречи с домом взяли свое, пир горой продолжался всю дорогу. Только Хорек выбивался из колеи, молчал и, что было самым странным, ничего не ел. Уже в Житомире ребята мне объяснили, что Хорек, оказывается, все-таки устроил себе прощальный вечер. Но, в процессе близкого общения с какой-то, не слишком притязательной особой, подхватил неприятных попутчиков, которых обнаружил только в поезде. По приезде домой он первым делом залил себе всю паховую область дихлофосом и, конечно, сжег всю кожу! Воистину, в жизни иногда происходят вещи, которые трудно придумать, даже обладая самой смелой фантазией.

В Житомире я пробыл пять дней. Олег, который встречал нас на автовокзале, уже купил мне билеты до Москвы. Жил я у него и у Игоря по очереди. «Мед-пиво пил, по усам текло», все было, как положено. И, конечно, я опять потерял очки...

Дома, 22 декабря, меня встречал Илюха. Брат и наши общие друзья приехали на Киевский вокзал и помогли мне добраться до дома. Хотя это было и согласовано заранее, я не мог не отметить, как кстати пришлось их появление – ехать через всю Москву без очков было не очень удобно.

Когда я открыл дверь (Илюха дал мне ключ) мама убирала пылесосом коридор. Она обернулась на звук открывавшейся двери, увидела меня, помолчала несколько секунд и спросила:

– А где очки? – И сама же ответила, почему-то на украинский манер. – Сгубив!

Вот так я и вернулся.

А через два года моя мама погибла. И теперь я думаю, что мог бы приехать домой на целый месяц раньше. Не знаю, имеет ли это теперь какое-либо значение.

А еще через два года я встретил свою жену! Мы вместе уже больше двадцати лет. У нас четверо детей, восемь котов и восемь собак. С моими

армейскими друзьями я общаюсь до сих пор. Хотя, конечно, это получается гораздо реже, чем раньше. Ведь теперь мы живем в трех разных странах, а двадцать пять лет назад страна у нас была общая, а у нас перед ней были общие «священный долг и почетная обязанность»...

---

notes

Примечания

1

Кутаиси расположен в зоне влажного субтропического климата, поэтому в феврале в Кутаиси зеленеет трава.